НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА К ЧЕХОВУ

ЧЕХОВ И ПЛЕЩЕЕВ

Статья и публикация Л. С. Пустильник

1

Чехов познакомился с А. Н. Плещеевым в начале декабря 1887 г. в Петербурге, куда он приехал вскоре после первой постановки «Иванова» в московском театре Корша. Творчество молодого Чехова к этому времени уже завоевало признание не только среди широкого круга читателей, но и в литературной среде, виднейшие представители которой живо им интересовались. Во время своего пребывания в Петербурге в конце 1887 г. Чехов знакомится с Короленко, Гл. Успенским, Михайловским, Гаршиным, и эти встречи означали, что он вошел в «большую» литературу, как и предсказывал ему еще за полтора года до того в известном письме Григорович. Не в качестве робкого, начинающего беллетриста, а как признанный талант, смело и уверенно вступал Чехов в новый этап своего творчества, отмеченный вскоре созданием ряда значительных произведений, принесших ему настоящую славу.

В критико-биографических работах о Чехове этот его переход от мелких юмористических рассказов, от сотрудничества в «Осколках», «Будильнике» и других подобных изданиях к крупным социально-психологическим повестям и драмам, печатавшимся на страницах «толстых» журналов, обычно связывается с именем только Григоровича. Между тем немаловажную роль в творческой жизни Чехова в эти годы сыграло его общение с другим писателем старшего поколения — Алексеем Николаевичем Плещеевым, на что обычно не обращают должного внимания.

В конце 1880-х годов Плещеев, уже постаревший, сохранял в литературе авторитет крупного поэта и видного деятеля, связанного в прошлом с героической эпохой сороковых—шестидесятых годов.

Участник кружка петрашевцев, перенесший десятилетнюю ссылку и солдатчину, подвергнутый после ссылки надзору «без срока, секретному, строжайшему» [1], предупрежденный о «немедленной высылке в случае сближения с лицами, которые по секретным наблюдениям навлекают на себя подозрение в стремлении к ниспровержению настоящего государственного порядка» [2], Плещеев по возвращении на свободу в конце 1850-х годов сближается с руководителями революционно-демократического лагеря Чернышевским, Добролюбовым, с Салтыковым, М. Л. Михайловым [3] и Некрасовым. Их воздействие помогло поэту, возобновившему свою литературную деятельность, усилить обличение современного ему общественного уклада, основанного на социальном неравенстве,— призывать к борьбе за свободу обездоленных и угнетенных, за свободу отчизны. И хотя эти мотивы выражались в поэзии Плещеева нередко в общей и расплывчатой форме, их революционизирующее значение было несомненным.

Разносторонне образованный, обладавший тонким эстетическим вкусом, Плещеев был не только известным поэтом, но и талантливым критиком, к голосу которого прислушивались и которого ценили Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Островский и другие крупные деятели русской литературы.

Активный сотрудник «Современника», вкладчик и участник либеральной газеты «Московский вестник», позднее бессменный секретарь и, после смерти Некрасова, заведующий стихотворным отделом «Отечественных записок», Плещеев борется с реакцион-

ной печатью, с «катковщиной», с ренегатами и предателями, обличая крепостников, натянувших на себя «маску либералов» (письмо к Добролюбову от 13 мая 1860 г.— «Русская мысль», 1913, № 1, стр. 149). Почти все его критические статьи, рецензии и фельетоны были анонимны или подписывались псевдонимами, но цензура тем не менее запрещала или калечила их, что обусловливалось в значительной мере подозрительным отношением властей к поэту. Недаром вплоть до 1872 г. в ежегодных отчетах полиции появлялась лаконичная запись: «...ведет себя очень скрытно и подозревается в распространении идей, не согласных с видами правительства» [4].

После закрытия в 1884 г. «Отечественных записок», Плещеев вместе с основной группой членов редакции и сотрудников этого журнала перешел в «Северный вестник», где он с 1885 по 1890 г. заведовал стихотворным и беллетристическим отделами. Не играя заметной роли в определении общественно-политического направления журнала, Плещеев принимал близко к сердцу его интересы, заботился об его успехе и прилагал много сил, чтобы поднять на высокий уровень литературно-художественные отделы журнала. Привлекая к сотрудничеству в «Северном вестнике» крупных поэтов, беллетристов и общественных деятелей, Плещеев с доброжелательным вниманием относился и к молодым литераторам. Благодаря его содействию появились в печати в разных журналах первые стихотворения И. Сурикова, С. Надсона и первый рассказ А. С. Серафимовича. Он же в известной мере помог Антоше Чехонте стать Чеховым.

Еще до знакомства с Чеховым Плещеев стал его горячим почитателем, восхищался его рассказами, которые напоминали ему тургеневские: «Как сейчас вижу благообразную, почти библейскую фигуру старца-поэта А. Н. Плещеева, беседующего со мной по поводу книжки „В сумерках“, только что выпущенной Сувориным. „Когда я читал эту книжку,— сказал Плещеев,— передо мной незримо витала тень И. С. Тургенева. Та же умиротворяющая поэзия слова, то же чудесное описание природы...“. Особенно нравился ему рассказ „Святой ночью“»,—вспоминал позднее один из современников (Н. В. Дризен. Чехов и его пьесы.— «Возрождение», Париж 1929, от 15 июля).

После первой же встречи поэт был полностью покорен талантливостью Чехова, его личным обаянием и подкупающей простотой.

Щеглов, присутствовавший при их первом знакомстве, рассказывает в своих воспоминаниях: «И вот не прошло и получаса, как милейший А. Н. был у Чехова в полном „душевном плену“ ⟨...⟩ Загляни кто-нибудь случайно тогда в кабинет Плещеева, он наверное бы подумал, что беседуют давние близкие друзья» («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 139).

Понимая значение для «Северного вестника» сотрудничества Чехова и побуждаемый личной симпатией к нему, Плещеев тогда же пригласил Чехова написать что-либо для журнала. Ответом на это приглашение была повесть «Степь», напечатанная в мартовской книжке «Северного вестника» за 1888 г. А вслед за тем Чехов публикует на его страницах ряд новых своих произведений — «Огни», «Именины», «Скучная история» и др. Плещеев не устает напоминать Чехову о том, как нужны его произведения для журнала, подчеркивает, что от них во многом зависит успех очередной подписки на журнал. Но не только узкожурнальными соображениями руководствовался при этом Плещеев: он был искренно заинтересован в широком развитии таланта Чехова, чему могла помешать мелочная работа в газетах и ничтожных юмористических журнальчиках.

Плещеев считал, что «лейкинская работа» «губительна для дарования», и убеждал Чехова не растрачивать свой талант на мелочи, не отдавать свои рассказы «каким-нибудь паршивым газеткам, которые сегодня прочтут и завтра употребят на обертку...» («Слово», стр. 236). Особенно горячо протестовал Плещеев, когда узнал, что Суворин предложил Чехову штатное сотрудничество в редакции «Нового времени». В письме к Чехову от 31 декабря 1888 г., еще не зная о том, что предложение это и готовность Чехова принять его имели полушутливый характер (см. XIV, 279), Плещеев подчеркивал, что, хотя условия, предложенные Сувориным, «блистательны», но, как и многие уважающие талант Чехова, он не желал бы видеть писателя членом «армии нововременцев». Поэт предупреждал Чехова, что в качестве штатного сотрудника газеты ему придется писать и передовые статьи, и заметки, вследствие чего он «втянется в газетную работу, истощающую человека, высасывающую из него силы, измочаливающую

его нервы». (Здесь и далее цитаты из публикуемых ниже писем Плещеева к Чехову даются без ссылок, только с указанием даты.)

Относясь резко отрицательно к этой газете, как и к политическим взглядам ее издателя, Плещеев предостерегал Чехова от положительного ответа на предложение Суворина, считая, что подобная работа «непременно пагубно отразится на его таланте». Замечая, что появление время от времени на страницах «Нового времени» рассказов Чехова не дает оснований делать писателя «солидарным» со всем, что печатается в газете, поэт обращал внимание его на то, что, став штатным сотрудником ее, он будет нести «ответственность за всякую пакость какого-нибудь Жителя, Никольского или черт знает кого... Очень, очень будет прискорбно, если это осуществится...» (31 декабря 1888 г.).

Хотя Чехов и возразил Плещееву («Мои взгляды на дело и отношения к людям не мешают мне поступить в газету».— XIV, 279), но, как известно, он не принял предложения Суворина, и, возможно, не последнюю роль в этом отношении сыграла позиция Плещеева [5]. Плещеев не только содействовал появлению первой крупной вещи писателя — повести «Степь», — но и с удовлетворением встретил одобрительный отзыв о ней Салтыкова-Щедрина. «Я сегодня был у Салтыкова. Он редко кого хвалит из новых писателей. Но о „Степи“ Чехова сказал, что „это прекрасно“ и видит в нем *действительный талант*», — писал Плещеев своему сыну А. А. Плещееву в письме 6 апреля 1888 г.[6]

Плещеев вводит Чехова в круг передовой литературы Петербурга, знакомит его с лучшими писателями, артистами, общественными деятелями [7]. Так, у Плещеева Чехов познакомился с Гаршиным: «Милый друг Всеволод Михайлович. Завтра, 7 в⟨ечера⟩ в воскресенье, вечером у меня будет Чехов, который в понедельник уезжает. Вы бы сделали мне большое удовольствие, если бы пришли также»,— писал Гаршину Плещеев 12 декабря 1887 г. (ИРЛИ, ф. 70, № 115, л. 1).

Когда через несколько месяцев после этого Гаршин умер и Плещеев стал одним из инициаторов издания сборника его памяти, поэт привлекает к участию в нем и Чехова: «У нас имеется в виду несколько хороших имен: Салтыков, Короленко, Гл. Успенский,— надеемся, что и Чехов будет»,— писал он Чехову 2 апреля 1888 г.

Плещеев приглашает Чехова на публичные заседания Литературного фонда и особенно настойчиво — на собрание, посвященное памяти Гаршина: «Очень уж хочется вас ⟨...⟩ петербургской публике показать» (1 апреля 1888 г.).

Чехов относится с большим уважением к Плещееву как поэту и передовому общественному деятелю. «Дебютируя в толстых журналах, я хочу просить вас быть моим крестным батькой» (XIV, 23; см. также 20—21). Охотно согласившись напечатать повесть в «толстом» журнале и зная требовательное отношение Плещеева к художественному произведению, Чехов писал поэту: «...есть в моей повестушке места, которыми я угожу вам, мой милый поэт, но в общем я едва ли потрафлю» (XIV, 21).

Чехову было дорого, что Плещеев никогда не отделывался общими, ничего не значащими словами, «восхвалениями», а со всей откровенностью и прямотой высказывал свое мнение, как ни неприятно оно иногда было молодому автору. В отзывах Плещеева Чехов видел тонкого ценителя и доброжелательного, беспристрастного критика, отстаивающего лучшие традиции реалистической литературы. Вполне можно верить брату писателя Михаилу Павловичу, когда он писал, что «к А.Н. Плещееву Антон Павлович относился с глубоким уважением, дорожил его мнением» (М. П. Чехов. Антон Чехов и его сюжеты. М., 1923, стр. 56).

Личное отношение Чехова к Плещееву было неизменно доброжелательным, но не без оттенка трезвого скептицизма. Рассказывая в письме к Суворину о жизни на Луке, где летом 1888 г. гостил Плещеев, Чехов иронизирует над теми обитателями линтваревской усадьбы, которые глядят на поэта «как на полубога, считают за счастье, если он удостоит вниманием чью-нибудь простоквашу» (XIV, 118). Это всеобщее преклонение не могло не влиять на престарелого поэта. И Чехов с присущим ему юмором отмечает это в том же письме:«Здесь он изображает из себя то же, что и в Петербурге, то есть икону, которой молятся за то, что она стара и висела когда-то рядом с чудотворными иконами» (там же). Но хотя Плещеев и не был «чудотворной иконой», т. е. не принадлежал к числу великих деятелей сороковых — шестидесятых годов, тем не

менее он возбуждал в Чехове симпатию и искреннее уважение. Переходя в серьезный тон, он заканчивал: «Я же лично, помимо того, что он очень хороший, теплый и искренний человек, вижу в нем сосуд, полный традиций, интересных воспоминаний и хороших общих мест» (там же).

Поэтому после отъезда Плещеева из Луки Чехов писал ему: «Искренно вам говорю, что три недели, проведенные мною на Луке в вашем незаменимом обществе, составляют одну из лучших и интереснейших страничек моей биографии» (XIV, 123). И позднее, проектируя на следующее лето совместную поездку по Украине, Чехов писал ему: «Я готов отказаться от многого, чтобы только вместе с вами прокатиться в Украину» (XIV, 364). Плещеев отвечал Чехову искренней приязнью и неизменным дружеским расположением, что отразилось во многих его письмах, проникнутых душевной теплотой и вниманием к творческой работе писателя, к его здоровью и самочувствию, к людям, которые его окружали.

В отличие от многих друзей Чехова Плещеев сочувственно отнесся к его поездке на Сахалин и с напряженным интересом ожидал встречи с ним, чтобы познакомиться с впечатлениями, вынесенными им из путешествия на «каторжный остров». «Рассказов о вашем путешествии все мы, знающие вас, жаждем как манны небесной» (12 января 1891 г.). Плещеев понимал, что это путешествие, предпринятое для изучения условий жизни и быта каторжных и ссыльных, имеет большое социальное значение. «Беллетристика с этим путешествием ничего общего не имеет»,— объяснял он в письме от 2 сентября 1891 г. к П. И. Вейнбергу, который ошибочно видел смысл поездки в собирании новых тем и сюжетов, которые якобы иссякли у писателя (ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, № 375, л. 5,6 об.). В свете сказанного нам кажется не совсем правильным утверждение К. И. Чуковского, считающего, что из «бесчисленных друзей и знакомых Чехова ни один даже отдаленно не понял ни смысла, ни цели его поездки на каторгу» (К. Чуковский. Антон Чехов. — Журн. «Москва», 1957, № 2, стр. 127).

Дружеские личные отношения между Чеховым и Плещеевым создавали благоприятную почву для их литературного общения. В письмах к Плещееву Чехов часто и охотно, с полным доверием, сообщал о своих творческих замыслах, рассказывал о тех сомнениях и трудностях, которые возникали у него при работе над новыми произведениями (см., например, XIV, 168, 176, 184—185). Плещеев, со своей стороны, так же охотно откликался на письма Чехова и подробно излагал свои мысли о новых его произведениях, высказывал общие суждения по вопросам литературы, журналистики, общественной жизни. Это и делает особенно интересной их переписку, в частности письма Плещеева, в которых, как правило, личные, бытовые темы занимают подчиненное место.

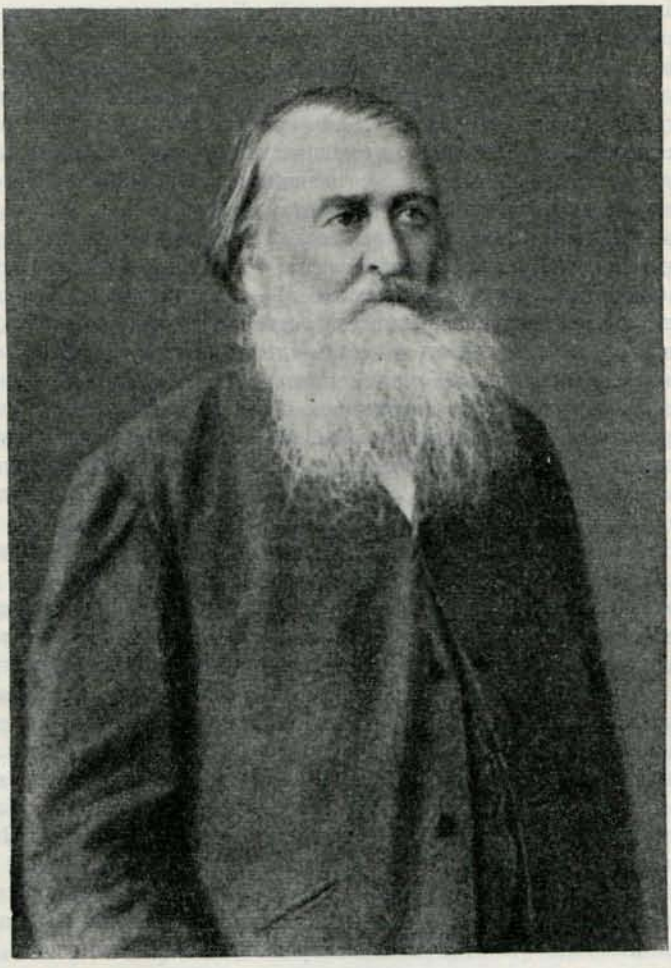
2

В противовес тем, кто считал Чехова автором незначительных «бессюжетных», «бессодержательных» рассказов, Плещеев доказывал, что Чехов — «самый большой талант из всех современных, т. е. молодых писателей». Поэт горячо отстаивал это суждение: «Если б он даже ничего, кроме маленьких рассказов, не написал, —разве объем что-нибудь значит в художественном произведении?» Даже и в этом случае, по словам Плещеева, его творчество имело бы немалое значение для русской литературы (ИРЛИ, ф. 62, оп. 3, № 375, л. 5 об. — 6).

Но особенно восторженно встретил поэт первую крупную вещь Чехова «Степь». Многие критики 1880-х годов, хотя и признавали талант Чехова, не сумели правильно оценить эту повесть. Одним из таких узких и односторонних отзывов о «Степи» был отзыв Михайловского. Не найдя в повести соответствия своим народническим воззрениям, он обвинил Чехова в безыдейности, в общественном индифферентизме, в том, что писатель идет «по дороге, не знамо куда и не знамо зачем» (письмо Михайловского к Чехову от 15 февраля 1888 г.—«Слово», стр. 216—217).

Плещеев встретил с удовлетворением отказ Чехова последовать советам народнической критики: «Я слышал, что Михайловский писал вам и что вы ему маленький отпор дали, отстаивая свою независимость. Интересно бы мне было и с этим вашим ответом познакомиться» (10 марта 1888 г.).

Еще более возмутил Плещеева отзыв о повести А. Введенского (Аристархова), ставившего в упрек молодому писателю,— что он осмелился «степь описывать, когда ее описал уже Гоголь» (1 апреля 1888 г.), утверждавшего, что Чехов не сумел «соразмерить сил своего таланта с задачею, предстоявшею ему, не сладил и с формою для выражения своей идеи» («Русские ведомости», 1888, № 89, от 31 марта).



А. Н. ПЛЕЩЕЕВ
Фотография, 1880-е гг.
Дом-музей Чехова, Ялта

Плещеев был возмущен «идиотским» суждением Введенского, обусловленным тем, что Чехов не оказал ему «должного почтения», тенденцией критика вносить в свои отзывы «личные отношения» и «литературные дрязги». Он раскрывал перед Чеховым предвзятость этого отзыва. «На вас навела хандру дурацкая статья Аристархова ... Но ведь это такая дубина, и дубина недобросовестная ⟨...⟩ Впрочем, Введенский человек невменяемый. Он давно уже страдает манией величия. Это говорили доктора. „Белинский, Добролюбов и я". Больше критиков у нас нет.— Наплюйте вы на них всех и давайте скорей повестушку в „Северный вестник"» (1 апреля 1888 г.).

Сам Плещеев видел в первой большой повести Чехова «неисчерпаемый родник» «внутреннего содержания», видел изображение прекрасной, могучей родины и народа, изнемогающего под бременем угнетения.

Внимание поэта привлек образ озорника-возчика Дымова. Для Плещеева он был выразителем огромных сил народа, гибнущих и вянущих, не находящих себе применения в тяжелых условиях современного общественного строя. Плещеев считал, что на этом герое «можно я не знаю, какую драму создать». Советовал он также продолжать «историю Егорушки». Плещеев настаивал на дальнейшей разработке мотивов «Степи», с «симпатичными фигурами» которой «жаль расставаться» («Слово», стр. 238—239).

Сам любивший природу «стороны родимой», Плещеев отметил как одно из замечательных достоинств «Степи» прекрасные пейзажи, которые можно сравнить только с тургеневскими. Эти описания природы в «Степи», как и в других произведениях Чехова, Плещеев связывал с любовью писателя к родным местам, с тем,что писателя «тянет не за границу, а на какие-нибудь русские окраины» (письмо от 21 июня 1889 г.).

Восторженный отзыв Плещеева, предвидевшего «успех» повести, как и «большую будущность» Чехова, прозвучавший в решающий момент поворота к «серьезным вещам», был опорой и поддержкой для молодого писателя.

После появления «Степи» Плещеев с неослабевающим интересом следил за работой писателя над следующей его «большой» вещью — повестью «Огни», в которой, как он знал, Чехов изображает «кое-что новенькое» — интеллигенцию, бьющуюся над решением «мучительных» вопросов. Плещеев радовался тому, что работа над «Огнями» идет успешно, что Чехов тщательно отделывает текст повести. В противовес некоторым, отождествлявшим мысли главного героя инженера Ананьева со взглядами Чехова и, тем самым, делавшим писателя сторонником пессимистической философии, поэт ощутил приговор, вынесенный этой философии. Оценивая «Огни», Плещеев назвал их «прекрасной вещицей» и в ответ на опасения Чехова, что повесть скучна, «как статистика Сольвычегодского уезда» (XIV, 96), писал ему: «Скуки я не ощутил ни малейшей, читая „Огни“. Щеглов тоже» (10 мая 1888 г.).

Отметим, что Щеглов считал недостатком «Огней» отсутствие «нравственного вывода» (там же), но Плещееву позиция Чехова была ясна.

Несомненно, Плещеев полностью разделял мнение П. Н. Островского об «Огнях», которое он сообщил Чехову в одном из своих писем: «...в „Огнях“ он находит материал для большой повести и жалеет, что вы недостаточно разработали прекрасную идею, положенную в основании их» («Слово», стр. 248). Однако в дальнейшем, высказывая свое мнение о повести «Именины», созданной вслед за «Огнями», Плещеев потребовал от Чехова большей отчетливости в выражении своих симпатий и антипатий.

В «Именинах» Плещеева привлекало правдивое, реальное воспроизведение действительности — результат прекрасного знания жизни и большой наблюдательности писателя. Удачными нашел поэт «нарисованные во весь рост» фигуры Петра Дмитриевича и его жены, верными — второстепенные лица.

Однако Плещеев не все принял в повести. Не принадлежа к тем критикам, которые, по словам Чехова, ищут в произведении «тенденции между строк» и, не найдя ее, обвиняют писателя в безыдейности, в забвении «традиций», в аполитичности, он считал все же, что в «Именинах» не видно «никакого направления».

Чуждый реакционных воззрений, цельный по своей натуре, Плещеев, как и Чехов, ненавидел фальшь как в «либералах, так и в консерваторах». Вот почему он соглашался с Чеховым и писал ему, что в лице Петра Дмитриевича осмеивается человек, «напускающий на себя модный консерватизм, повторяющий как попугай консервативные фразы, хотя он в душе вовсе не консерватор, а просто пустой человек без всякой политической окраски, без всякого убеждения; лгун и мелкая натуришка» («Слово», стр. 257).

Сходился он с Чеховым в благоговейном отношении к эпохе шестидесятых годов как «святому времени», но не одобрял насмешки над «человеком 60-х годов» (там же). Плещеев указывал Чехову на противоречия в обрисовке этого персонажа, считая, что коль писатель показывает его «искренним» в своих убеждениях, то неоправданным звучит ироническое отношение Чехова к нему. «Другое дело, если б он напускал на себя эти идеи — не будучи убежден в их справедливости, или если б, прикрываясь ими, он делал гадости» (там же, стр. 258). Точно так же Плещеев не одобрил образ «украинофила», над которым смеялся автор.

Сначала Чехов не согласился с его советом устранить из повести «украинофила» и «человека 60-х годов», и в тексте, напечатанном в «Северном вестнике», эти персонажи остались. Но, внимательно прислушивавшийся к суждениям поэта, Чехов исключил их из «Именин» при повторной публикации в 1893 г.

Согласился Чехов и с характеристикой идейного содержания повести, где «в принципиальном отношении нет ничего ни против либерализма, ни против консерватизма»; он был благодарен поэту за то, что тот «не таит, а прямо высказывает свое подозрение» (XIV, 184). Справедливыми признал писатель и замечания относительно «растянутости» повести, совпадающие и с печатными отзывами: «Вашими мнениями я дорожу〈...〉 Да, милый мой критик, вы правы! Середина моего рассказа скучна, сера и монотонна» (XIV, 183—184).

В произведениях, последовавших за «Именинами»,— в «Припадке», в «Скучной истории» — Плещеев отметил ясность авторского замысла, отчетливо ощутил симпатии и антипатии писателя. Рассказ «Припадок» был написан Чеховым по просьбе поэта, очень любившего «высокосимпатичное дарование» Гаршина, как и его «нежную глубоко гуманную натуру», эту душу, «чище, прекраснее которой он не встречал». Плещеев неоднократно беседует о нем с Чеховым, подчеркивая, что из всех «молодых писателей 〈...〉 это был, бесспорно, самый чистый, самый искренний и самый симпатичный человек».

Плещеев, а вслед за ним и Чехов, понимал, что трагическая смерть Гаршина явилась результатом столкновения чуткого, страдающего от общественного зла человека с окружающей средой. Потрясенный преждевременной гибелью Гаршина, которая явилась «огромной потерей для литературы», поэт всячески содействовал увековечению памяти Гаршина. Он обсуждает с Чеховым вопрос о сборнике, посвященном писателю, и о рассказе, предназначенном для него.

Зная, что мотив рассказа, где будет воплощен молодой человек «гаршинской закваски», явится «новым», Плещеев и Чехов опасались, пропустит ли цензура «важное» в нем (4 или 5 ноября 1888 г.). Поэт вынужден был советовать Чехову: «...пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но осторожнее». На что писатель отвечал: «Описываю Соболев переулок с домами терпимости, но осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений» (XIV, 215).

Плещеев был удовлетворен идейным содержанием рассказа, где раскрывался душевный мир русского интеллигента, болезненно воспринимающего порочность старого общества, но бессильного в борьбе с ним. И когда Чехов, боясь, что «рассказ 〈...〉 отдает сыростью водосточных труб» (XIV, 230), спрашивал мнения Плещеева о нем, поэт ответил: «Мне рассказ этот понравился, напротив, понравилась его серьезность, сдержанность, понравился и самый мотив» (16 ноября 1888 г.).

Плещеев волновался при прохождении сборника через цензурный комитет, и в письме к Чехову он выражает опасение, как бы цензура не вырезала рассказа: «Она не любит, чтобы касались „этого предмета". Насчет целомудрия строга» (там же).

С неменьшим интересом ждал Плещеев появления повести «Скучная история», о которой Чехов писал ему как о произведении с «мотивами совершенно для меня новыми» (XIV, 391) и «двумя-тремя новыми лицами» (XIV, 400). Послав Плещееву рукопись, Чехов просил его высказать свое мнение о ней (XIV, 405). Поэт послал ему подробный разбор повести. Плещеев увидел в «Скучной истории» призыв к поискам «общей идеи», которая помогла бы молодому поколению определить свою цель в жизни. Вот почему поэт согласился с автором в «абсолютной новизне мотива», под которым подразумевал приговор Чехова социальному индифферентизму. Постановка этой темы, как и глубина содержания, серьезные суждения главного героя о литературе, театре, науке, в которых слышались «нотки субъективные», обусловили, по мнению Плещеева, «шаг вперед». Плещеев был убежден, что «Скучная история» — одно из самых «художественных и тонких» произведений молодого писателя, сумевшего с большой жизненной правдой обрисовать героев. В письме к Чехову поэт подробно разбирает образ старика-ученого, Кати, а также другие образы повести, вышедшие «очень живыми».

Плещеев спорил с теми, кто утверждал, что «Катя любит самого профессора», чем сглаживалась социальная направленность повести. Так, либеральный критик

А. А. Измайлов в книге о Чехове искаженно представил высказывания Плещеева о героях повести: «Плещеев 〈...〉 готов был заподозрить Катю в связи со стариком профессором» (А. Измайлов. Чехов. Жизнь, личность, творчество. М., 1916, стр. 253). А между тем Плещеев разделял мнение Чехова, считавшего эту трактовку «курьезом, который мог бы интересовать только психиатра» (XIV, 420), и в своем письме подчеркивал: «...некоторые из читавших вашу „Скучную историю", как, например, Мария Дмитриевна и Суворины, утверждают, что Катя *любит* самого старика, ведущего записки. Я положительно этого не заметил в повести» (18 октября 1889 г.). Он указал Чехову на некоторые недостатки — длинноты в рассказе о прошлом Кати, неточность двух выражений,— но это, по его мнению, не умаляло достоинств «Скучной истории», до которой у Чехова «еще не было ничего *столь сильного и глубокого*, как эта вещь» («Слово», стр. 270—273).

Чехов был очень благодарен Плещееву за тонкий и правильный анализ «Скучной истории», за его верные замечания, которые помогли ему устранить недостатки: «Если не поленитесь заглянуть в корректуру,— писал он поэту,— то увидите, что ваши указания имели подобающую силу» (XIV, 409).

Предсказывая, что «людям понимающим повесть не может не понравиться», Плещеев предвидел недоброжелательный прием критики, которая встретит произведение «в штыки» и не сумеет растолковать читателю «красоты этой вещи». Плещеева глубоко огорчало, что Чехова будут травить за его «сильные рассуждения о русской литературе, об ученых статьях» («Слово», стр. 270), и предположения его сбылись. Особенно злобными, «ехидными», по выражению Плещеева, были отзывы реакционной печати: «...говорят, вас „Московские ведомости" обругали? Я не читал и читать этого не желаю. Вероятно и вы на это плюнете» (27 декабря 1889 г.)[8].

С тем бо́льшим удовольствием встретил Плещеев положительную оценку повести широким кругом читателей: «Спешу вас порадовать, милый Антон Павлович, со всех сторон слышу восторженные похвалы вашей повести — от людей разных мнений, кружков и лагерей. Некоторые говорят даже, что это лучше всего вами до сих пор написанного. Другие, что повесть оставляет глубокое впечатление, третьи, что это совсем ново, и, наконец, что это самая выдающаяся вещь в „Северном вестнике" за весь год 〈...〉 Не могу вам сказать до какой степени это мне приятно» («Слово», стр. 275). И в другом письме к Чехову поэт сообщал о сильном впечатлении, произведенном «Скучной историей»: «Повесть ваша публике положительно нравится» (10 ноября 1889 г.). Он рассказывал Чехову, что повсюду и везде говорят о нем и его повести и он «ни от одного человека не слыхал порицания. Толкуют о ней много 〈...〉 Понимают, конечно, различно, но все одобряют» (там же).

Не меньший интерес вызывали у Плещеева и те рассказы Чехова, которые на первый взгляд представляли прелестную бытовую картинку, но где за внешней привлекательностью раскрывалась внутренне пошлая и ничтожная мещанская жизнь. Так, прочитав первую часть рассказа «Учитель словесности», напечатанную под заглавием «Обыватели», поэт высоко оценил это произведение: «Я прочел вашу вещицу 〈...〉 и она произвела на меня самое лучшее впечатление 〈...〉 сколько свежести, поэзии, правды... Все это живые лица, которых встречал, видел, знал» («Слово», стр. 277).

Очень понравился также Плещееву рассказ «Княгиня», в котором поэта привлек, несомненно, образ демократического врача, обличающего пустое благотворительство ничтожной, самовлюбленной представительницы высшего круга (там же, стр. 265). Плещеев был рад сообщить Чехову о глубоком впечатлении, произведенном на всех рассказом «Гусев», особенно «удивительной фигурой „протестанта"» (письмо от 12 января 1891 г.), обличительные монологи которого были направлены против равнодушия интеллигенции к народным страданиям и бедам.

Плещеев настойчиво убеждал Чехова продолжать начатый им роман «Рассказы из жизни моих друзей». По словам Чехова, в основу его была положена «жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надежды» (XIV, 339). Роман остался неосуществленным, но первые написанные и оставшиеся нам неизвестными главы Чехов послал, очевидно, Плещееву (XIV, 36), и они получили его высокую оценку. «Мне жаль, что он не продолжает романа, первые три главы которого я читал. Они мне очень

понравились»,— читаем в письме Плещеева к Короленко (от 24 августа 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Поэт настаивал на необходимости закончить его: «...вашего романа я буду ждать как манны небесной ⟨...⟩ ибо считаю вас в настоящее время самой большой художественной силой в русской литературе» (26 февраля 1888 г.). Он напоминает Чехову о читателях, «возлагающих на талант ваш большие надежды и нетерпеливо ждущих от вас романа». Хорошо зная содержание произведения, а также и то, что в нем, по словам Чехова, «материал для красного карандаша богатый», он спешит обрадовать писателя известием о попытках редактора «Северного вестника» освободить журнал из-под цензуры: «...надеемся, что тогда ваш роман украсит ⟨его⟩ страницы» (2 июля 1888 г.). В марте, апреле и мае 1889 г. Чехов работал над романом наиболее интенсивно, и Плещеев пишет: «Продолжаете ли роман? Не забрасывайте вы его ради всего святого» («Слово», стр. 253).

И в другом письме Плещеева мы тоже находим упоминание о романе: «...как я рад, что вы роман продолжаете,— вы себе вообразить не можете» («Слово», стр. 260).

Восхищаясь Чеховым и считая его «талантливейшим беллетристом», Плещеев, однако, никогда не скрывал от писателя своих отрицательных суждений о тех произведениях, которые его не удовлетворяли. Откровенно говорил он Чехову, что «нельзя одобрить» его «сказку в „Петербургской газете“», что неудачной является и другая «сказка», напечатанная на страницах «Нового времени» (3 января 1889 г.). Не понравилась также поэту повесть «Дуэль», и в письме к Чехову он говорит о психологической немотивированности нравственной метаморфозы главного героя Лаевского. Плещеев обращал внимание автора «Дуэли» на «внезапную перемену в отношениях всех действующих лиц», которая не соответствует «данным положениям и характерам», как и на то, что конец рассказа «слишком произволен» («Слово», стр. 283—284). В одном из писем к П. И. Вейнбергу Плещеев сожалел о том, что «Дуэль» слабей прежних рассказов Чехова и «конец положительно неясен» (ИРЛИ, архив П. И. Вейнберга, ф. 62, оп. 27, л. 74 об.). Отрицательно отозвался поэт также и о пьесе «Леший». Но эти его высказывания должны быть рассмотрены в связи с общим отношением Плещеева к драматургии Чехова.

3

Плещеев, написавший несколько оригинальных пьес и переведший на русский язык ряд драматических произведений, поставленных на сценах Малого театра в Москве и Александринского в Петербурге, в течение всей жизни принимал деятельное участие в театральной жизни России. Еще в 1840-х годах он писал статьи о театре; после ссылки, в 1860-х годах, он был старшиной Артистического кружка в Москве, организованного Островским, и продолжал помещать в газетах до середины 1880-х годов статьи о театре и театральные рецензии.

В 1870—1880-х годах, живя в Петербурге, Плещеев — один из учредителей Общества русских драматических писателей, почетный член Общества искусства и литературы, Общества сценических деятелей, член Театрально-литературного комитета. Связанный близкими дружественными отношениями с крупными русскими артистами — Васильевым, Давыдовым, Савиной, Стрепетовой, Ермоловой, ценя их дарование, Плещеев хотел видеть их в глубоких, значительных ролях и сожалел, что им приходится губить свои силы на разыгрывание пьес Виктора Крылова, Невежина, Тихонова: «...Известно, какие пьесы у нас имеют успех — „Вторая молодость“, Крыловская дребедень и пр. ...» («Слово», стр. 277). Резко выступал Плещеев против ожививших свою «деятельность» в годы реакции — Маркевича, Мещерского и их «паскудных» драм и комедий: «Ишь расписались! Знают, что на их улице праздник, небось, прежде на сцену не выползали» (письмо к А. П. Лукину от 25 декабря 1883 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 629, лл. 1—3).

Возмущало поэта, что в управлении казенных петербургских театров лучшие пьесы Островского считались пригодными лишь для «плебса»: «Островского отдают на жертву Александринке», в то время как в Михайловском театре предпочитают «давать „чистенькие“ пьесы для бомонда»,— писал он Чехову (17 марта 1890 г.).

Преклоняясь перед талантом Чехова-беллетриста, Плещеев не мог не оценить и его «маленькие комедийки» вроде «Калхаса», которого он как член Театрально-литературного комитета помог провести через театральную цензуру (22 октября 1888 г.). Прочитав в «Новом времени» напечатанного без подписи «Медведя», Плещеев тотчас определил, что водевиль принадлежит перу Чехова: «А ведь это вы написали в „Новом времени" шутку „Медведь"? Мне кажется, на сцене она была бы забавна. Я по некоторым штришкам узнал вашу руку» (13 сентября 1888 г.). Поэт содействует одобрению этой «шутки» в Театрально-литературном комитете и извещает Чехова, что «прошел „Медведь" с фурором» (7 февраля 1889 г.). Через несколько месяцев он извещает, что «Предложение» также имело «огромный успех» (16 сентября 1889 г.).

Понимая, что сценический успех «маленьких пьес» может улучшить материальное положение Чехова, Плещеев советует ему принять предложение Боборыкина, руководившего тогда в Москве репертуарным отделом в частном театре Горевой, и продать театру право на постановку этих пьес: «Я думаю, что и вы будете не прочь от этого, так как это может дать вам лишнюю сотню или две рублей» («Слово», стр. 268). И в следующем письме: «А для театра вы все-таки напрасно не работаете. Писали бы *между делом* хоть небольшие комедийки, если лень взяться за серьезную пьесу. Очень уж хорошо оплачивается этот труд» (там же, стр. 274—275).

Большое внимание уделено в письмах Плещеева и двум крупным пьесам Чехова — «Иванову» и «Лешему». Первые его упоминания об «Иванове» связаны с предстоящей постановкой пьесы в Александринском театре, в бенефис режиссера Федорова-Юрковского и с подготовкой ее для напечатания в «Северном вестнике». «В первый день праздника приезжал ко мне режиссер и объявил, что берет „Иванова" на свой бенефис»,— извещает он Чехова 31 декабря 1888 г. и далее указывает, что пьесу, возможно, удастся поместить в марте. А через три дня он уже уверенно сообщает: «Место вашему „Иванову" в мартовской книжке найдется. Высылайте его» (3 января 1889 г.).

При содействии Плещеева пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом в начале января (XIV, 267, 295—296). Сам Плещеев еще до этого прочитал пьесу и высоко оценил ее достоинства; к тому же ему было известно, что Чехов при исправлении пьесы устранил отдельные недочеты в ней: «Конец был слаб, но теперь вы это все переделали» («Слово», стр. 259). Он понимал, что пьеса Чехова внесет в репертуар Александринского театра новую, свежую струю. Именно поэтому он не был уверен в успехе новой ее постановки: «Но впрочем, если даже она провалится, это еще ничего не значит. Публика наша слишком привыкла к шаблону, к крыловщине и нового, не рутинного не любит; особливо если это новое — тонко» (там же).

Тем более приятно было ему сообщить Чехову, что эти опасения не оправдались, что пьеса идет в театре со все возрастающим успехом. «„Иванов" идет на этой и на следующей неделе по два раза ⟨...⟩—писал он 7 февраля 1889 г.—Модест, вероятно, сообщил вам в подробности о втором спектакле. Мне же говорили актеры, что вас шибко вызывали». А через месяц, побывав на последнем перед закрытием зимнего сезона представлении пьесы, он передает Чехову свои впечатления: «Крик и гвалт был страшный после третьего акта. Автора вызывали с треском. Федоров в первый раз видел пьесу всю от начала до конца из партера и был от нее в восторге» («Слово», стр. 261).

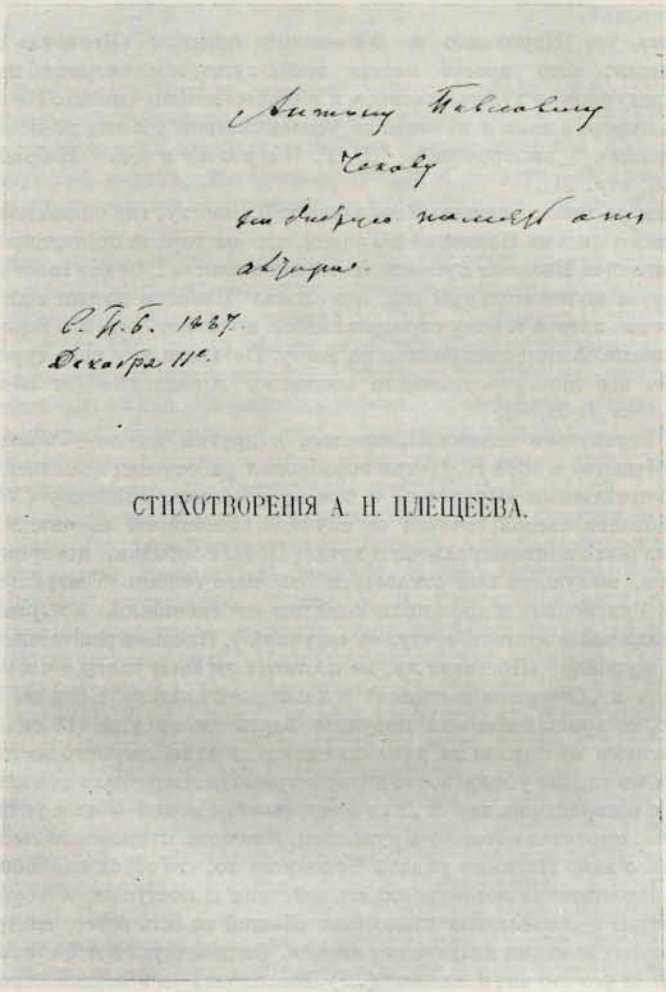
Об успехе чеховской драмы рассказывал Плещеев и в письме к Короленко: «„Иванов" его имел здесь большой успех ⟨...⟩ и возбудил большие толки. Одни превозносили пьесу до небес, другие страшно ругали. Это во всяком случае показывает, что вещь незаурядная. Я с ругателями не согласен» (от 10 мая 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Новая постановка пьесы и ее появление на страницах журнала вызвали оживленное ее обсуждение в печати. Мнения современников о ней были разноречивы.

В многочисленных отзывах отмечалась удача автора в создании оригинальной пьесы, ярких, нешаблонных образов, но почти в каждом говорилось о сценических недостатках ее и о том, что «драматическая форма ⟨...⟩ еще стесняет автора или не подчиняется ему». Поэт признавал, что «Иванов», воспринятый большинством как пьеса «свежая», производил в печати «меньше впечатления», что «все находят много таланта в деталях, и всех не удовлетворяет сам Иванов» («Слово», стр. 261). Это даже привело

Плещеева к заключению, что драматическая форма не соответствует дарованию Чехова: «Пьесы вам действительно нужно на долгое время отложить писать. Эти сценические условия связывают вас. У вас талант эпический» (там же).

Однако Плещеев не мог согласиться с толкованием критиками главного героя драмы. Он считал неверной позицию критиков, обвинявших Чехова в «идеализации


Антону Павловичу
Чехову
на добрую память отъ
автора.
С. П.Б. 1887.
Декабря 11е.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.

КНИГА А. Н. ПЛЕЩЕЕВА «СТИХОТВОРЕНИЯ» (1846—1886). М., 1887

На книге дарственная надпись Чехову:

«Антону Павловичу Чехову на добрую память от автора. СПб., 1887. Декабря 11-е»

Литературный музей Чехова, Таганрог

отсутствия идеалов», в проповеди необходимости замены широких задач маленьким, но полезным и честным делом [9]. Его возмущала реакционная критика, видевшая в образе Иванова «клевету на интеллигентного русского человека», утверждавшая, будто в пьесе нет правды («Сын отечества», 1889, № 32, от 2 февраля).

Более серьезным и объективным был отзыв об «Иванове» Суворина (Новое время», 1889, № 4649, от 6 февраля), который, при всей реакционности своей политической позиции, умел верно оценить художественные достоинства драматических произведений. от почему Плещеев отмечал, что рецензия его о драме «лучшая» по «своему тону»,

«множеству верных замечаний». И хотя поэт писал Чехову, что статья «понравилась» ему, он подчеркивал в то же время: «...кое с чем можно поспорить» (7 февраля 1889 г.). Вероятно, он не соглашался с утверждением Суворина, что «характер Иванова скорее чувствуется, чем понимается и осязается». Плещеев же увидел в «Иванове» выступление Чехова против бессилия и пассивности большей части интеллигенции, приговор писателя «лишнему человеку» новой формации, появившемуся в результате краха народнического движения.

Характерно, что Короленко и Успенский оценили «Иванова» отрицательно. Короленко писал: «Это просто *плохая* вещь, хуже, чем говорит об ней Успенский. Плохая в литературном, в художественном и в общественном смысле. Не знаю, помните ли вы, что в разговоре с вами я называл ее „тенденциозной". И это, по-моему, бесспорно. Только тенденция „выворочена"» (В. Г. Короленко. Избранные письма, т. III. М., 1936, стр. 51).

Хотя до нас не дошло письмо Короленко к Плещееву, где он высказывался о пьесе, но из ответного письма Плещеева мы знаем, что он горячо протестовал против отождествления взглядов Иванова с убеждениями писателя: «...Чехов вовсе не имел в виду делать из Иванова положительный тип, а в словах Иванова хотели видеть убеждения автора. Отношение автора к нему отрицательное, но может быть это недостаточно ярко выразилось в драме. Автор поскупился на юмор. Не хватило у него тургеневской тонкой иронии, но все лица чрезвычайно жизненны и реальны» (от 10 мая 1889 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II 31/67).

Не менее характерна оценка Плещеевым и другой пьесы — комедии «Леший». Задумав «Лешего» в 1888 г., Чехов возобновил работу над комедией только после петербургской постановки «Иванова», о чем он сообщил Плещееву (XIV, 407). Сам Чехов был недоволен пьесой, считая ее скучной, достойной «сожжения».

Когда пьеса была написана заново и артист П. М. Свободин, которому автор отдал ее для бенефиса, вынужден был отказаться от него (члены Театрального комитета Всеволожский, Григорович и др. нашли комедию «не сценичной» и выразили опасение, что высокопоставленные зрители сочтут ее «скучной»), Плещеев рекомендовал автору отдать «Лешего» журналу: «Поставят ли, не поставят ли вашу пьесу, но я вам предложил бы ее напечатать в „Северном вестнике" в январской книжке. Если вы ничего против этого не имеете, то пришлите ее или поручите взять где-нибудь» (18 октября 1889 г.). И позднее Плещеев настаивал на присылке комедии для «Северного вестника»: «Хоть я пьесы не читал, но вполне убежден, что литературные достоинства в ней непременно есть, и, стало быть, о возвращении вам ее „для сожжения" не может быть и речи» (13 февраля 1890 г.). Однако, прочитав «Лешего» в рукописи, Плещеев откровенно высказал отрицательное мнение о нем. Плещеев указал Чехову на то, что образ главного героя обеднен, что автор недостаточно мотивировал его действия и поступки, которые отличаются противоречивостью и непоследовательностью: «Леший не есть вовсе центральное лицо, и неизвестно почему комедия названа его именем. Он действует в ней столько же, сколько и все другие. И что это за „идеалист" ⟨...⟩ Лес любит,— а к людям относится уж далеко не человечно» (24 марта 1889 г.— «Слово», стр. 279—280. Здесь это письмо ошибочно датировано 24 апреля).

Не удовлетворила Плещеева и логика поступков других героев: «Войницкий — хоть убейте, я не могу понять, почему он застрелился! Жена Серебрякова — не внушает мне, несмотря на свое жалкое положение, никакой симпатии ⟨...⟩ Орловский сын банален,— это какое-то водевильное лицо, которое надоедает читателю своим остроумием армейского юнкера» (там же). Признавая, что в пьесе есть «два-три места более или менее удачных», Плещеев осудил ее в целом. Он отмечал, что в пьесе не чувствуется достаточной слаженности, в ней слишком много разговоров, первый акт он находил «очень скучным». Возражал поэт и против отдельных фраз, которые «странны, неправдивы или просто непонятны» («Слово», стр. 279—280).

Отрицательное отношение Плещеева к комедии обусловлено было и тем, что поэта не удовлетворяла сама идея ее. Он не мог согласиться с Чеховым, который снимал все социально-политические вопросы, перенося противоречия действительности в план морально-этический.

Чехов не только признал правоту мнения Плещеева, но, очевидно, оно-то в известной степени и укрепило его в решении никогда не печатать «Лешего»: «Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней» (XVIII, 244).

Характерно, что когда позднее Чехов на основе «Лешего» написал новую пьесу, он назвал ее «Дядя Ваня», признав, вероятно, справедливым замечание Плещеева, считавшего, что «Леший 〈...〉 не есть вовсе центральное лицо» пьесы.

4

Письма Плещеева к Чехову содержат много откликов на различные темы журнально-литературной и общественной жизни конца 1880-х — начала 1890-х годов. Наибольшее место в этих письмах занимают высказывания о «Северном вестнике», подробно рисующие картину внутренних трений и разногласий в редакции журнала, приведших, в конце концов, к его передаче в другие руки, после чего он стал органом зарождающегося декадентства.

Запрещение «Отечественных записок» было тяжелым ударом для Плещеева: «Погром „Отечественных записок" поверг меня в такое состояние, что я некоторое время не в силах был ни за что приняться» — писал он Л. Н. Трефолеву 18 мая 1884 г. (ЦГАЛИ, ф. 507, оп. 1, ед. хр. 30, л. 60). После закрытия «Отечественных записок» Плещеев остался без постоянной литературной работы и предпринял несколько неудачных попыток найти ее. Зная о подозрительно враждебном отношении к себе в официальных сферах, запретивших ему в свое время издавать «Театральный листок», редактировать журнал «Слово», поэт от предложения редактировать «Русское слово» отказался сам (письмо к А. П. Лукину 1884 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 642).

«Какие мы тяжелые времена переживаем 〈...〉 Редакторами журналов и газет никому из порядочных людей не дозволяют быть» — так характеризовал сам Плещеев переживаемое русской литературой время[10]. В этой тягостной обстановке Плещеев не мог не отнестись сочувственно к идее А. М. Евреиновой об издании «Северного вестника» — нового «толстого» журнала, который будет хоть и «с несколько национальным оттенком, но не в духе „Нового времени" или Аксакова, без всякого запаха постного масла» (письмо к А. С. Гацисскому от 21 февраля 1885 г.— «Русская мысль», 1912, № 4, стр. 121). И он охотно принял предложение Евреиновой о заведовании беллетристическим и стихотворным отделами журнала, который в программном предисловии от редакции заявлял: «Благо дорогой нам родины и беззаветное служение интересам и идеалам нашего народа — вот наше знамя» («Северный вестник», 1885, № 1). В состав редакции журнала и в круг его ближайших сотрудников вошли многие из критиков и писателей, участвовавших ранее в «Отечественных записках» и пытавшихся хотя бы частично сохранить в новом журнале их традиции.

Деятельность Плещеева в «Северном вестнике» не ограничивалась только областью беллетристики и поэзии, он прилагал много усилий и к тому, чтобы сделать журнал в целом «сколь возможно разнообразнее», чтобы в нем помещалось больше статей «культурного содержания, об искусстве, о литературе» (письмо к Чехову от 14 апреля 1888 г. Цитируем по подлиннику, в «Слове» эти строки опущены).

«Северный вестник» был подцензурным изданием, и редакции приходилось много терпеть от цензуры, которая калечила, а часто и совсем запрещала предназначенные для журнала произведения. Эта тема — сетования на цензурные притеснения, опасения придирок со стороны цензоров — проходит через многие письма Плещеева к Чехову как опубликованные ранее, так и печатаемые ниже в настоящем томе. В неопубликованных письмах Плещеева к другим лицам также звучат жалобы на цензуру. «Слышал я, что очень жмет „Северный вестник" цензура 〈...〉 Горько. Что творится!» — сочувственно писал 11 марта 1887 г. Плещееву С. А. Юрьев (ЛБ, ф. 359, п. 8227, ед. хр. 29г). И Плещеев в ответном письме рассказывал: «Цензура с нами выделывает совсем невозможные, непостижимые вещи. Даже в николаевские времена между цензорами такие идиоты, как наш цензор Косович, были в редкость.

То, что он творит — возмущает до глубины души! Боимся, что всех сотрудников отвадит писать у нас»[11].

Редактор «Северного вестника» Евреинова неоднократно обращалась к председателю Комитета по делам печати Е. М. Феоктистову по вопросу о превращении журнала в бесцензурное издание, но ее старания каждый раз оказывались безуспешными. «А нашему „Северному вестнику“ не везет: не выпускают его из-под цензуры. Евреинова на днях была у Феоктистова, и пока он тут сидит, кажется, надо отложить всякую надежду на бесцензурность»,— писал Плещеев Чехову 19 августа 1888 г. (см. также письма к нему же от 23 июня 1888 г.— «Слово», стр. 249; от 10 августа 1888 г., от 28 марта 1890 г.).

Положение журнала, помимо трудностей внешнего порядка, осложнялось и внутренними разногласиями, которые обусловливались стремлением Н. К. Михайловского к «диктаторству», его преимущественной поддержкой группы сотрудников бывшей редакции «Отечественных записок». В письмах Плещеева к Чехову нашли свое отражение многие эпизоды этой внутриредакционной распри, закончившейся ультимативным заявлением Михайловского и его выходом из редакции. Вслед за ним «Северный вестник» покинули Гл. И. Успенский, С. П. Южаков и ряд других литераторов. Эта тема освещена нами ниже в комментариях к соответствующим письмам Плещеева.

Чехов разделял с Плещеевым его скептицизм по отношению к Михайловскому, хотя оба они ценили его как талантливого литературного критика и публициста [12].

В результате распада редакции и непрекращающихся финансовых трудностей «Северный вестник» оказался в состоянии острого кризиса. Группа сотрудников вместе с Плещеевым готова была принять на себя издание журнала, и Чехов отнесся к этому проекту с полным сочувствием (XIV, 443). Однако Евреинова отвергла это предложение и передала журнал А. Л. Волынскому (Флексеру), что и привело к превращению журнала в орган нарождавшегося декадентства. Узнав от Плещеева о передаче журнала, Чехов возмущался тем, что «среди бела дня, в столице, при изобилии пишущих беспомощно и зря погибает журнал» (XV, 45). Для освещения истории этой гибели старого «Северного вестника» публикуемые ныне письма Плещеева также дают много свежего и интересного материала.

Историко-литературный интерес писем Плещеева к Чехову не исчерпывается отмеченными выше темами — откликами на произведения Чехова и на трудное положение редакции «Северного вестника». Плещеев, находившийся в центре литературной жизни Петербурга, постоянно делится с Чеховым своими мыслями о текущих явлениях в литературе, высказывает свои суждения о современных писателях и критиках, делится своими литературными планами. Имена Щедрина, Толстого, Короленко, Григоровича, Гаршина, Щеглова, Боборыкина, Михайловского, Протопопова, Мережковского и многих других неоднократно упоминаются на страницах его писем.

Заслуживают быть отмеченными отзывы Плещеева о Щедрине, свидетельствующие о глубоком уважении поэта к нему. Помимо приведенной в начале настоящей статьи оценки, которую дал Щедрин чеховской «Степи», надо указать на письмо от 13 сентября 1888 г., в котором Плещеев выражает свое восхищение поразительной энергией смертельно больного уже Щедрина: «Но, что достойно большего удивления, это деятельность Салтыкова. Человек полуразрушенный, на которого глядеть тяжело, и он в течение лета заготовил для „Вестника Европы“ материалу на шесть номеров, т. е. до февраля будущего года включительно, так что ему остается еще написать на две книжки журнала, и он кончит свою „Пошехонскую старину“, которая составит книгу листов в 50! Этот больной старик перещеголял молодых и здоровых писателей». Напомним, что именно Плещееву Чехов, только что получивший известие о смерти Щедрина, пишет письмо с замечательной оценкой великого сатирика (см. XIV, 365)

Бесспорный интерес представляет обмен мнениями обоих корреспондентов по поводу «Крейцеровой сонаты» Толстого. 13 февраля 1890 г. Плещеев рассказывает Чехову о своем впечатлении от этой повести, добавляя, что среди публики многим она не нравится: «В первой половине, в особенности, ужасно много парадоксального, одностороннего, исключительного, даже, может быть, и фальшивого». Признавая, что в «Крейцеровой сонате» «есть очень досадные недостатки» и добавляя к перечисленным

Плещеевым еще один — «смелость, с какою Толстой трактует о том, чего он не знает и что из упрямства не хочет понять».— Чехов тем не менее не соглашается с Плещеевым в общей оценке повести. «...По моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоте исполнения. Не говоря уже о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль» (XV, 15—16). Характерно для самого Чехова письмо, посланное уже после поездки на Сахалин, в котором он отмечал, что, если раньше «Крейцерова соната» была для него «событием», то теперь она ему «смешна и кажется бестолковой» (XV, 136).

Нет сомнения, что настоящая публикация неизданных писем Плещеева к Чехову дает много полезного материала для изучения не только творчества каждого из них, но и более широкого круга проблем русской литературной жизни на рубеже 1880-х и 1890-х годов.

* * *

Переписка Плещеева с Чеховым, завязавшаяся сразу после их знакомства в 1887 г., не прекращалась до последних лет жизни поэта. До нас дошло пятьдесят девять писем Чехова к Плещееву и пятьдесят три письма Плещеева к Чехову. Из последних в сборнике «Слово» было опубликовано (со значительными пропусками) шестнадцать и еще два — в отрывках. Из остававшихся неизданными тридцати семи писем Плещеева ниже публикуются тридцать шесть (ЛБ, ф. 331, 55/44/а—е). Одно письмо (февраль 1891 г.) не включено нами в публикацию по незначительности его содержания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Государственный Исторический архив Московской области. Канцелярия московского генерал-губернатора, секретное отделение, ф. 16, оп. 50, д. 33, лл. 32—34.

[2] ЦГИА, ф. 109, III Отд., 1 эксп., д. 214, ч. 43, № 520 от 26 июня 1859 г., л. 84.

[3] См. письма Плещеева к М. Л. Михайлову 1856—1861 гг.,—ЦГАЛИ, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 39 (публикуется нами в сборнике, подготовленном ИРЛИ).

[4] Государственный Исторический архив Московской области. Канцелярия московского генерал-губернатора, секретное отделение, ф. 16, оп. 52, д. 6, л. 84; оп. 53, д. 119, л. 30; оп. 54, д. 1, л. 85; ф. 46, оп. 1, д. 988, л. 2 об.

[5] Характерно, что позднее, в начале 1890-х годов, Чехов и сам понял, что даже эпизодическое сотрудничество в «Новом времени» не принесло ему «как литератору ничего, кроме зла» и он подчеркивал: «по убеждениям своим я стою на 7375 верст от Жителя ⟨А. А. Дьякова⟩ и К°» (XVI, 54). См. также: С. Я. Елпатьевский. Антон Павлович Чехов.— «Чехов в воспоминаниях современников», стр. 460—461.

[6] ЦГАЛИ, ф. 378, оп. 1, ед. хр. 46, лл. 1—2. Это мнение Щедрина о «Степи» обычно приводят по письму сына поэта к Чехову и по его воспоминаниям, где отзыв Щедрина передан неточно, без подчеркнутых нами слов. Письмо частично опубликовано в газ. «Невод», 1907, № 1, стр. 7.

[7] «Материалы к биографии А. Н. Плещеева, составленные А. А. Плещеевым» (рукопись) — ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1558, лл. 1—5.

[8] По-видимому, Плещеев имел в виду статью Ю. Николаева (Говорухи-Отрока) в «Московских ведомостях», 1889, № 345, от 14 декабря.

[9] См., например, статью Михайловского «Об отцах и детях и г. Чехове».— «Русские ведомости», 1890, № 104, от 18 апреля.

[10] ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, л. 19. Письмо Плещеева к С. А. Юрьеву, без года, датируем 1884 г. по содержанию (см. также неопубликованные письма к А. П. Лукину 1884 г.— ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 649).

[11] ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, письмо от 21 марта ⟨1887 г.⟩ к С. А. Юрьеву, л. 5. См. также письма Плещеева к Н. К. Михайловскому — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, ед. хр. 534, письмо к И. А. Астафьеву — Рукописный отдел Гос. Лит. музея, осн. фонд № 968.

[12] После того как Плещеев получил в 1890 г. крупное наследство, он помог Михайловскому при основании журнала «Русское богатство», предоставив для этого 5 тысяч рублей (письмо Н. К. Михайловского к сыну поэта, А. А. Плещееву, от 4 июля 1895 г.— Рукописный отдел Гос. театрального музея им. Бахрушина. ЦТМ 77283). Следя за новым журналом, Плещеев отмечал, что Михайловский придает ему «много блеску» (письмо к В. М. Соболевскому от 12 июля 1893 г.— ЦГАЛИ, ф. 452, оп. 1, ед. хр. 17, лл. 1—2); см. также письмо Плещеева к А. И. Иванчину-Писареву от 27 августа 1892 г. (ф. 114, оп. 2, № 354, л. 1). Высоко оценил Плещеев также «Воспоминания» Михайловского (письмо П. И. Вейнберга к Плещееву от 22 октября 1891 г. — ЛБ, ф. 359, п. 8225, ед. хр. 19 ж.).

ПИСЬМА ПЛЕЩЕЕВА К ЧЕХОВУ

1

Петербург. Пятница <5 февраля 1888 г.>

Дорогой Антон Павлович. Повести вашей я еще не получил, вероятно, получу сегодня. Сейчас был у меня Короленко, он не знал о том, что вы рукопись выслали, и тоже написал вам [1], чтоб вы высылали ее поскорей.

Сию минуту мне подали вашу рукопись... В журнале так торопят, что, может быть, не придется и прочесть повесть в рукописи. В феврале всего 29 дней, а книжка должна выйти к 1-му числу.

Но вот о чем я хочу сказать вам, голубчик... Вы желали бы получить 200 рублей за лист. Я знаю средства журнала. Они таковы, что эта цена за большую вещь, как ваша, — должна будет несколько отяготить бюджет журнала. У нас до сих пор высшая плата была 150 за лист. Ее получает и Короленко (исключение, впрочем, составляет Глеб Успенский, получающий 200. Но его рассказы редко превышают лист — и, кажется, никогда не превышают двух листов; но и то редакторша [2] кряхтит... Притом же тут были особенные обстоятельства, когда ему положили в первый раз эту плату; и с тех пор нельзя уже было ее уменьшить). Если я прямо заявлю редакторше, что вы желаете 200 р. за лист, то я боюсь, что повесть, хотя и возьмут, конечно, но будут относиться к вам *не столь дружелюбно*; а мне бы хотелось, чтоб было совсем противоположное. Это мое личное мнение *, и вы мне простите, голубчик, что я вам это высказываю. С другой стороны, я хорошо понимаю, как вам нужны деньги и что вам 200 р. даст сейчас «Русская мысль». А потому убедительно прошу вас *телеграфируйте* мне *сейчас же* по получении моего письма — должен ли я поставить редакции как ультиматум: 200 р., и если бы редакция не нашла возможным дать этого, — то не должен ли я возвратить вам рукопись? Пожалуйста, не замедлите ответом.

Постараюсь, чтобы аванс выслали вам тотчас по получении от вас телеграммы [3].

Крепко, крепко вас обнимаю.

Большое, сердечное спасибо за ваши хорошие письма и за ваше дружеское расположение.

Мы с Короленко проектировали сегодня поездку с вами по Волге летом. Вот если бы это осуществилось — как бы я был доволен! Опостылело мне каждое лето сидеть на петербургских дачах!

От Островского получил большое письмо [4], на которое еще не отвечал; ни минуты свободной нет. Так меня приперли к стене обстоятельства, в таком я нахожусь анафемском положении, что даже разнемогся. Нервы совсем-совсем развинтились. Не пожелал бы и врагу быть в моей шкуре. Семья моя усердно вам кланяется. Старшая дочь собирается поехать в Москву и непременно зайдет к вашим [5].

Будьте здоровы, веселы и пишите искренно и сердечно вас любящему

А. Плещееву

Бедный Леонтьев болен; и все еще не выходит. У него было воспаление в какой-то кишке, как он пишет.

Письмо помечено Плещеевым 4 апреля, однако эта дата ошибочна: письмо написано 5 февраля, на третий день после отправки «Степи» (XIV, 32); 5 февраля действительно приходилось на пятницу. Ср. также строки из публикуемого письма: «В феврале всего 29 дней...»

---

* Плод моих психологических наблюдений. — *Прим. Плещеева.*

[1] Письмо от 4 февраля 1888 г.— В. Г. Короленко. Собр. соч., т. X. М., 1956, стр. 83.

[2] Редактор «Северного вестника» — Анна Михайловна Евреинова.

[3] Эта телеграмма Чехова неизвестна.

[4] Петр Николаевич *Островский* (1839—1906)—инженер, критик-дилетант, сводный брат драматурга. Плещеев ценил критические способности Островского («Слово», стр. 238); в этом с ним соглашался и Чехов (XIV, 51). Упоминаемое письмо Островского к Плещееву неизвестно. В ИРЛИ хранится пять писем Плещеева к Островскому (ф. 123, оп. 1, № 681).

[5] Елена Алексеевна Плещеева. Чехова она, по-видимому, в этот приезд не посетила.

2

Петербург. 26 февраля ⟨1888 г.⟩

Я действительно прихворнул, дорогой Антон Павлович. Сильную простуду схватил и вот уже третью неделю сижу дома. Было гриппозное состояние, и бронхит мой расходился. В первое время температура доходила даже до 39. Теперь я только чувствую некоторую слабость и жду первого дня потеплее, чтоб выйти. Но как на зло морозищи стоят анафемские и все с ветром. Сегодня редакция «Северного вестника», переехавшая на новую квартиру, празднует новоселье, на котором я, таким образом, не буду. Особенно, впрочем, об этом не скорблю. Вчера заходил ко мне Михайловский и сообщил мне, что по поводу «Степи» вступил с вами в переписку и что вы ему отвечали [1]. Островский тоже намерен, кажется, настрочить рецензийку (но, впрочем, вероятно, не для печати) в форме письма к вам [2] и нетерпеливо ждет оттиска. Книжка уже готова [3]. 1-го выйдет наиаккуратнейшим образом.

Мне любопытны эти различные мнения о «Степи», которая мне так понравилась, и Короленко тоже [4]. А вот его последняя вещь не произвела на меня особенного впечатления [5]. Да, очень бы хотелось, чтобы наша поездка по Волге осуществилась [6]. Чувствую непреодолимое стремление вырваться отсюда на лето. Мне нужен отдых и физический и нравственный. Возвратясь с Волги, я постараюсь уехать еще куда-нибудь в деревню; так, чтобы не возвращаться в Петербург до конца августа, если возможно. Но сколько мне надо побороть препятствий для осуществления этого плана, если б вы знали! Как вздумаю только о своих делах, так руки и опускаются и всякая надежда пропадает; думаешь: где уж тут вырваться... опять застрянешь в этом болоте. Во время болезни настроение духа у меня было самое скверное. Так я волновался и тревожился, что, полагаю, и болезнь затянулась отчасти от этого. Но будет об этом...

Моя старшая дочь теперь в Москве. Поехала на несколько дней погостить. У ней там есть родственники и близкие знакомые. Ужасно хотелось поехать с ней вместе. Не будете ли вы здесь как-нибудь, хоть великим постом, что ли? Здесь великий пост незаметен, — не то, что в Москве.

Щеглов поправился и навестил меня во время болезни. Похудел он. Я его в «Русскую мысль» рекомендовал театральным корреспондентом; и рассказ у него там просят, обещают деньги вперед выслать. Он не совсем в хорошем настроении, поскрипывает. Вот вы приедете — «заведете» его; а я плохой часовщик, меня самого заводить надо. Рассказец, присланный вами, прочту не сегодня-завтра и постараюсь приткнуть куда-нибудь...[7] Не удивляюсь, что вас не удовлетворил Отелло. Ни за что бы я 6 рублей не дал Ленскому. Ну, какой он Отелло![8] Меня гораздо больше интересует, как прошла ваша новая пьеска-монолог «Калхас»[9]. Я бы желал ее прочесть.

Прощайте пока, голубчик, Антон Павлович. Извините за это безалаберное, неинтересное ни в каком отношении письмо, в котором моя собственная особа занимает чересчур много места. Мои вам просят очень кланяться и благодарят за память...

Вы уж небось принялись за новый труд... Сложа руки вы никогда не сидите. Нечего говорить вам, что вашего романа я буду ждать как манны небесной...[10], ибо считаю вас в настоящее время самой большой художественной силой в русской литературе. Скажу вам по правде, что пропрославленный и не в меру превознесенный Гл. Успенский порядочно-таки надоел. Все одну и ту же нотку тянет...

Крепко жму вашу руку. Не забывайте и хоть изредка черкните несколько строк. А еще лучше — приезжайте сами. Ждем вас нетерпеливо. Подбодрите нас с Щегловым.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Имеется в виду письмо Н. К. Михайловского к Чехову от 15 февраля 1888 г. («Слово», стр. 216—217. Датировка письма здесь ошибочна: 88.11.15). Ответ Чехова неизвестен.

[2] О получении письма от П. Н. Островского Чехов сообщил Плещееву в письме от 6 марта, отметив, что оно «в высшей степени симпатично, доброжелательно и умно» (XIV, 51). Это письмо Островского напечатано в сб. «Чехов и наш край». Ростов-на-Дону, 1935, стр. 130—133 (см. также «Записки», вып. 8, стр. 50—53).

[3] Мартовский номер «Северного вестника». Цензурное разрешение 25 февраля 1888 г.

[4] Речь идет, видимо, об устных отзывах Гаршина, П. Н. Островского, Михайловского, читавших «Степь» еще в корректуре (см. «Слово», стр. 239). Суждение Короленко о «Степи» позднее нашло отражение в его воспоминаниях о Чехове («Чехов в воспоминаниях современников», стр. 103—104).

[5] «Святочный рассказ» Короленко «По пути», напечатанный в февральской книжке «Северного вестника» 1888 г. Написанный в 1886 г. для «Северного вестника» под названием «Федор Бесприютный (Из рассказов о бродягах)», рассказ к печати не был разрешен. Короленко переделал его в 1888 г. (см. «Красный архив», 1927, № 5, стр. 184—185). Изуродованный цензурой (см. письмо Короленко к Чехову от 4 февраля 1888 г.— В. Г. Короленко. Собр. соч., т. X, М., 1956, стр. 83), рассказ во многом проиграл.

[6] Намеченная Плещеевым, Чеховым и Короленко совместная поездка по Волге летом 1888 г. не состоялась. В письме к Короленко от 24 марта 1888 г. Плещеев писал по этому поводу: «Относительно поездки по Волге — начинаю сомневаться. Чехов хочет поехать на второй день Пасхи, что для меня совсем невозможно. Не знаю, как для вас. Он имеет намерение с Волги свернуть на Кубань. Напишите, что вы думаете насчет этой поездки». См. также письмо к Чехову от 8 февраля 1888 г. («Слово», стр. 240).

[7] Речь идет о рассказе «Одиннадцатый» московского литератора Н. А. Хлопова (1852—1909), автора нескольких пьес (XIV, 49 и 55). В «Северном вестнике» рассказ напечатан не был.

[8] 23 февраля 1888 г. Чехов писал Плещееву: «Вчера смотрел я Ленского — Отелло. Билет стоил 6 р. 20 коп., но игра не стоила и рубля» (XIV, 49—50).

[9] Премьера одноактной пьесы Чехова «Калхас» в театре Корша состоялась 19 февраля 1888 г. (XIV, 39).

[10] Речь идет о романе, задуманном Чеховым в начале 1888 г. Чехов писал Плещееву, что у него «уже готовы три листа»: «Когда я напишу первую часть романа, то, если позволите, пришлю вам на прочтение» (XIV, 36; см. также стр. 150).

3

Петербург. Марта 10 ⟨1888 г.⟩

Не могу понять, голубчик Антон Павлович, отчего это редакция до сих пор не выслала вам гонорара [1]. Она, кажется, на этот счет всегда аккуратна. Я получил ваше письмо [2] во вторник, — третьего дня, возвратясь домой из редакции; и не медля ни минуты, послал туда письмо, прося, чтобы распорядились скорее о высылке денег. Может быть, вы их теперь и получили уже.

Приезжайте же к нам. Блины теперь кончились, и в Москве раздается постный, унылый, жиденький звон, наводящий тоску... Здесь же как будто и не наступало никакого поста.

Когда приедете, захватите с собой критику, которой подверг вас Петр Николаевич. Мне очень любопытно ее прочесть целиком. Кое-что он мне уже писал о «Степи» [3]. Но мне хочется все прочесть. Относительно

издания критических статей отдельными книжками, я ему тоже подавал мысль, и она одно время ему улыбалась...[4] Он даже осведомлялся, сколько будет стоить напечатать известное количество листов, но потом замолк. Ведь его нужно рычагом с места сдвигать. Он было начал, давно уж это было, — статью о Глебе Успенском писать [5]; я его на это подвигнул, потому что мне хотелось ее напечатать в «Северном вестнике», в котором еще тогда не диктаторствовал Михайловский и не сотрудничал Гл. Успенский [6]. Когда обстоятельства изменились и критически относиться к Гл.

ЧЕХОВ

Фотография, 1890-е гг.

Местонахождение оригинала неизвестно. Воспроизводится по фотоотпечатку

Собрание Н. И. Гитович, Москва

Успенскому стало в «Северном вестнике» невозможно, Петр Николаевич статью отложил; но у него, вероятно, остался план или конспект ее; и сочинения Гл. Успенского он проштудировал внимательнейшим образом. Вот бы на первый раз книжечка и готова была: Чехов, Гл. Успенский. Я уверен, что книжка бы заинтересовала многих. Если б в «Новом времени» не было этого мерзопакостного Буренина [7], то можно бы было пристроить туда статьи Петра Николаевича, и статьи эти не были бы уж, конечно, «общим местом», как буренинские. Не говоря уже о том, что не было бы кабацко-ярыжного тона и нечистоплотности. В одном мизинце Островского больше ума, знания и честности, нежели у большинства наших современных критиков. Я слышал, что Михайловский писал вам и что вы ему маленький отпор дали, отстаивая свою независимость [8]. Интересно бы мне было и с этим вашим ответом познакомиться...

Вчера просидел у меня вечер Щеглов. Порассказал он мне о своем житье-бытье, и я, право, не удивляюсь, что он пишет вам иногда мрачные письма. То, что ему приходится выносить дома, ради полоумной и скаредной старухи, с которой он не может развязаться и которая отравляет жизнь и

ему, и его жене, — просто может с ума свести нервного человека. Он теперь занят печатанием книжки: «Дачный муж», которую издает ему, кажется, Суворин [9]. И еще у него одно дело навертывается — практическое [10]. Но об этом пускай он сам вам расскажет. Для него практическая деятельность была бы, по-моему, спасительна... Я ему передал рассказ Хлопова. Это рассказец, написанный не без юмору, и который бы можно напечатать в «Северном вестнике», но там столько этих маленьких рассказов лежит — целый ворох, что неизвестно, когда бы он пошел [11]. Может быть, через полгода, через год — а автору это, вероятно, было бы не на руку. Вы спрашиваете, не забыл ли я о Волге. Нет, очень помню. И по мере того, как становится теплей и ощутительней делается близость весны, желание мое совершить эту поездку все усиливается, но вместе с ним усиливается и опасение, что оно не осуществится. Казалось бы, это так легко, но если б вы знали, сколько мне нужно устранить препятствий для того, чтоб исполнить это легкое, которое при ближайшем его рассмотрении окажется непременно трудным. Вот когда приедете сюда, мы подвергнем этот вопрос всестороннему обсуждению.

До свидания пока, дорогой Антон Павлович.

Сколько я похвал слышу вашей «Степи»! Гаршин от нее без ума[12]. Два раза подряд прочел. В одном доме заставили меня вслух прочесть эпизод, где рассказывает историю своей женитьбы мужик, влюбленный в жену. — Находятся, впрочем, господа, которые не одобряют... Про одного такого рассказывал Гаршин и глубоко возмущался... потому что это было явно из зависти. Это один из юных писателей и ужасно дрянненькая личность. Начали ли вы еще что-нибудь — и что именно? Или отдыхаете после «Степи»? Имеете на то полное право. Крепко жму вашу руку и нетерпеливо жду вашего приезда. Мои все шлют вам поклон.

Ваш душевно А. Плещеев

Сон у меня хорош, аппетит есть — но денег нет, а я согласен бы лучше, чтобы первых двух не было, а были бы только последние.

Из письма опубликована только заключительная часть («Слово», стр. 241—242).

[1] Гонорар за повесть «Степь».

[2] Письмо Чехова от 6 марта 1888 г. (XIV, 51—53).

[3] Письмо П. Н. Островского к Чехову о «Степи» см. «Записки», вып. 8, стр. 50—53.

[4] Чехов также советовал Островскому напечатать свои статьи отдельными брошюрами (XIV, 51).

[5] Статья П. Н. Островского о творчестве Глеба Успенского неизвестна.

[6] Н. К. Михайловский начал сотрудничать в «Северном вестнике» с конца 1885 г.; он заведовал критическим и научным отделами до марта 1888 г., стремясь превратить «Северный вестник» в орган либерального народничества. Говоря о диктаторстве, Плещеев имеет в виду обыкновение Михайловского настаивать на опубликовании идейно близких ему, хотя бы и посредственных беллетристических произведений, ставя условием своего участия в журнале помещение той или иной вещи (письмо Плещеева к Михайловскому от 1888 г.— ИРЛИ, ф.181, оп. 1, ед. хр. 534, лл. 3—4). Однако Плещеев ценил критический талант Михайловского и считал важным его участие в «Северном вестнике»: «Я хорошо понимаю, что вы для журнала необходимы, и что вам он обязан большей частью своего успеха» (там же) и, всячески оберегая журнал — «только что свитое гнездо», шел неоднократно на уступки: «... мне уж несколько раз приходилось выносить довольно неприятные щелчки моему самолюбию, и только одно нежелание усиливать распри, делать скандал, заставляло меня сдерживаться, хотя не раз у меня являлось желание крупно поговорить с ним» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67, письмо Плещеева к Короленко от 24 марта 1888 г. См. также письмо к Чехову от 21 января 1888 г.— «Слово», стр. 237).

В письме к Чехову от 14 апреля 1888 г. Плещеев передает суждение Протопопова: «Михайловщина душила в последнее время и „Отечественные записки“ и задушила бы „Северный вестник“» (цит. по подлиннику. В «Слове», стр. 244, приведенные строки опущены).

Сотрудничество Успенского в «Северном вестнике» началось с января 1886 г. (см. Г. И. Успенский. Полное собр. соч., т. XIII. Изд-во АН СССР, 1951, стр. 647).

[7] В начале 1860-х годов, когда Буренин начал свою литературную деятельность, он примыкал к прогрессивному лагерю. К этому времени и относятся шесть неопубликованных писем к нему Плещеева (ИРЛИ, ф. 36, оп. 2, ед. хр. 357). Однако, как только в его деятельности наметились реакционные тенденции, Плещеев прервал знакомство с Бурениным и принял активное участие в борьбе с ним (письмо Плещеева к П. И. Вейнбергу от 6/18 февраля 1893 г.— ИРЛИ, архив П. И. Вейнберга, 62/27, л. 12; письмо Плещеева к Некрасову от 26 июня 1872 г.— «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 450).

До конца жизни Плещеев выступал против Буренина и его реакционных статей, «пустых» пьес и стихов. Когда в журнале «Беседа» был напечатан перевод Буренина из Гюго, Плещеев писал его редактору С. А. Юрьеву: «Зачем вы пустили к себе Буренина? Этот господин, действительно, имеет нечистоплотную привычку плевать в тарелку, из которой ест, и постоянно ругает журнал, куда сам лезет со своими дубоватыми стихами... „Отечественные записки" его отучили лазить к ним и даже не совсем деликатно. Он воображает, что его все печатают из боязни его журнальных заметок. Только во время совершенного упадка литературы такое ничтожество может возвышать голос и даже мнить, что он импонирует. Белинский, Добролюбов — и Буренин!» (7 сентября 1872 г.— ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 406, л. 9—9 об.).

[8] См. прим. 1 к письму 2.

[9] Книга И. Л. Щеглова «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» (СПб., тип. Суворина, 1888). В нее вошла и пьеса «В горах Кавказа. Картинки минеральных нравов».

[10] По-видимому, речь идет о намерении Щеглова заняться книжной торговлей (см. также ниже, письмо № 6).

[11] См. прим. 7 к письму 2.

[12] Об оценке Гаршиным «Степи» — см. В. Фаусек. Памяти В. М. Гаршина (в сб. «Памяти Гаршина». СПб., 1889, стр. 119—121).

4

Петербург. 30 марта ⟨18⟩88 г.

Милейший Антон Павлович. Душевно благодарю вас за то, что вы приласкали моего беспутного офицера [1], который в полном восторге и от вас и от всего вашего семейства. Он, кажется, у вас целых два дня пропадал. И уже как он кларет хвалил!

А у нас после вашего отъезда вот какая катастрофа произошла с бедным Всеволодом Гаршиным![2] Не могу вам сказать, до какой степени смерть его огорчила и поразила меня. Из всех молодых писателей, которых вы в Петербурге видали и не видали, это был, бесспорно, самый чистый, самый искренний и самый симпатичный человек... Кто его знал, не мог его не любить. На похороны его собралась, кажется, вся литература либерального лагеря; было несколько лиц и из другого [3]. Видал там и брата вашего [4], но, кроме него, из «Нового времени» не было никого. Вот когда «Житель» [5] подохнет, так они все оросят слезами прах его. Обиднее всего было то, что речи на его могиле говорили, между прочим, и такие люди, которые заведомо его не терпели и которых он не выносил; и также люди совсем ему почти незнакомые. Недаром он всегда был против речей на могиле. В них всегда наполовину фальши и показного. Так было и тут. Те же, которые его любили и ценили, едва ли были бы в состоянии что-нибудь сказать. Слезы не дали бы им говорить.

В «Северном вестнике» — тоже катастрофа, но не исторгающая, к счастью, слез у сотрудников: ушел Михайловский и увлек за собой Гл. Успенского. Пробовал увлечь и других еще — но не совсем удачно. Предлог их ухода — подцензурность журнала, «коверкающая, якобы, их умы...» Михайловский обижается тем, что цензор *ничего не выкинул* из его последнего дневника, что, несомненно, доказывает, что он поглупел, приноравливая свои статьи к цензуре, и ему *стало страшно*! Это я не сочиняю. Это я читал собственными глазами в его письме к Анне Михайловне [6]. Но в сущности тут другая подкладка. Всё его помпадурша пилит его, находя, что он недостаточно властвует и что мало перед ним раболепствуют; а Анна Михайловна даже позволила себе громко выражать, что «Северный вестник» сух и скучен. Анна Михайловна, однако же, не падает духом. Уговаривать и удерживать его пока не высказывает ни малейшей охоты

и надеется, что журнал будет идти и без этих двух корифеев. Кажется, они втайне уповают, что им разрешат бесцензурный журнал, но горько ошибаются! А покамест Михайловский будет писать в «Русские ведомости»[7]. Он едет в Москву и, верно, будет вас также тащить... Но мы твердо веруем, что ни вы, ни Короленко от нас не уйдете. Желательно было бы слышать от вас подтверждение этого[8]. Я имею к вам поручение от редакции «Северного вестника». Мы хотим издать литературный сборник на могильный памятник Гаршина. В субботу вечером будет у нас совещание об этом. Пожалуйста, дайте хоть маленький рассказец. Все статьи будут бесплатные. Такой же сборник затеяли сотрудники «Новостей» с Баранцевичем и Лихачевым во главе[9]. Питаем надежду, что вы не отдадите им предпочтения перед нами. Известите. Щеглов написал было несколько очень искренних и теплых строк, которые хотел прочесть на могиле Гаршина — от лица молодых писателей, но должен был тоже оставить это втуне, так как представителями их явилась даже тля, подобная Леману...[10] Слышали вы об этом литераторе?

Жму вашу руку и желаю вам всякого благополучия. Мне предлагают два даровых билета 1-го класса в Ялту и назад, с тем, чтобы ехать в апреле и пробыть там maximum 6 недель. Страсть хочется этим воспользоваться. Такую потребность отдыха и физического и нравственного ощущаю, что сказать даже не могу. Усиливаюсь добыть денег, но удастся ли, не знаю.

Ваш А. Плещеев

Из письма опубликовано в «Слове» только 20 строк.

[1] *Беспутный офицер* — Николай Алексеевич Плещеев, младший сын Плещеева, офицер Павловского полка. В комментариях к письму Чехова от 15 января 1889 г. ошибочно назван «старшим» сыном (XIV, 548).

[2] Трагическая кончина Гаршина, последовавшая 24 марта 1888 г. Плещеев писал Короленко 24 марта 1888 г.: «И что это за роковая случайность! ⟨...⟩ Человеку открылась возможность поехать на Кавказ, где мог провести лето с людьми, которые его любили и которых он любил — с семьей Ярошенко. И вот, почти накануне отъезда, он, входя к себе на лестницу, падает с высоты и получает перелом ноги и сотрясение мозга. Только первые сутки он еще говорил немного, но потом впал в бессознательное состояние, продолжавшееся трое суток и из которого он не выходил до самой смерти. И никто в Петербурге ничего не знал об этом. Я сам узнал только вчера; бросился к нему на квартиру, но уже его перевезли в больницу (хирургическое отделение Красного креста), и когда я сегодня пришел туда, то мне сказали, что он умер в 4 часа ночи! Еще так недавно он был у меня!..» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

О любви Плещеева к Гаршину как талантливому писателю и замечательному человеку свидетельствуют письма Плещеева к различным адресатам (см., например, письма к Надсону.— «Невский альманах». Пг., 1917, стр. 122—128), написанное поэтом стихотворение «На похоронах Всеволода Гаршина» (А. Н. Плещеев. Стихотворения. Л., 1948, стр. 201—202) и анонимный некролог Гаршину («Северный вестник», 1888, № 4, стр. 1—4). Авторство Плещеева в отношении некролога устанавливается по совпадению основных мыслей с содержанием названного стихотворения.

[3] На похоронах Гаршина на Волковом кладбище 26 марта 1888 г. было много литераторов. Речи произнесли — председатель Литературного фонда профессор истории права В. И. Сергеевич, К. С. Баранцевич, И. И. Ясинский, А. И. Леман, И. И. Горбунов-Посадов. Стихотворения, посвященные памяти Гаршина, были прочитаны Н. М. Минским и С. Дрожжиным.

[4] Александра Павловича Чехова.

[5] «*Житель*» — псевдоним А. А. Дьякова, сотрудника «Нового времени».

[6] Это письмо Михайловского к А. М. Евреиновой неизвестно. О намерении Михайловского уйти из «Северного вестника» еще «весной, в марте в 86-ом, 87-ом» — см. письмо Плещеева к Короленко от 24 марта 1888 г. (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67). Несмотря на попытки Плещеева предотвратить этот уход, Михайловский покинул журнал в марте 1888 г.

[7] После «Северного вестника» Михайловский сотрудничал некоторое время в «Русских ведомостях». Плещеев писал по этому поводу Короленко: «Михайловский найдет себе, положим, работу в „Русских ведомостях", но в журнал ни в один его не примут на тех основаниях, на каких он в „Северном вестнике", т. е. полнейшим диктатором» (ЛБ, ф. 135, письмо от 24 марта 1888 г.). Через некоторое время

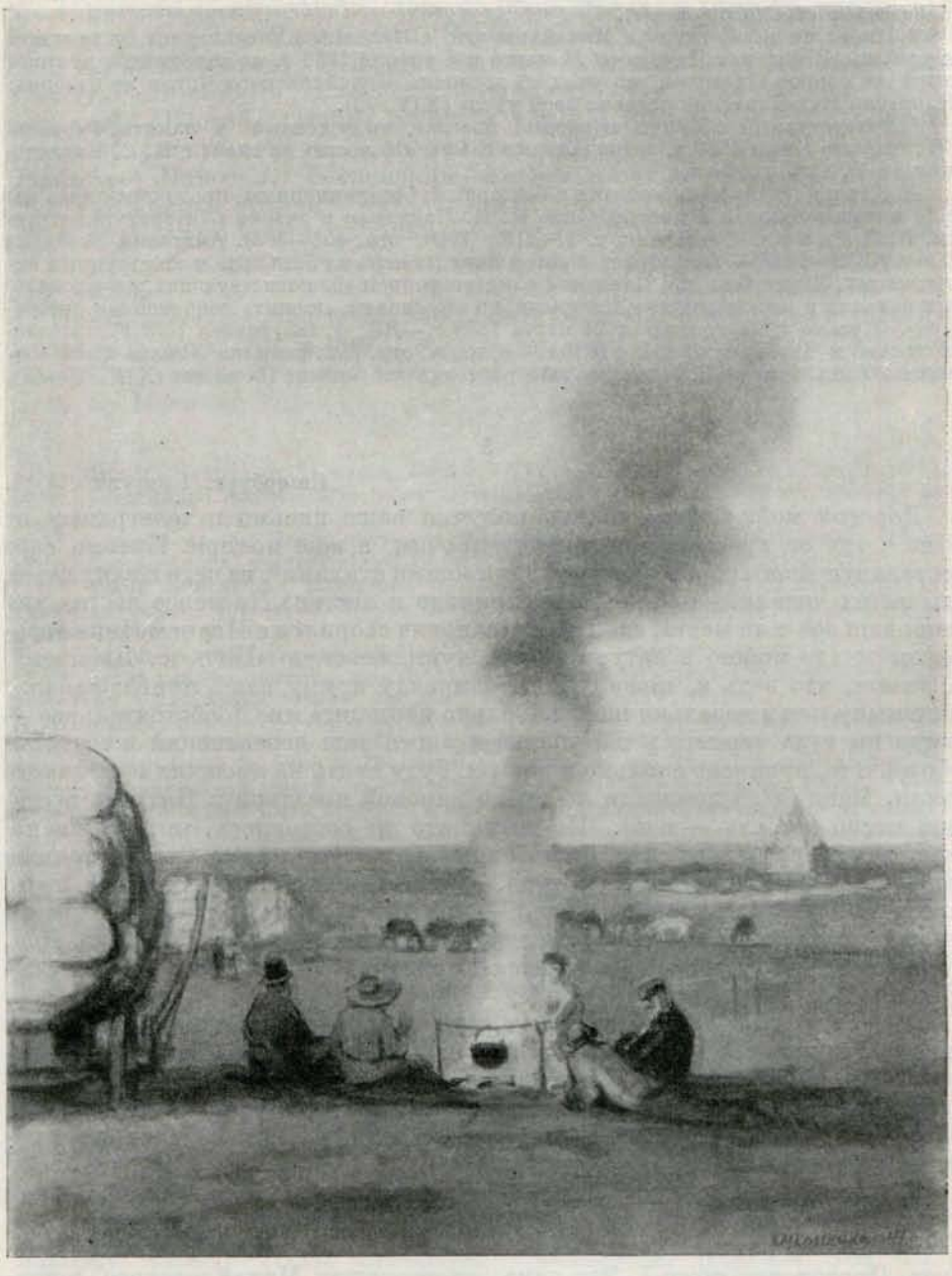


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОВЕСТИ «СТЕПЬ»
Акварель Кукрыниксов, 1941 г.
Третьяковская галерея, Москва

Плещеев сообщал Чехову о Михайловском: «Он, говорят, пробовал втереться в число пайщиков „Русских ведомостей", но потерпел фиаско, несмотря на свою дружбу с Соболевским» (письмо от 14 апреля 1888 г.— «Слово», стр. 243—246, с пропусками; приведенные строки опущены).

[8] Имела ли место встреча Михайловского с Чеховым в этот период, установить не удалось. В письмах Чехова от 31 марта и 4 апреля 1888 г. не содержится прямого ответа на вопрос Плещеева, но уход из журнала Михайловского Чехов не одобрил: «Напрасно Михайловский огласил свой уход» (XIV, 72).

[9] Литературный сборник «Красный цветок», выпущенный в память Гаршина в Петербурге летом 1889 г. сотрудниками газеты «Новости» во главе с К. С. Баранцевичем и В. С. Лихачевым.

[10] Кличка «тля» в применении к бездарным, беспринципным, продажным писакам была впервые введена в употребление И. И. Панаевым в очерке «Литературная тля» (см. И. Панаев. Сочинения, т. 1. СПб., 1860, стр. 403—533). Анатолий Иванович *Леман* (1859—1913)— беллетрист и автор книг по игре на бильярде и на струнных инструментах. Леман был для Плещеева олицетворением «блаженствующих, самодовольных нахалов и пасквилянтов», которыми, по его словам, «кишит» современная литература». Письмо к Короленко от 24 марта 1888 г.—ЛБ, ф. 135, раздел II,31/67; см. также письмо к Чехову от 15 июля 1888 г.—«Слово», стр. 252; фамилия Лемана здесь обозначена лишь буквой Л.Чехов всецело разделял это мнение Плещеева (XIV, 66—67).

5

Петербург. 1 апреля ⟨18⟩88.

Дорогой мой. Сейчас только получил ваше письмо и телеграмму от сына [1], где он передает мне, между прочим, и ваш поклон. Письмо свое вы галантнейшим образом пересыпали моими стихами[2], из чего я заключаю, что вы их читали. Это мне очень приятно и лестно. Не менее лестен для меня ваш зов в те места, где Иван Иванович ссорился с Иваном Никифоровичем и где можно в натуре видеть куинджевскую «Ночь на Днепре» [3]. А знаете, что ведь я, пожалуй, и взаправду приму ваше приглашение... и прикачу к вам недельки на две. Только напишите мне пообстоятельнее — когда вы туда вернетесь с Кубани[4] и адрес ваш деревенский в точности обозначьте, прописав сколько я должен буду ехать на лошадях и от какого места. Меня было помазали по губам даровой поездкой в Ялту на весенний месяц (апрель — май). Но потом это не состоялось, так как знакомая, уступавшая мне этот билет, вынуждена была сама, по настоянию докторов, немедленно поехать туда. А уж матушку Волгу, должно быть, придется побоку. Что-нибудь одно — или Днепр, или Волга. Есть у меня и еще приглашение, в Воронежскую губернию — стало быть, на Дон. Какое богатство выбора! А кончится, вероятно, дачей в петербургских болотах.

Литературный фонд устраивает вечер в память Гаршина и посылает к вам официальное приглашение принять в нем участие. Вам и Короленко. Очень уж хочется вас обоих петербургской публике показать; а денег побольше собрать, так как половина сбора пойдет в фонд, а половина на памятник Гаршину... А что — кабы вы приехали! Какой бы вы были паинька! Короленко, вероятно, приедет [5].

Революция в «Северном вестнике» произошла неполная. Михайловский ушел, но попытка его переманить других — оказалась неудачной.

Успенский написал Анне Михайловне письмо [6], что он уходить не желает, Протопопов тоже [7]. Эта дама, настроившая Михайловского, поставила его в очень неприятное положение. Они с ней думали, что он увлечет за собой всех... а вышло, что ушел он один. И господь с ним. Но черта эта очень некрасивая — как ушел сам, так сейчас переменивать других — и гадить журналу.

Вы статейку в гаршинский сборник дайте, голубчик, *непременно*. Мы надеемся иметь и от Л. Толстого и от всех сотрудников «Северного вестника» [8]. Короленко тоже напишет. На вас навела хандру дурацкая статья Аристархова [9]... Но ведь это такая дубина и дубина недобросовест-

ная. Щеглов мне говорил, что на похоронах Гаршина (и там даже эти люди не могут своих литературных дрязг оставить) уж говорил, что хочет вас обругать; за непочтение, должно быть, что вы к нему не зашли, хотя были у кого-то внизу под ним... Серьезно. Он выражал где-то претензию свою по этому поводу. И я пари держу, что это он же настрочил на вас бранную статейку в «Еженедельном обозрении» (при котором «День» выходит)[10]. В этой статейке ставится вам в упрек — как вы осмелились степь описывать, когда ее описал уже Гоголь (!?) Как вам нравится это идиотство! Впрочем, Введенский человек невменяемый. Он давно уже страдает манией величия. Это говорили доктора. «Белинский, Добролюбов и я». Больше критиков у нас нет. — Наплюйте вы на них всех и давайте скорей повестушку [11] в «Северный вестник». Не откладывайте в дальний ящик.

Прощайте пока. Сердечно вас лобызаю. Островский ко мне совсем не пишет. Не знаю, что с ним. Спасибо вам, что ссудили моего беспутного сына [12] деньгами. Старший возвратит вам их. Когда вы собираетесь уезжать из Москвы?

[1] Письмо Чехова от 31 марта 1888 г. (XIV, 64—66). Телеграмма старшего сына поэта Александра Алексеевича, посетившего Чехова 31 марта 1888 г., остается неизвестной.

[2] В своем письме Чехов цитирует стихотворения Плещеева: «Странник», «Песня», «Есть дни: ни злоба, ни любовь», «Старик», «Вперед! без страха и сомненья».

[3] Чехов приглашал Плещеева приехать погостить в нанятую им дачу на Луке, Сумского уезда, Харьковской губ. Плещеев принял приглашение Чехова и прожил у него около трех недель.

[4] Предполагавшаяся поездка Чехова на Кубань не состоялась.

[5] Чехов писал Плещееву, что выехать из Москвы не может «по домашним обстоятельствам. Откровенно говоря, нет денег на дорогу» (XIV, 73).

Плещеев, сожалея об этом, писал 6 апреля своему старшему сыну, находившемуся тогда в Москве: «Как жаль, что он не приедет на гаршинский вечер, куда его приглашает фонд. Пускай бы взял в „Северном вестнике" аванс. Дадут ему с радостью. Скажи ему. Я, впрочем, поговорю с членами комитета. Не возьмут ли они на себя путевые издержки. Но, может быть, этого не полагается, да и сам Чехов не захочет, пожалуй» (ЦГАЛИ, ф. 378, оп. 1, ед. хр. 46, л. 1—2; частично опубликовано в газете «Невод», 1907, № 1, стр. 7). Короленко на гаршинском вечере не присутствовал.

[6] В письме к Евреиновой от 15 марта 1888 г. Успенский сообщал о своем намерении выйти из журнала, так как она якобы отозвалась о «Северном вестнике», что он сух и не захватывает живых явлений жизни. Успенский жаловался на «строгость цензуры», необходимость покоряться которой «угашает ум, мысль, талант писателя» (Г. И. Успенский. Полное собр. соч., т. 14, Изд-во АН СССР, 1954, стр. 106—107). Плещеев имеет в виду письмо Успенского к Евреиновой, относящееся к последним числам марта (там же, стр. 113—114; датировка конец марта — начало апреля неточна, так как 1 апреля Плещеев уже сообщает об этом письме Чехову).

[7] Михаил Алексеевич *Протопопов* (1848—1915) — критик. В 1877 г. выступил в «Отечественных записках» со статьей «Литературная злоба дня» под псевдонимом Н. Морозов. Сотрудничал в «Русской правде», «Слове», «Устоях», в 1890-х годах — в «Русской мысли». Отдельное издание его статей вышло в 1894 г. под названием «Литературно-исторические характеристики». Упоминаемое письмо Протопопова к А. М. Евреиновой неизвестно. Из «Северного вестника» Протопопов ушел позднее, в ноябре 1888 г.

[8] Сборник «Памяти Гаршина» (СПб., 1889), инициатором которого был Плещеев. В него вошли стихотворения Гаршина «Пленница», «Свеча», письма Тургенева к Гаршину, рассказ Чехова «Припадок», стихотворения Плещеева («На похоронах Всеволода Гаршина», «Так тяжело мне, так горько мне и больно»), Г. Успенского «Смерть В. М. Гаршина» (переработка статьи, помещенной в «Русских ведомостях»), сказка Щедрина «Ворон-челобитчик», Н. Михайловского «Из дневника читателя» и др. Л. Толстой в сборнике не участвовал.

[9] «*Аристархов*» — псевдоним Арсения Ивановича Введенского (1844—1909) — критика и библиографа, печатавшегося в «Северном вестнике», «Вестнике Европы», «Деле», «Русских ведомостях». Речь идет о его статье «Журнальные отголоски», посвященной мартовской книжке «Северного вестника» («Русские ведомости», 1888, № 89, от 31 марта). Чехов писал о ней Плещееву: «Какое лакейство перед именами и какое отечески-снисходительное бормотанье, когда дело касается начинающих!» (XIV, 66).

[10] «*Еженедельное обозрение*» — газета политическая и общественная с литературно-научным и иллюстрированным приложением «День». Плещеев имеет в виду анонимную рецензию в № 218, от 27 марта 1888 г. (см. в настоящем томе публикацию дневника Щеглова, запись о похоронах Гаршина).

[11] Повесть «Огни», которую писал в это время Чехов для «Северного вестника» (XIV, 66, 78).

[12] Николая Алексеевича Плещеева. См. о нем прим. 1 к письму 4.

6

⟨Петербург.⟩ 2 апреля ⟨1888 г.⟩

Расписался и я к вам, дорогой Антон Павлович. Никак третье письмо строчу. Но вот в чем дело. Вчера происходило у нас собрание по поводу гаршинского сборника [1]. Привлекли мы туда и Баранцевича с К°, заявившей о своем издании, думая слиться с ними, и из двух сборников составить один. Но мы так расходимся в плане и вообще во взглядах на этот сборник, что порешили: пускай издает каждый из двух кружков свой особый сборник. Они торопятся, чтобы как-нибудь, тяп да ляп, поскорей сварганить и пустить в продажу. Под свежим впечатлением смерти Гаршина — публика, вероятно, и раскупит их книжку. А это только и требуется. Мы намерены составить свою книжку посолиднее. У нас половину займут биография, личные воспоминания многих лиц о В. Гаршине, его письма, письма к нему Тургенева, которые он не отдал из скромности в то время, когда фонд издавал переписку Тургенева [2], критические статьи о нем и пр. и пр. Вторая половина будет состоять из беллетристических вещей (стихи и проза), и в этом отделе у нас имеется в виду несколько хороших имен: Салтыков, Короленко, Гл. Успенский, — надеемся, что и Чехов будет. А в первом отделе не теряем надежду иметь несколько страничек о Гаршине Л. Толстого.

Таким образом, нужно полагать, что хотя первое впечатление и уляжется, но хороший состав книги заставит публику ее покупать. Деньги, кажется, пойдут не на памятник, потому что жена хочет сама поставить его, а на какое-нибудь более живое дело, могущее увековечить память Гаршина, как например на стипендию или что-нибудь подобное [3]. Часть, может быть, и на памятник пойдет. А как вам теперь сделаться — очень просто: Баранцевич вчера заявил, что они «новых произведений у авторов не просят», так как не всякий может так скоро написать что-нибудь, а довольствуются напечатанным и от вас рассчитывают получить разрешение на перепечатку какого-нибудь из ваших прежних рассказов из «Петербургской газеты» [4]. Стало быть, нам вы можете дать маленький ненапечатанный рассказец, который вы успеете еще приготовить к 1 августа (крайний срок).

Короленко также разрешил Баранцевичу перепечатать его «Море» из «Волжского вестника» [5].

Короленко здесь. Был у меня вчера. Он огорчен выходом Михайловского и думает, что его трудно будет заменить по редакции научного и критического отдела. Завтра будем все сообща толковать об этом в редакции.

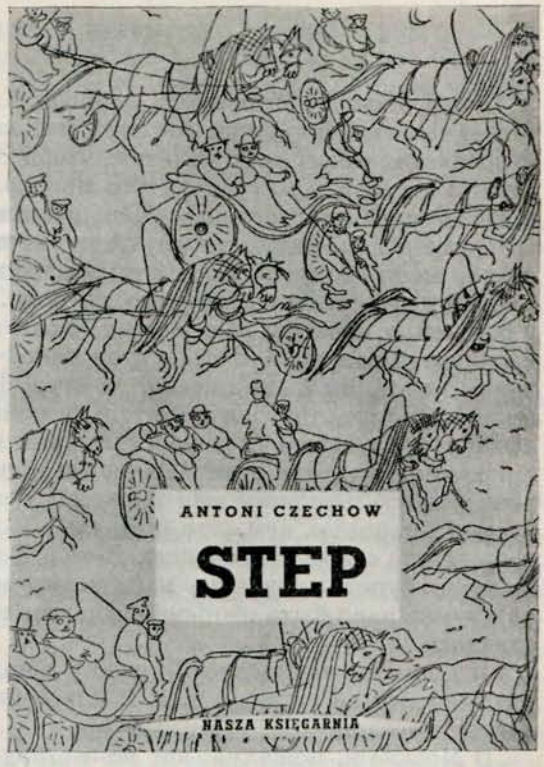
Анна Михайловна — та не унывает и, кажется, смерть рада, что освободилась от ферулы. Кланяется вам очень, равно как и Мария Дмитриевна [6]. Приедете ли вы читать в фонд? Чтение назначено в четверг, 14 апреля [7]. Короленко, кажется, не останется. У него вся семья больна, и он спешит воротиться, чтоб отвезти жену на кумыс в Самару. А, может, его и удержат на два дня. Приехать сюда так скоро побудила его революция, происшедшая в «Северном вестнике». На обратном пути будет у вас непременно [8].

Ялтой меня только по губам помазали. Ту даму, которая нам предлагала два билета, доктора «немедленно» отправили самоё туда... И она уже

ПОЛЬСКОЕ ИЗДАНИЕ ПОВЕСТИ «СТЕПЬ»

Обложка. Рисунок Леопольда Бучковского

Варшава, 1950



уехала, как пишет мне муж ее (Городецкий). Давыдов, Влад. Ник., принят окончательно на петербургскую сцену [9]. Пишите комедию [10].

Прощайте пока, голубчик. Щеглов хотел быть у меня сегодня вечером. Куда его затащишь летом! Он все с своей полоумной бабушкой возится. А с книжным магазином совсем покончил всякие дела. Жму крепко вашу руку.

Ваш душевно А. Плещеев

Известите меня о получении этого письма [11].

[1] См. прим. 9 к письму 4 и прим. 8 к письму 5.

[2] Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883. СПб., 1884.

[3] Деньги, вырученные от издания сборника «Памяти Гаршина», как указывалось в предисловии к нему, предназначались для учреждения народной школы имени Гаршина.

[4] В сборнике «Красный цветок» рассказ Чехова напечатан не был.

[5] Этюд Короленко «Море» («Волжский вестник», 1886, № 286, от 25 декабря) в сборник «Красный цветок» не вошел.

[6] *Мария Дмитриевна* Федорова — секретарь «Северного вестника».

[7] См. выше письмо 5 и прим. 5 к нему.

[8] Встреча Чехова с Короленко состоялась 5—6 апреля (XIV, 79), 8 апреля Короленко возвратился уже в Нижний Новгород (см. В. Г. Короленко. Полное посмертное собр. соч. Дневник, т. I. Полтава, Госиздат Украины, 1925, стр. 131).

[9] В. Н. Давыдов был принят на петербургскую сцену в 1888 г. Плещеев ценил талант Давыдова и в своих письмах неоднократно отмечал своеобразие его артистического мастерства. Давыдов был непременным участником вечеров у Плещеева, где собирались писатели, композиторы, артисты (см. А. А. Плещеев. Материалы для биографии А. Н. Плещеева.— ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1558). Давыдов также дорожил дружескими отношениями с поэтом и подчеркивал, что хотел бы их «сохранить навсегда» (Рукописный отдел Гос. театрального музея им. А. А. Бахрушина. Письма В. Н. Давыдова к Плещееву.— ЦТМ, 77440—42).

[10] Речь идет, очевидно, о первоначальном замысле «Лешего» (см. письмо Чехова к М. П. Чеховой от 22 июля 1888 г.— XIV, 136).

[11] Ответное письмо Чехова от 4 апреля 1888 г. (XIV, 72—73).

7

⟨Петербург.⟩ 23 апреля ⟨1888 г.⟩

Ваше последнее письмо [1], дорогой Антон Павлович, такого рода, что может человека остановить от поездки к вам. Толкуете вы в нем о комфорте, подобающем моему «чину», о том, чтобы обставить меня всякими удобствами. Из этого я усматриваю, что предположения мои были основательны и что я могу действительно вас стеснить.

Вы способны отдать мне лучшую комнату и сами с семейством тесниться для меня где ни попало. Этим вы меня совершенно свяжете, и я у вас проживу два-три дня вместо двух недель. Мне нужна маленькая комнатка, в одно окно, какая у меня всегда бывает на даче, где я живу. Нужна кровать или диван, чтоб спать, и стол какой-нибудь вроде ломберного, на котором можно бы было писать, да стул. Больше мне ничего не требуется, никаких комфортов, которые только меня конфузить будут. Был я как-то вечером у Суворина (который был так любезен, что прислал мне свое великолепное издание книги Радищева)[2], и сказал ему, между прочим, что хочу вторую половину мая провести у вас. Он расспрашивал, где это, и поручил написать вам, что и он тоже к вам приедет с тем, чтобы забрать нас обоих с собой в Феодосию. Я-то в Феодосию не поеду, а вы, вероятно, не прочь будете провести у него некоторое время [3]. Мне же в первых числах июня надо быть непременно дома, на это есть много причин весьма солидных.

Я выезжаю на Пасхе в Варшаву и надеюсь вернуться на Фоминой, так во вторник или в среду, т. е. 2 или 3 мая. Черкните мне словечко перед вашим выездом.

В Москве я, пожалуй, вас не застану, потому что раньше 7 или 8 мая не придется выехать туда. Крепко жму вашу руку.

Аванс просите; дадут. Особливо, если повесть пришлете [4].

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Письмо Чехова от 17 апреля 1888 г. (XIV, 86—87).

[2] Книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» была переиздана Сувориным в 1888 г. и воспроизводила издание 1790 г.

[3] Суворин на Луку не приехал. Чехов выехал в Феодосию 10 июля 1888 г. (XIV, 132).

[4] Повесть «Огни». Чехов отвечал Плещееву 25 апреля, что кончил «повестушку» и завтра посылает ее (XIV, 96).

8

Петербург. 10 мая ⟨1888 г.⟩

Милый друг, Антон Павлович.

Леонтьев говорит, что вы пишете ему, что в июне вы не будете у себя на хуторе [1]. А я до сих пор не могу выбраться из Петербурга. Меня задерживают очень важные дела, относящиеся до редакции. Сообщу вам подробнее при свидании или напишу. Но, если я еще проживу с неделю в Москве, то к вам ехать будет уже поздно. Задерживать вас не хочу, и на неделю ехать не стоит.

Если мне можно будет отхватить еще лишнюю недельку в июне, т. е. если тогда мое присутствие здесь не будет необходимо (в редакции), то я могу теперь же прямо проехать к вам, остановившись в Москве на денек, не более. Но раньше 14-го или 15-го едва ли отсюда выберусь.

Обо всем этом я счел нужным вам сообщить.

Если захотите мне ответить, то, чтоб письмо не разошлось со мной, напишите к Островскому (Московско-Ярославская ж. д., станция Пуш-

кино. Дача Пóносова). Если приеду к вам раньше, в Москве проживу подольше уже на обратном пути. Реку Псел мне здесь один приятель так нахвалил, что если я выиграю 200 тысяч, то, пожалуй, куплю усадьбу г-жи Линтваревой [2].

Крепко жму вашу руку.
Ваш сердечно Плещеев

«Огни», по-моему, прекрасная вещица. Но Щеглов ею не удовлетворен, говорит, нет «нравственного вывода никакого». Почему, говорит, автор заключает словами «ничего в жизни не разберешь». Должен, говорит, разобрать. На то он психолог. Строг Щеглов? Скуки я не ощутил ни малейшей, читая «Огни». Щеглов тоже.

[1] Письмо Чехова к И. Л. Леонтьеву (Щеглову) от 3 мая 1888 г. (XIV, 100—101).
[2] Александра Васильевна *Линтварева*—владелица имения Луки, где снимали дачу Чеховы в 1888—1889 гг.

9

2 июля ⟨1888 г.⟩ Ораниенбаум

Спасибо вам, милый друг Антон Павлович, что не забываете вашего *ех*-жильца. Описание вашей поездки — по обыкновению исполненное юмора и пересыпанное художественными штрихами[1] — доставило мне большое удовольствие, но вместе с тем и повергло в некоторое уныние: очень уж мне досадно стало, что меня с вами не было! Это действительно была, как видно, прелестная поэтическая и веселая поездка. Но вы мне не сказали, кто именно ездил из мужчин, кроме вас. Ездил ли Иван Павлович и братья Линтваревы?[2] Более шести человек, я полагаю, в дедовской коляске не могло уместиться! Вам это путешествие дало много материала, которым вы, конечно, не замедлите воспользоваться. Завидую вам. В близком будущем у вас еще несколько живописных поездок, между тем как я осужден прозябать в Ораниенбауме, где жизнь совершенно городская и где уже начали одолевать меня разные поэтессы [3].

Погода стоит скверная, один день выдастся ясный да два дождливых. Скучно мне здесь достаточно. До сих пор — разные дела заставляли меня ездить несколько раз в Петербург. Так что и за дело-то я как следует еще не мог приняться. И все мне хворается: то одышка, то головная боль. Всего хуже, что глаза у меня опять начинают побаливать, и поэтому я вечером при огне избегаю работать. А так как с 9 часов нельзя же спать завалиться, то и идешь на музыку или в театр, хотя последний плох. Завтра дают пьесу Щеглова «Театральный воробей»[4], и сам Щеглов обещал у меня обедать. Кланяйтесь от меня милейшему Баранцевичу, а «умственному» Воронцову[5] не кланяйтесь. Скучнее этой личности я не видывал. Мне сдается, что он приехал на Луку не без задней мысли. Затевает он, как я слышал, с компанией столь же «умственных» сочинителей журнал, двухнедельный, и, вероятно, ищет на это денег. Если Линтваревы дадут, то глупо сделают[6]. Не стоило для этого рубить лес Павлу Михайловичу. Что касается до понимания художественных вещей, то Воронцову, положительно, недостает этого клапана. Поэзии в нем столько же, сколько в сапожном каблуке. В «Новом времени» напечатан на днях рассказ М. Белинского «Букет цветов»[7]. Как это плохо! Таких рассказов можно по десятку в неделю изготовлять. Не понимаешь, для чего это написано. Жаль, что человек далеко не бездарный совсем разменялся на мелочь и валит с плеча все, что лезет в голову.

Гиляровский ваш передал в «Северный вестник» через Короленку рассказ [8], и Короленко оставил его на прочтение мне. Анне Михайловне очень хотелось его принять; он ей уж очень понравился (не рассказ, а сам Гиляровский).

Я прочел — и, каюсь, покривил несколько душой... принял. Короленко, должно быть, предвидел, что это плохо, но, будучи знаком с Гиляровским, не хотел ему отказывать; а с другой стороны, и помещения очерка не хотел брать на себя. Это один из тех бытовых очерков, которым имя легион; но так как он займет не более листа печатного, то уж так и быть пустим его... авось сойдет! Жаль этого Гиляровского. Дела его, говорят, не блестящи, и работа эта репортерская — каторжная.

Евреинова возобновляет хлопоты об освобождении из-под цензуры. Замечательно, что у нас в редакции многие против этого. Но я думаю, что это, напротив, лучше будет. Только едва ли ей разрешат. Если же разрешат, то надеемся, что тогда ваш роман украсит страницы «Северного вестника»[9].

Поклон мой всем вашим; сын Кока (офицер) тоже очень меня просил и от него кланяться, а кстати: сколько теперь налицо братьев Чеховых — в Луке?

Я написал недавно к Жоржиньке[10] и послал ему ноты, жаль, что он, как вы говорите, уехал в Славянск. На днях посылаю свою фотографию семейству Линтваревых, и уж на этот раз адресую Елене Михайловне[11].

Не знаете ли вы, получили ли мое письмо со стихами братья Смагины?[12] Я писал к ним по получении от них телеграммы. Но они мне не ответили.

Крепко жму вашу руку и желаю вам всего наилучшего. Напишите мне еще до отъезда в Феодосию[13].

Ваш А. Плещеев

P. S. Зачем вы клевещете на Вату[14], будто мое присутствие ее вдохновляло?

[1] Письмо Чехова от 28 июня 1888 г., в котором рассказывается о поездке в Миргородский уезд Полтавской губ. (XIV, 128—130).

[2] *Братья Линтваревы* — Егор Михайлович и Павел Михайлович, сыновья владелицы Луки.

[3] Плещеев писал об этом Короленко 10 мая 1889 г.: «Если б вы только знали, как меня одолевают поэты!.. Редкий день обходится без того, чтоб я не получил двух-трех писем, не говоря о массе стихов, которые я каждый вторник уношу из редакции и получаю лично от посещающих меня стихотворцев. Самое ужасное то, что эта масса лишущих стихи почти сплошь совершеннейшая бездарность!» (ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

[4] *«Театральный воробей»* — комедия-шутка в 2-х действиях.

[5] Василий Павлович *Воронцов* (псевдоним: В. В.) (1847—1917), экономист и публицист, теоретик народничества 1880-х—1890-х годов. В. И. Ленин подверг критике экономические и политические взгляды Воронцова в ряде своих работ. Критике взглядов Воронцова посвящена книга Г. В. Плеханова «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова». Критический этюд. СПб., 1896. Воронцов гостил у Линтваревых в Луке летом 1888 г.

[6] На это сообщение, связанное с проектом либеральных народников организовать журнал «Эпоха», Чехов откликнулся в ответном письме от 5—6 июля 1888 г. (XIV, 131—132).

[7] Рассказ И. И. Ясинского (М. Белинского) «Букет цветов» был напечатан в «Новом времени», 1888, № 4429, от 29 июня.

[8] Имеется в виду рассказ В. А. Гиляровского «На плотах», позднее напечатанный в «Русских ведомостях»; в «Северном вестнике» произведения Гиляровского не публиковались.

[9] См. прим. 10 к письму 2.

[10] Егор Михайлович Линтварев. Письмо Плещеева к нему неизвестно.

[11] Плещеев, сблизившийся как с семьей Чехова, так и с Линтваревыми, писал по возвращении из Луки:

«Я возвратился 20 июня. Три недели прожил я на юге и несмотря на то, что погода эти три недели не постоянно была хорошая, но все-таки сравнительно с нашей это была благодать ⟨...⟩

Как скудна и мизерна показалась мне наша зелень — после южной ⟨...⟩ Избаловали меня и южная природа и южные люди. Чеховы попали необыкновенно удачно. Семейство, у которого они нанимали в усадьбе флигель — превосходнейшее,— просто идеальное ⟨...⟩ Все молодежь, за исключением старушки-матери, очень хорошей и доброй женщины; такая сердечная, умная, честная молодежь ⟨...⟩ все они, не зная

меня лично, но зная по литературе и литературным чтениям в Петербурге,— вышли на вокзал ж. д. вместе с Чеховыми встречать меня, хотя усадьба находится в 2-х верстах от Сум и хотя я приехал в первом часу ночи ⟨...⟩ И в продолжение этих трех недель, которые я там прожил, меня окружали таким вниманием и участием, относились ко мне с такой сердечностью, что я был глубоко тронут. Место необыкновенно живописное; мы ездили по окрестностям, катались на лодках по реке Пселу, совершали большие прогулки, и я с большим сожалением уехал оттуда.

Не только самые владельцы усадьбы, но и приезжавшие к ним знакомые — земский доктор, студент-медик, двое родственников ⟨...⟩, все это был такой славный интеллигентный народ, с которым я отлично сошелся. Благодаря близости усадьбы от города — мы получали аккуратно газеты и журналы. Там выписывали „Вестник Европы", „Русскую мысль", „Северный вестник", „Русские ведомости". Флигель, в котором живут Чеховы, довольно запущенный, но зато окна в моей комнате выходили в старый сад с вековыми деревьями, в котором птицы задавали по утрам такие великолепные концерты, каких здесь не услышишь ⟨...⟩ Пройдешь по этому саду, подымешься в гору — и перед тобой открывается великолепный вид на реку и ее живописные берега» (письмо к М. В. Ватсон от 15 июля 1888 г.— ИРЛИ, ф. 402, архив М. В. Ватсон, оп. 2, № 429, лл. 35—36).

[12] Речь идет о стихотворении Плещеева «Антону Павловичу Чехову» («Цветущий, мирный уголок»), написанном в Луке 6 июня 1888 г. (см. Стихотворения А. Н. Плещеева. СПб., 1898, стр. 569—570). Поэт послал его также в Миргородский уезд — братьям А. И. и С. И. Смагиным — родственникам Линтваревых. Чехов писал Плещееву о нем: «Смагины ваше письмо получили. Стихотворение и до сих пор еще производит сенсацию в Миргородском уезде. Его копируют без конца» (XIV, 131).

[13] Чехов выехал в Феодосию 10 июля, последнее письмо, отправленное Плещееву перед выездом — от 5—6 июля 1888 г. (XIV, 131—132).

[14] *Вата* — Валентина Николаевна Иванова — племянница А. В. Линтваревой

10

10 августа ⟨1888 г.⟩ Ораниенбаум

Где вы и что с вами, милейший Антон Павлович?

Соскучился я без ваших писем. Черкните словечко, голубчик.

Редакция обращается к вам с убедительнейшей просьбой прислать что-нибудь к *октябрьской* книжке. Страшно нужно. Хоть волком вой с беллетристикой!! В сентябрьской книжке все идут никому неведомые имена. Очень может быть, что ничего большого у вас нет еще, — в таком случае не стесняйтесь — пришлите маленький рассказец или два — это бы было прекрасно — величиной с фельетон «Нового времени». Большое спасибо скажем вам; и денег дадим; хотя бы рассказы ваши не покрыли аванса, взятого в редакции. В октябре надо чем-нибудь блеснуть, и если будете вы да Короленко — то больше нечего и желать [1].

Мы не теряем надежды выйти из-под цензуры к новому году, а может и раньше. Хлопочем сильно.

Вчера получил послание с Луки; благодарственное за присылку карточек. Там все благополучно. Опять живет Вата с мамашей [2], и новорожденный Всеволод [3] (крестник Воронцова и «уважаемого товарища») благоденствует, питаясь молоком матери. Милый Сергей Смагин еще задолго до этого послания выслал мне свою карточку и, между прочим, писал мне забавную вещь: после того, как вы во время своей поездки к нему[4] заезжали зачем-то в аптеку в Сорочинцах, туда явился частный пристав, тот самый, который хотел заставить англичанина Моргана прогуляться по этапу, и настоятельно требовал, чтоб аптекарь сообщил ему имена тех «социялистов», которые были в аптеке, и несмотря на все уверения аптекаря, что это были Смагины и их родственники, хотел ехать в погоню за вами. Эти дураки сами себя на посмешище выставляют и потом жалуются, что власть дискредитируется.

Бедный Суворин! Все у него горе за горем, утрата за утратой [5].

Я остаюсь в Ораниенбауме до сентября, и потому пишите мне сюда.

Крепко жму вашу руку. Ответьте мне поскорей.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Чехов намеревался прислать к октябрьской книжке «Северного вестника» рассказ «Именины», но кончить его не успел. Рассказ был прислан только к ноябрьской книжке (XIV, 153, 167—168, 175). Произведение Короленко в октябрьской книжке «Северного вестника» напечатано не было.

[2] Екатерина Васильевна Иванова — сестра А. В. Линтваревой.

[3] *Всеволод* — сын Павла Михайловича Линтварева, родившийся в июле 1888 г.

[4] Имеется в виду поездка Чехова к Смагиным, с заездом в Сорочинцы в конце июня 1888 г. (XIV, 128—130).

[5] *Утрата* — смерть сына Суворина — Валериана (XIV, 150), последовавшая вскоре после самоубийства другого его сына — Владимира.

11

19 августа ⟨18⟩88 г. Ораниенбаум

А я только что, дня два-три тому назад, отправил к вам письмо через Суворина, дорогой Антон Павлович,— как получил ваше. Вероятно, Суворин вам перешлет мое; оно вложено в письмо к нему и припечатано облаткой [1]. Я пишу ему несколько соболезновательных слов по поводу новой утраты, постигшей его. Да! беспощадна к этому несчастному человеку судьба! Я думаю, что никакое материальное благосостояние и никакое количество остающихся в живых детей не может служить утешением человеку в жизни при таких утратах.

Островский сообщает мне также в письме ужасную трагедию. Сын драматурга Островского [2], только что кончивший курс в университете и собиравшийся в августе жениться на девушке, с которой рос вместе и в которую давно влюблен был (Кашперовой), чуть не накануне свадьбы занемогает дифтеритом и умирает; а она, схоронив его, отравляется карболкой. Ее перевезли в больницу и кое-как спасли. Одновременно с этим брат ее, офицер, славный парень, товарищ детства моих сыновей, упал вместе с лошадью и расшибся. Хотя сотрясения мозга, кажется, нет, но все-таки это даром не обойдется. Недурно положение родителей, у которых в этом году только умер взрослый сын, перед тем сошедший с ума, тоже офицер![3] Действительно есть семьи, над которыми тяготеет что-то роковое.

Вот вы какой «всемирный путешественник»! Где только вы ни побывали[4]. Понимаю, голубчик, вполне понимаю, как вам не хочется переселяться в Москву. Я уж этим всем наслаждаюсь, что вас так пугает в Москве, и дурными пьесами, и плохими буфетами, и русскими мыслями... или вестниками, ведь это все равно [5].

А нашему «Северному вестнику» не везет: не выпускают его из-под цензуры. Евреинова на днях была у Феоктистова, и пока он тут сидит, кажется, надо отложить всякую надежду на бесцензурность. Он и слышать не хочет об этом. Когда же Евреинова заикнулась о «Русской мысли», где пишут те же сотрудники, он остановил ее словами: «„Русская мысль“ вполне *наша*. Она пишет, как мы желаем; во всем советуется с нами. Это лучший теперь журнал». В разговоре, между прочим, упомянул о «„Короленках и Чеховых“, о которых говорят что-то, но которых он не читал». Евреинова посоветовала ему прочесть. Вот как «Русская мысль» надувает своей бесцензурностью! Очевидно, они интригуют тайно против «Северного вестника» и, может быть, дают взятки цензорам. А у нас подписка все идет да идет.

Ради бога, голубчик, давайте что-нибудь к октябрю, хоть маленький рассказец, а если два, то еще лучше, но и один ничего. Аванс опять вам вышлем.

Не покидайте журнала в критический момент. Ведь у нас теперь по беллетристике хоть шаром покати. Короленко обещает, но даст ли? У него жена родит. Анна Михайловна вам бьет челом о том же и велит кланяться всем вашим. От меня тоже почтение Евгении Яковлевне и Марии

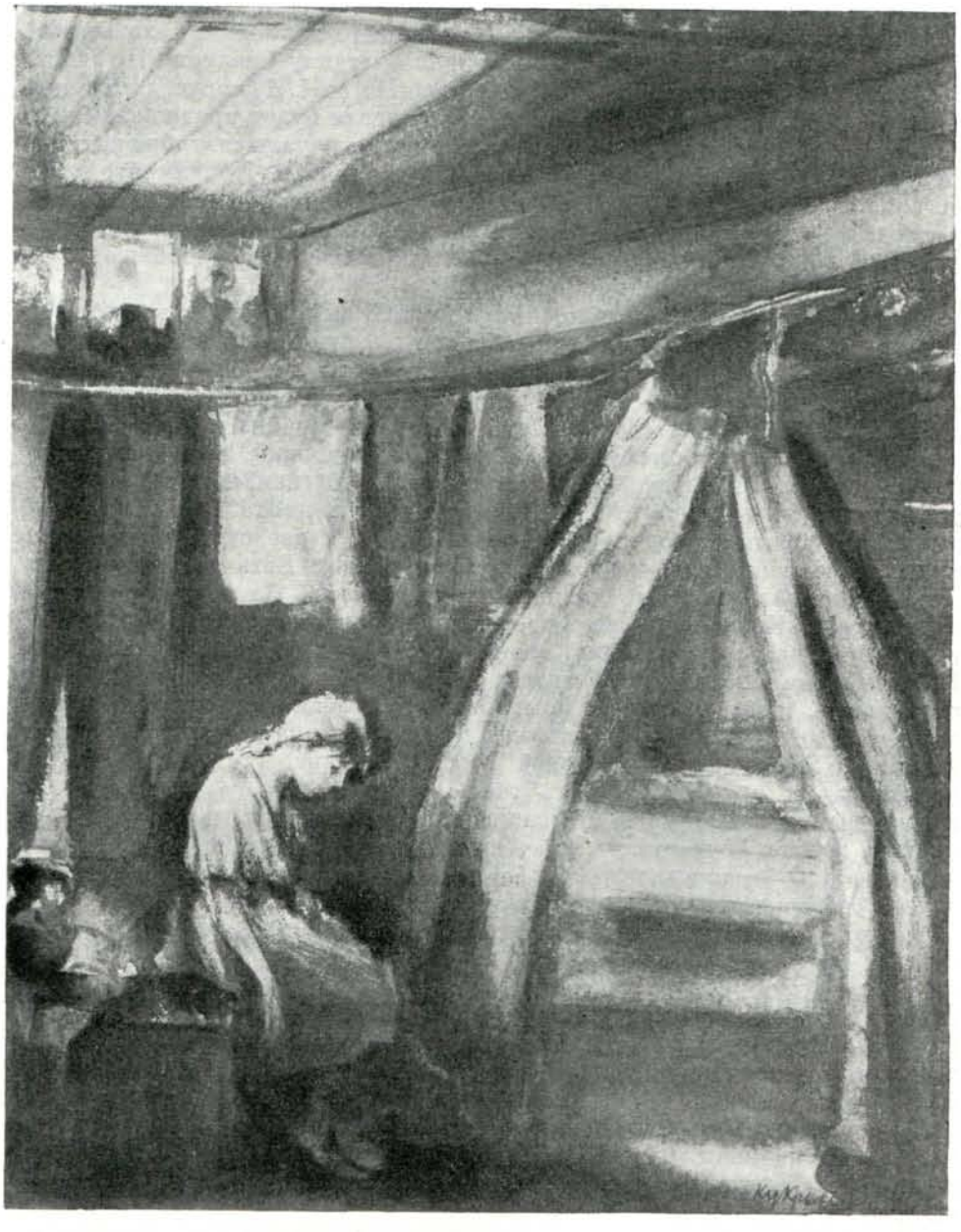


ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «СПАТЬ ХОЧЕТСЯ»

Акварель Кукрыниксов, 1941 г.

Третьяковская галерея, Москва

Павловне и поклон братьям. Я получил письмо от Ваты — благодарность за высылку моей фотографической карточки, очень задушевное и институтски наивное. Она, как видно, славная девочка. Да, милый Антон Павлович, хорошо бы куда-нибудь летом в будущем году совсем уехать из Петербурга, и на юг хорошо бы, и в Париж на выставку [6] недурно. Но знаете, ведь человек предполагает, а карман располагает! Я также думаю прожить в Ораниенбауме до сентября, а если погода будет продолжаться такая, какая она стоит теперь вот уж три дня, то и начало сентября захвачу. Нетерпеливо буду ждать вас в Петербурге в ноябре. Приезжайте к дню моего рождения (22-го). Хоть и не особенно приятно праздновать его, когда тебе 63 года стукнет, но уж так заведено — обычай таков, что празднуешь. Я все считал, что мне 64 будет, и был внезапно обрадован тем, что обсчитался. Все-таки годом меньше.

Сыновья шлют вам также поклон. Старший сын у меня комедию четырехактную написал [7], читал мне и на днях отдает ее в цензуру, потом в Комитет. Я к его литературной деятельности относился всегда и отношусь «отрицательно» и не считаю его способным ⟨ни на⟩ какой серьезный литературный труд уже по тому одному, что он крайне необразован. Но у него есть прирожденный юмор, положим, неглубокий, но неожиданный, непосредственный, не деланный, не надуманный (как, например, иногда у Леонтьева), и комедия его вышла не совсем уж плоха. Главное, что мотив совсем новый, которого на сцене не было, и две очень благодарные мужские роли (любовь у него на третьем плане). Есть забавные сцены, есть выражения, которые должны вызвать смех. На сцене она может иметь успех. Конечно, о литературных достоинствах тут не может быть речи; но написана пьеса бойко, живо, хотя крайне небрежно и торопливо. По-моему, она никак не хуже многих пьес, имевших успех в Александринском театре, и между прочим крыловских [8]. Гаршинский сборник еще не двигается, потому что все в разъезде. Два художника доставили недурные картинки: Ярошенко и Дубовской [9], есть несколько стихотворений, есть воспоминания о Гаршине, есть статьи Михайловского и Успенского; а пока еще ничего другого. На вас очень рассчитывают, что вы хоть поллистика дадите. Пожалуйста, голубчик. Раньше, как к ноябрю, пожалуй, не поспеем. О баранцевичевском сборнике ничего не слышно; а потому нам нечего особенно торопиться. Только бы сделать получше.

Какой-такой план у вас, касающийся меня? [10] Очень это меня интересует.

Пожалуйста, передайте мой искренний привет всем Линтваревым. Жоржу скажите, что я его очень одобряю за намерение ехать в консерваторию. Еще передайте им, что им просит очень кланяться *Фаусек* [11], только что возвратившийся с Севера, из Соловков, куда ездил с ученой целью, по поручению Географического общества. Он ждет на днях рождения наследника или наследницы. Вчера обедал у меня в Ораниенбауме и тоже рассказывал мне массу интереснейших вещей. Это большой ваш поклонник. Вы его, кажется, у меня видели. Человек с большим эстетическим чутьем и славный парень.

Прощайте пока, голубчик. Будьте здоровы. Желаю вам хорошего настроения «писательского». Жду ответа на это и на предыдущее письмо.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Упоминаемые письма Плещеева к Чехову и Суворину неизвестны.

[2] Речь идет не о сыне, а о племяннике А. Н. Островского, сыне его брата М. Н. Островского.

[3] Имеются в виду Николай Владимирович и Андрей Владимирович Кашперовы. Последний, больной тифом, выбросился из окна в конце 1887 или начале 1888 г. (Сообщено внуком композитора В. Н. Кашперова — Алексеем Владимировичем Кашперовым.)

[4] Плещеев имеет в виду поездку, которую совершил Чехов в июле—августе 1888 г. по Крыму и Кавказу (XIV, 149).

[5] Чехову очень не хотелось уезжать из теплой Украины в Москву— с ее «холодом, плохими пьесами, буфетами и русскими мыслями» (XIV, 149—150). Подхватывая намек, Плещеев ставит знак равенства между журналами «Русская мысль» и «Русский вестник».

[6] Всемирная выставка открылась в Париже 6 мая 1889 г. (см. А. Л. Эфрон. Торжествующая Франция. СПб., 1890).

[7] Пьеса «Федот, да не тот», написанная А. А. Плещеевым (М., изд. С. Ф. Рассохина, 1888). Была поставлена на частной сцене в Петербурге.

[8] Плещеев неоднократно выступал против безыдейного репертуара Александринского театра, на сцене которого шли никчемные пьесы Невежина, Крылова и подобных им авторов (см. письма к Чехову.— «Слово», стр. 259 и 277).

[9] Николай Алексеевич *Ярошенко* (1846—1898) — художник-передвижник. Был связан с Гаршиным, Успенским, Плещеевым, автор портретов современных ему писателей. Ярошенко принимал совместно с Плещеевым активное участие в подготовке к изданию и распродаже сборника «Памяти Гаршина». В сборнике был помещен рисунок Ярошенко по его известной картине «Кочегар».

Николай Никанорович *Дубовской* (1859—1918) — художник-пейзажист. В сборнике был помещен его рисунок к рассказу Гаршина «Четыре дня».

[10] В письме к Плещееву от 13 августа 1888 г. Чехов сообщал, что предполагает пригласить Плещеева летом следующего года на Украину, где он хотел купить хутор (XIV, 150).

[11] Виктор Андреевич *Фаусек* (1861—1910) — профессор зоологии, друг Надсона и Гаршина. Летом 1888 и 1889 гг. на средства Петербургского общества естествоиспытателей и Географического общества совершил две поездки на север.

12

8 сентября <1888 г.> Ораниенбаум

Завтра переселяюсь в Петербург, голубчик Антон Павлович. Приходилось часто туда ездить, да и холодно по вечерам на даче. Ваше последнее письмо рисует такие заманчивые, приятные перспективы [1], что даже не верится, чтоб все это могло осуществиться. Конечно, я всей душой желал бы видеть вас на будущее лето хуторянином... но, смотрите, не запутайтесь с этими банками, не наживите себе забот, которые лишат вас покоя и будут мешать вашей литературной деятельности. Основание литературной колонии — мечта, делающая честь вашему альтруистическому чувству, но для осуществления которой нужно также побороть много препятствий...

Куда занесет меня судьба будущим летом — не знаю. В Крым я и сам не очень стремлюсь, хотя бы и не прочь взглянуть его. Хутор улыбается мне гораздо больше, и я заранее благодарю вас за приглашение, но для меня двинуться куда бы то ни было всегда дело очень трудное. Нынешнее лето, за исключением тех трех недель, которые я прожил у вас,— я провел самым скучным и глупым образом, как проводят все петербургские дачники. Да и хворал беспрестанно то тем, то другим. Старость дает себя знать.

Другая новость, которую вы мне сообщаете (секретно) о намерении Линтваревых соединить брачными узами Ивана Павловича с Ватой — является для меня не меньшею неожиданностью, чем первая. Но почему бы этому и не быть. Оба они, и Иван Павлович и Вата, такие симпатичные, и если только они друг другу нравятся, то нет резона думать, чтоб они могли быть несчастливы в супружестве. А Ватина мамаша, кажется, баба безвредная. Она мешать не может. Я не понимаю, почему Сергею Смагину необходимо резать скот — ради ценза? Какой и на что ему ценз?

А комедию сына Литературно-театральный комитет не пропустил [2] (хотя и не единогласно, так что он может перенести в общее собрание), протокол написали мягкий и позолотили пилюлю — некоторыми похвалами.

Все это Григорович [3] сделал из боязни, вероятно, не угодить Буренину, которого сын мой раз пытался бить.

Григорович возвратился из-за границы очень недавно; сильно постарел и осунулся. Не вылечился ни от болезни, ни от двоедушия. Привез повесть, которую мне хотелось бы получить в «Северный вестник», но Берг уже объявил, что она будет в «Русском вестнике»[4], а Григорович уверяет, что он не обещал ему положительно; и будет читать мне повесть. Я заранее уверен, что это очень плохо, как и все, что он пишет в последнее время, но у него есть имя. Только боюсь, что цену заломит большую. Боборыкин прислал нам повесть [5]. Я прочел ее, очень недурная вещь, хотя конец мне не нравится. Обещал мне роман Шеллер (Михайлов). Его романы всегда занимательны и находят себе много читателей, хотя иногда слишком тенденциозны [6]. Но где же взять беллетристов? А нам необходимо запастись на зиму чем-нибудь большим. Вашего рассказа[7] ждем нетерпеливо. Был здесь Короленко. Он все возится с «Русской мыслью», хотя обещал и нам к ноябрю. Казалось бы, прежде всего, следовало дать в журнал, где он член редакции. Очевидно, тут влияет Михайловский; я слышал недавно, что люди из его кружка говорят о «Северном вестнике»: «Вот мы перетянем у них Короленко». Если Михайловскому удастся свой журнал основать,— как он о том сильно хлопочет,— то почти наверное можно сказать, что Короленко туда совсем уйдет. Он сильно преклоняется перед авторитетом Михайловского; и даже теперь, прямо с железной дороги, по словам Анны Михайловны, явился к нему [8]. Ах! Если б вы знали, как мне надоели эти всякие кружковые дрязги. Ни в чью-то искренность нельзя верить.

Видели ли вы Островского? При свидании спросите его, получил ли он мое письмо?

Нынче только собрался ответить обер-композитору, как вы называете Жоржика.

Мой сердечный привет всем вашим. Присылайте рассказ поскорей. Один рассказ у нас выкинула цензура[9]. Вы скрасите всю книжку, а то в ней беллетристика совсем не ахтительная. А какова ругня идет у Протопопова с Скабичевским?[10]

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Письмо Чехова от 27 августа 1888 г. (XIV, 153—154).

[2] См. прим. 7 к письму 11.

[3] Д. В. Григорович был председателем Театрально-литературного комитета.

[4] Повесть Григоровича «Не по хорошу мил, а по милу хорош», напечатанная в «Русском вестнике», 1889, № 1.

[5] Повесть П. Д. Боборыкина «Изменник», напечатанная в «Северном вестнике», 1889, № 2—6.

[6] Александр Константинович *Шеллер* (1838—1900, псевдоним Михайлов) — беллетрист и автор публицистических статей. Перу Шеллера принадлежит также ряд исторических работ («Пролетариат во Франции» и др.). С 1882 по 1900 г. Шеллер редактировал петербургский еженедельный журнал «Живописное обозрение». Плещеев относился положительно к редакторской деятельности Шеллера (см. письма Плещеева к Шеллеру конца 1880-х годов.— ЦГАЛИ, ф. 558, оп. 1, ед. хр. 30).

[7] Рассказ Чехова «Именины».

[8] Короленко был соредактором Плещеева по беллетристическому отделу «Северного вестника». Поэт относился с большим уважением к Короленко прежде всего за то, что это был «твердый, закалившийся в испытаниях человек с стойкими убеждениями» («Слово», стр. 239—240). Плещеев дорожил сотрудничеством Короленко в «Северном вестнике» и стремился привлечь его к более активному участию в редакционной жизни журнала: «Как бы хорошо и полезно было, дорогой Владимир Галактионович, если бы вы приехали сюда теперь хоть ненадолго.

Интересы журнала, если часть сотрудников собирается уйти из него, требуют непременно предварительного общего совещания и обсуждения всех сил, остающихся в нем. Урвитесь на несколько денькова!» (письмо Плещеева от 24 марта 1888 г.— ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

Содержание этого, как и других неопубликованных писем Плещеева, опровергает утверждения автора статьи «В. Г. Короленко в редакции „Северного вестника" и „Русской мысли"», Б. Д. Летова, о том, что «условия для работы Короленко в „Северном вестнике" складывались явно неблагоприятно» чуть ли не из-за изменившихся взглядов Плещеева (см. «Вестник Ленинградского университета», 1956, № 14, стр. 111—112). В действительности, главной причиной ухода Короленко из журнала была его близость к Михайловскому.

После прекращения сотрудничества последнего в «Северном вестнике» Короленко продолжал принимать участие в журнале до середины 1889 г.

Намерение Михайловского основать «свой» журнал осуществилось позднее, когда он стал во главе издававшегося в Петербурге ежемесячного литературного и научного журнала «Русское богатство», которое он превратил в орган либерального народничества. Журнал повел с этой поры борьбу с марксизмом. В беллетристическом отделе «Русского богатства» принимали участие Успенский, Мамин-Сибиряк, Горький. Короленко был деятельным сотрудником «Русского богатства», а после смерти Михайловского в 1904 г. стал редактором-издателем журнала (с перерывами до 1918 г.).

[9] О каком рассказе идет речь — неизвестно.

[10] «Ругней» Протопопова и Скабичевского Плещеев называет полемику, которая развернулась между ними в связи с выступлением Скабичевского за пересмотр «всех прежних эстетических теорий искусства», против деления его на «тенденциозное и чистое». Напечатав в апреле 1888 г. в газете «Новости» статью, посвященную разбору «Критических этюдов по русской литературе» К. К. Арсеньева, Скабичевский разделил в ней критику на три рода: историческую, представителем которой назвал Белинского, публицистическую, олицетворяемую Добролюбовым и Писаревым, эстетическую — Дружинин, Анненков, Боткин («Новости», 1888, № 111, от 21 апреля). В последовавших затем статьях Скабичевского содержались разноречивые оценки Пушкина, Гоголя, Белинского, Чернышевского, Чехова, которого он ставил рядом с Гнедичем, не видя меж ними «ни малейшей разницы», так как «по талантливости один другому ни на йоту не уступит» (там же, 1888, № 203, от 28 июля; № 210 и 230, от 4 и 25 августа).

Особенно ожесточенно спор разгорелся в связи с защитой Скабичевским Ясинского (М. Белинского) как «одного из талантливейших представителей молодой беллетристики ⟨...⟩ занимающего далеко не последнее место в нашей современной литературе» (там же, 1888, № 206, от 28 июля).

Протопопов выступил против Скабичевского на страницах «Северного вестника». Не называя фамилии критика, он обрушился на него за отсутствие критических способностей, бесцветность его статей, за то, что Скабичевский берет на себя смелость толковать о «предметах, совершенно выходящих из круга его разумения; он учит людей правилам нравственности добродетельных мещан; он с гордым видом самостоятельного мыслителя выкладывает вороха общих мест» («Северный вестник», 1888, № 9, стр. 71). Здесь же Протопопов полемизировал со Скабичевским в отношении оценки Ясинского, показывая полнейшую ничтожность его как беллетриста, называя его «пустоцветом».

Плещеев разделял суждения Протопопова, но не мог, очевидно, одобрить ту форму, в которую критик облекал их. Комментируемое письмо к Чехову было написано поэтом 8 сентября, в день появления очередной статьи Скабичевского («Литературная хроника». «Новости», № 244) и выхода сентябрьской книжки «Северного вестника» со статьей Протопопова, содержащей резкие выпады по адресу Скабичевского.

После 1888 г. полемика между Протопоповым и Скабичевским приняла еще более ожесточенный характер и продолжалась до начала 1890-х годов.

13

Сентября 13 ⟨1888 г.⟩ Петербург

Дорогой Антон Павлович.

В октябре мы думаем приступить к печатанию гаршинского сборника, но у нас еще в литературном отделе почти ничего нет, «кроме обещаний», да нескольких стихотворений. Художники — те гораздо исправнее, многое уже доставлено, и на днях ожидается еще получение нескольких вещей. Первый отдел тоже готов. Собрано много статей, писем, воспоминаний. Все дело за беллетристами. Мне поручено слезно умолять вас, чтоб вы дали что-нибудь, хоть очень коротенькое, хоть на 1/2 листика, если не можете более.

Короленко обещал непременно дать, и я ему сегодня тоже напоминаю. Пожалуйста, не откажите. Сделайте это для меня, голубчик. А другой сборник, должно быть, совсем не выйдет. Ничего пока не слыхать, кроме того, что все они перессорились будто бы. Мудреного в этом ничего нет. Это у нас часто бывает. Ради бога, известите, можно ли будет на вас рассчитывать, что вы в течение октября что-нибудь дадите?

А «Северный вестник» все ждет и надеется, хотя сегодня уже 13 число. А место для вас оставлено. Если вы не пришлете, у нас беллетристика будет опять швах. Самой интересной вещью будут двадцать писем Тургенева об искусстве [1].

Послезавтра приглашен я на слушание повести к Григоровичу [2], а завтра на именинный пирог к Горбунову. Что окажется лучше — повесть или пирог — сообщу вам.

Сын пересылает свою пьесу в общее собрание, так как протокол написал комитет в очень лестных выражениях, и сказано там, что при известных сокращениях пьеса могла бы идти. Вот уж, если общее собрание забракует, тогда баста. Тогда на апелляцию к Коршу. Вчера я смотрел «Невольниц» Островского, которые на днях шли здесь в первый раз. Играли отлично, особливо Савина и Давыдов [3]. Но какая это слабая пьеса! Представь ее кто-нибудь без имени Островского —и комитет бы ее непременно забраковал. А ведь это вы написали в «Новом времени» шутку «Медведь» [4]? Мне кажется, на сцене она была бы очень забавна. Я по некоторым штришкам узнал вашу руку.

Леонтьев свою новую пьесу отправил к Коршу. Его «В горах Кавказа» прошла летом 20 раз [5]. Но в Красном Селе александринские актеры, по его словам, провалили ее. Пьеса подверглась большим урезкам, так как шла в присутствии государя и императрицы. Кроме комедии, Леонтьев написал повесть в пять листов. Молодец!

Но, что достойно большего удивления, это деятельность Салтыкова. Человек полуразрушенный, на которого глядеть тяжело, и он в течение лета заготовил для «Вестника Европы» материалу на шесть номеров, т. е. до февраля будущего года включительно. Так что ему остается еще написать на две книжки журнала, и он кончит свою «Пошехонскую старину», которая составит книгу листов в 50! Этот больной старик перещеголял молодых и здоровых писателей.

Я перебрался с дачи только в пятницу, 9-го, и в доме у меня все еще кавардак. В обычную городскую колею я еще не втянулся и никуда не хочется идти. Да и денежные дела ужасно плохи. Вообще, тяжело живется, и предстоящая зима не сулит ничего путного. Прощайте пока. Жму руку вашу. Поклон всем вашим. Приезжайте скорее к нам.

Искренно преданный вам А. Плещеев

[1] Статья В. В. Стасова «20 писем Тургенева и мое знакомство с ним», напечатанная в «Северном вестнике», 1888, № 10, стр. 145—194.

[2] Имеется в виду повесть Григоровича «Не по хорошу мил, а по милу хорош». Свои впечатления о прослушанной повести Григоровича Плещеев изложил в письме к Чехову от 19 сентября 1888 г. («Слово», стр. 254).

[3] Пьеса Островского «Невольницы» была впервые поставлена на сцене Александринского театра 28 апреля 1883 г. В сентябре 1888 г. она была возобновлена, и первое представление состоялось 9 сентября. В этом спектакле Савина играла Евлалию, Давыдов — роль старого лакея Мирона Ипатыча.

[4] «Медведь» был напечатан в «Новом времени», 1888, № 4491, от 30 августа.

[5] Пьеса И. Л. Щеглова (Леонтьева) «Дачный муж», переделанная из юмористических очерков его «Дачный муж,его похождения, наблюдения и разочарования». См. о ней, а также о комедии «В горах Кавказа» ниже, в публикации «Из дневников И. Л. Щеглова (Леонтьева)».

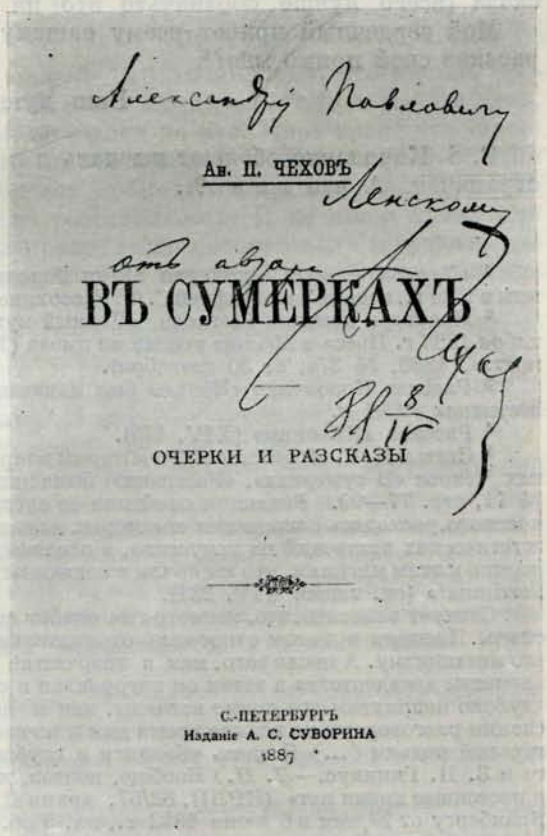
14

⟨Петербург.⟩ 2 октября ⟨1888 г.⟩

Милый Антон Павлович.

Спешу прежде всего известить вас по поводу «Медных лбов». Дирекция мне сама заказала перевод этой пьесы — не Скриба, а Эмиля Ожье — и заплатила за него 500 рублей; но вместе с тем заставила подписать условие, что я не могу ее давать ни на какой частной и даже провинциальной сцене, так как она составляет полную собственность дирекции, и только могу ее напечатать. Пьеса эта очень умная, но играть ее русским актерам очень трудно, ибо они незнакомы с этими типами, на которых лежит слишком сильный отпечаток французской культурно-политической жизни. И актеры Александринского театра ее блистательно провалили, так провалили, что она даже не была повторена. Даже Давыдов, и тот сплоховал и играл совсем не то, что нужно. Не говорю уже о том, что цензура у меня выкинула целые сцены целиком и все политические монологи обкарнала.

Это очень язвительная сатира на все политические партии и на продажную прессу. Мне говорил здесь Южин, что ее собираются ставить в Москве на Малом театре. В печати мне с ней тоже не повезло. У меня взял ее Петр Исаевич Вейнберг и половину ее уже набрали, но журнал его «Изящная литература» внезапно прекратился. Порекомендуйте, голубчик, Светлову мою переводную пьесу «Дурной человек» с немецкого [1]. Это очень веселая и остроумная по идее пьеска, нигде не игранная.



ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА СБОРНИКЕ «В СУМЕРКАХ» (СПб., 1887):

«Александру Павловичу Ленскому от автора. А. Чехов. 88 8/IV»

Собрание Н. П. Смирнова-Сокольского, Москва

Имел ли успех «Дачный муж» и сколько раз с Жаном была истерика?[2] Сейчас получил письмо от Короленко, он высылает повесть к 15 октября, но я думаю, что мы ее отложим до января[3]. Жирно будет пускать и вас и его в одной книжке. А там, пожалуй, на мели сядем. Ваш рассказ ждем нетерпеливо[4].

Вчера вечером пришел ко мне Мережковский и прочел небольшой этюд, который он написал о вас. Ей-богу, это лучше всего, что говорили о вас рецензенты. Мне кажется, что и вы будете довольны этой статейкой. Это свежо, молодо и крайне симпатично. Разумеется, он от вас в восторге и разбирает большую часть ваших рассказов, иллюстрируя свой рассказ выписками. Статья озаглавлена «Старый вопрос по поводу нового таланта»[5]. Вопрос в том — приносят ли пользу писатели «бестенденциозные». Ответ, разумеется, утвердительный. Но Протопопов вломиться в амбицию не может, потому что тут не отрицается и польза тенденции.

Мне хочется, чтоб этот этюдец пошел у нас. Был здесь Гольцев, и с ним я имел разговор о вас[6].

Бежецкого мне не удалось привлечь, потому что его Протопопов в нынешней книжке облаял ни за что, ни про что, что мне крайне досадно. Случилось это без моего ведома. Он пришел в редакцию и забрал там книги для рецензий — и в том числе масловские рассказы. Если б Маслов прислал книжку мне, она бы к Протопопову не попала. Я бы нашел, кому отдать ее. Я прочел рецензию, когда она была напечатана. Я уже говорил об этом с Масловым. Впоследствии я все-таки постараюсь его залучить в «Северный вестник»[7].

Крепко жму вашу руку. Напишите, нужны ли вам оттиски вашего рассказа (всего лучше обозначьте это на рукописи: столько-то оттисков).

Мой сердечный привет всему вашему семейству. Не пришлете ли вы рассказ свой прямо мне?[8]

Ваш душевно А. Плещеев

P. S. Короленко обещает выслать и в гаршинский сборник несколько страничек. А что же вы?..

[1] *«Дурной человек»* — комедия Юлия Розена, переведенная с немецкого Плещеевым в 1884 г., издана литографией С. Ф. Рассохина. Н. В. *Светлов* — артист театра Корша.

[2] Премьера комедии Щеглова «Дачный муж» состоялась в театре Корша 30 сентября 1888 г. Пьеса в Москве успеха не имела (XIV, 176; см. также «Московские ведомости», 1888, № 274, от 30 сентября).

[3] Рассказ Короленко «Ночью» был напечатан в декабрьской книжке «Северного вестника» 1888 г.

[4] Рассказ «Именины» (XIV, 175).

[5] Статья Д. С. Мережковского «Старый вопрос по поводу нового таланта» (о книжках Чехова «В сумерках», «Рассказы») была напечатана в «Северном вестнике», 1888, № 11, стр. 77—99. Редакция снабдила ее следующим примечанием: «Статья Мережковского, расходясь с мнениями некоторых из наших сотрудников лишь в подробностях эстетических воззрений на искусство, в основных своих принципах настолько приближается к этим мнениям, что мы сочли возможным дать ей место на страницах „Северного вестника“» (см. также XIV, 231).

Следует заметить, что, несмотря на одобрительный отзыв об этой статье Мережковского, Плещеев в целом относился отрицательно к его «шумным» исканиям бога, к его мистицизму. А после того, как в творчестве Мережковского вполне обозначились элементы декадентства, а затем он погрузился в «бездны» символизма, Плещееву стали глубоко неприятны его новые взгляды, как и неприятен был сам критик: «Он мне своими разговорами во всякое время дня и ночи о высоком и прекрасном надоел пуще горькой редьки ⟨...⟩ Я здесь убедился в глубоком эгоизме этой четы ⟨Мережковского и З. Н. Гиппиус.—*Л. П.*⟩ Вообще, поэтов, кроме самого Мережковского, для них в настоящее время нет» (ИРЛИ, 62/67, архив П. И. Вейнберга, письма Плещеева к Вейнбергу от 23 мая и 5 июня 1892 г., лл. 5 об., 6, 27 об.).

В письмах Плещеев неоднократно пишет о «превыспренных исканиях», издеваясь над ними и над поведением Мережковского, у которого боевой тон открывателя истин

сочетался с большой трусливостью характера: «Мережковский ужасно боится холеры, надел набрюшник,принимает касторку ⟨...⟩ и пишет статью о падении русской литературы» (там же, письмо от 25 августа, без года, датируем 1892 г., л. 40).

Когда же Мережковский через некоторое время прислал Плещееву свою книгу «О причинах упадка в современной русской литературе», последний охарактеризовал ее в письме к П. И. Вейнбергу очень резко: «Если и найдутся в ней несколько замечаний справедливых,то все они тонут в массе мистических,туманных разглагольствований,пустозвонных,ничего не выражающих фраз.Не столько в ней действительно *ума*,— сколько *умничанья*. И слишком уж щедро расточает вопли, эпитеты: мертвецов, трупов. Невольно хочется спросить его самого: да ты-то, любезный, сам, живой ли человек? В его философствованиях такая безжизненность и метафизическая туманность, такой от них веет скукой—как будто это все писали совокупно Страхов и Флексер!» (письмо из Ниццы, 1893, 18 февраля, там же, лл. 10, 12 об.).

[6] Очевидно, Плещеев говорил с Гольцевым о сотрудничестве в «Русской мысли» Чехова. Сам Чехов относился в это время к «Русской мысли» и редактору ее Гольцеву — отрицательно (см. XIV, 154 и 179—180) и начал сотрудничать в журнале только в начале девяностых годов.

[7] Об А. Н. *Маслове* (псевдоним Бежецкий) —см. выше в комментариях к письму Чехова от середины октября 1888 г. Чехов писал Плещееву о нем 30 сентября 1888 г.: «Право будет очень и очень недурно, если Бежецкий-Маслов попадет в лоно „Северного вестника". Он хороший человек и, несомненно, талантлив. Его сотрудничество было бы полезно для обеих сторон: и для „Северного вестника" и для него самого. „Северный вестник" приобрел бы талантивого беллетриста, а Бежецкий вышел бы из-под ферулы Буренина» (XIV, 172—173).

Однако привлечь Бежецкого в «Северный вестник» Плещеев не смог из-за отрицательной рецензии М. А. Протопопова на книжку его рассказов и очерков «На пути» (М., 1888), напечатанной в октябрьской книжке журнала.

[8] Чехов отослал рассказ «Именины» на адрес редакции «Северного вестника» еще до получения настоящего письма (XIV, 176).

15

⟨Петербург.⟩ 5 октября ⟨1888 г.⟩

Это, право, ужасно досадно, милый Антон Павлович, что письма пропадают на почте. Я вам написал ответ о «Медных лбах» в тот же день, как получил ваше письмо [1], и он не дошел до вас. Черт знает что такое!

Вчера о том же самом предмете писал мне сам Корш; и ему я ответил немедленно [2]. Пожалуй, и этот ответ пропадет. «Медные лбы» куплены у меня дирекцией и составляют ее собственность. Я не имею права ими распоряжаться. Да если б и имел право, то не посоветовал бы ставить им, вполне убежденный, что ее провалили бы коршевские артисты так же, как провалили казенные.

Слишком чужды им эти типы. Пьеса Ожье — сатира на политические партии и на продажную журналистику.

Радуюсь, что ваш рассказ, наконец, в «портфеле редакции». Написали ли вы Анне Михайловне о гонораре? И неужели вы подозреваете, что цензор обкарнает рассказ?[3] Ведь это просто из рук вон!

Напишите *положительно*, будет ли от вас что-нибудь в гаршинский сборник. Мы приступаем к его печатанию с тем, чтобы выпустить к Рождеству, т. е. за несколько дней до Рождества. Я вам отвечал, что сборник будет бесцензурный и что ничего не будет изменено в вашем рассказе. Беллетристики до сих пор у нас еще, кроме стихов, да рассказов Короленко и Шеллера, не имеется в виду никакой. Завтра будут приставать еще к Салтыкову. Зато — отдел биографический и художественный будут очень интересны.

Суворина по приезде его не видал. Маслова, как я уже вам написал, у нас облаял г. Протопопов без всякой причины.

Когда вы сюда приедете? Короленко пишет, что приедет в конце октября. Приехали бы и вы [4].

Очень буду рад увидать Жоржиньку. Если Павел Линтварев еще в Москве, пожмите ему от меня руку, вашему семейству мой душевный привет.

Черкните же мне несколько слов, можем ли рассчитывать хоть на 1/2 листа ваших для сборника? Да сообщите, какое из моих писем вы получили и какое пропало.

В настоящее время я переживаю очень тяжелую полосу в отношении «материальном». Обстоятельства так меня жмут, что и сказать не могу, настроение вследствие этого, как вы можете судить, далеко не жизнерадостное. Издохнуть бы рад, кажется. Обнимаю вас сердечно. Поклон мой Жану. Если верить газетам, то содержание его новой пьесы довольно-таки пошлое [5]. Этот любовник, поступающий в лакеи к мужу,— что-то совершенно французское.

Будьте здоровы и веселы.

А. Плещеев

[1] См. письмо 14.

[2] Упоминаемые письма Ф. А. Корша к Плещееву и Плещеева к Коршу неизвестны.

[3] Чехов выражал опасение, что цензура вычеркнет то место, где он описывает «председательство Петра Дмитрича» (XIV, 181). Это опасение не подтвердилось, рассказ был пропущен цензурой без изменений (см. ниже письмо 17).

[4] Это письмо Короленко к Плещееву неизвестно. В Петербург Короленко приехал только в декабре 1888 г. Чехов приехал в Петербург 3 декабря 1888 г. (XIV, 243).

[5] См. прим. 2 к письму 14.

16

⟨Петербург.⟩ 15 октября ⟨1888 г.⟩

Дорогой Антон Павлович.

Большая часть вашей повести уже напечатана и потому при всем желании не могу исполнить вашего требования или, правильнее сказать, нахожу исполнение его теперь бесполезным [1]. Относительно гонорара, голубчик, Анна Михайловна убедительнейше просит вас повременить несколько деньков. Со дня на день ожидается получение денег от издательницы [2]. И в редакции в настоящий момент нет ничего. Короленко тоже просит ему выслать; но редакция поставлена в необходимость и ему ответить то же самое. Разумеется, Анне Михайловне крайне тяжела такая зависимость, ставящая ее в необходимость отказывать сотрудникам, которыми она наиболее дорожит. Как только деньги получит, я постараюсь, чтоб в тот же день было вам выслано. Уж не сердитесь. Тут редакция не виновата.

Я не собрался еще ответить вам на последнее письмо [3]. Пропасть разных дел накопилась. Поздравляю вас от всей души с премией [4].

Это очень важно — для вас — не с денежной стороны, а с нравственной. Я очень этому порадовался.

Щеглов вчера вечером был у меня. Жоржиньку нетерпеливо жду. Получил письмо от Сергея Смагина. Суворина еще не видал.

Моя дочь в Москве и, вероятно, будет у вас [5]. Привет мой всем вашим.

Вы пишете, что у вас кровохарканье — что это такое? Ведь вы человек совершенно здоровый и никогда ни на что не жаловались. Это просто, должно быть, геморроидальное. Я не хочу и предполагать чего-нибудь серьезного. Желаю вам всего наилучшего и главное, разумеется, здоровья.

Приезжайте скорей сюда. Здесь и настроение ваше, авось, просветлеет.

Правда ли, что Гольцев арестован?[6] За что? Это очень странно.

Ваш А. Плещеев

АВСТРИЙСКОЕ ИЗДАНИЕ РАССКАЗА «КАШТАНКА»
Обложка. Рисунок Лео Фридриха
Вена, 1955

[1] Чехов в письме от 10 октября просил Плещеева прислать корректуру рассказа «Именины», чтобы «кое-что» исправить и вычеркнуть (XIV, 190).

[2] Издательницей «Северного вестника» была А. В. Сабашникова.

[3] Письмо Чехова от 9 октября 1888 г. (XIV, 183—186). В этом письме Чехов возражал Плещееву на его замечания о рассказе «Именины» («Слово», стр. 256—258).

[4] 7 октября 1888 г. Чехову за сборник «В сумерках» была присуждена пушкинская премия в размере 500 руб.

[5] Елена Алексеевна Плещеева посетила Чеховых, очевидно, после 20 октября (XIV, 205).

[6] В. А. Гольцев был арестован 10 октября 1888 г. во время массовых арестов в Москве. Причиной послужило, по-видимому, то, что к Гольцеву обратился в поисках работы какой-то нелегальный, скрывшийся из сибирской ссылки. В заключении Гольцев пробыл три недели и был освобожден без дальнейших последствий (сб. «Памяти Виктора Александровича Гольцева». М., 1910, стр. 52—53).

17

⟨Петербург.⟩ 22 октября ⟨1888 г.⟩

Милый Антон Павлович.

Сегодня мы вашего «Калхаса» читали и пропустили [1]. У меня дома даже переписали второй экземпляр, так как в комитет нужно было представить два.

Корректуры вашей повести отдал Суворину[2]. Между прочим, он в разговоре сказал, что присуждение вам пушкинской премии возбуждает большую зависть. Еще бы! И в Москве, я думаю, тоже. Вся тля, пишущая рассказишки не только в газетах, но и в толстых журналах, должна прийти в ярость... Ах! сколько мерзавцев в литературе... каждый день приходится разуверяться в людях, которых, положим, и не считал безупречными (хотя они таковыми и слыли в своих кружках), но все же и подлецами не считал.

Моя дочь хотела вас повидать в Москве. Заходила она к вам или нет? Жоржинька был у меня раза два-три, но вдруг исчез — и третий день не кажется.

Я успел его кое с кем познакомить из музыкального мира. Предложил ехать с ним к Рубинштейну, но он не хочет. Чего-то страшится.

Вы, небось, очень сердитесь на «Северный вестник»?

Я скажу вам по секрету, что в настоящий момент он переживает кризис весьма и весьма тяжелый. Надо во что бы то ни стало спасать журнал, потому что эта скаредная издательница готова закрыть его (при четырех тысячах подписчиков!) лишь бы не давать больше денег. Анна Михайловна энергически бьется, изыскивает всевозможные меры, и есть надежда, что дело не погибнет. Только бы подписка не уменьшилась. Поведем тогда журнал сами на свой риск и страх. При расчетливом, скромном ведении дела можно будет существовать и с четырьмя тысячами подписчиков. Пожалуйста, вы *никому* об этом не говорите, Антон Павлович. А то журналу и без того ножку все подставляют. Деньги к 1 ноября рассчитываем получить от издательницы, согласно ее обещанию, и тогда, первым делом, вышлем вам.

Один из постоянных сотрудников «Северного вестника» по областному отделу — некто Яковенко тоже за что-то арестован [3].

Боюсь, чтоб это также не бросило тень на журнал в глазах цензуры.

Прощайте пока, крепко жму вашу руку.

Цензура из вашей повести ничего ровно не выбросила.

Низкий поклон вашим.

Ваш душевно
А. Плещеев

[1] Чехов просил Плещеева содействовать в прохождении одноактной пьесы «Калхас, или Лебединая песня» через Театрально-литературный комитет (XIV, 195). Театрально-литературный комитет при дирекции императорских театров рассматривал драматические произведения, дозволенные цензурой, с точки зрения их литературных и сценических достоинств и давал разрешение для постановки их на сцене казенных театров. Плещеев был введен в этот комитет в начале 1880-х годов, и заведовал в нем вторым отделением (см. Александр Плещеев. Что вспомнилось. Актеры и писатели, т. III, СПб., 1914, стр. 138).

[2] Корректура рассказа «Именины», с которой Суворин хотел, очевидно, познакомиться до выхода в свет ноябрьской книжки «Северного вестника».

[3] В. И. *Яковенко* (1859—?) — публицист и статистик; участвовал в «Отечественных записках», «Русских ведомостях», постоянный сотрудник «Северного вестника». В октябре 1888 г. был арестован (см.письмо Плещеева к Н.С.Таганцеву. ГПБ. Архив Таганцева, без даты, датируем 1888 г. по содержанию, № 5, л. 5).

18

<Петербург. 2 ноября 1888 г.>

Милый Антон Павлович.

Вы нас губите. Что же рассказ-то для гаршинского сборника?[1] Неужели не будет? Ради всего святого поторопитесь. Большая часть материала напечатана. Все дело за беллетристикой. Да не подпишутся ли у вас кто из знакомых на несколько экземпляров?

Тогда пришлите списочек.

Ваш весь А. Плещеев

Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

[1] 3 ноября 1888 г. Чехов сообщал Плещееву, что рассказ для гаршинского сборника уже начат и просил дать ему «одну неделю сроку» (XIV, 214).

19

<Петербург. 4 или 5 ноября 1888 г.>

Милый друг Антон Павлович.

Очень вас благодарю от лица всех издателей сборника за обещание выслать рассказ через неделю. Это еще будет совсем не поздно. Вчера доставили свои рукописи Шеллер и Каронин [1]. Короленко пишет мне, что к 5-му обе его рукописи должны быть в редакции [2]. Может быть, они уже и получены. Сам он приедет также в ноябре, пробыв предварительно неделю в Москве. Нет сомнения, что он повидается с вами [3]. У него в Москве больна мать.

Очень мне грустно слышать, что обстоятельства ваши нехороши.

Не смею расспрашивать вас о семейных делах, но душевно желаю, чтоб та «неурядица», на которую вы намекаете [4], скорей прекратилась. Огорчило меня также, что в вашей повести тьма опечаток[5]. Этого я никак не ждал. Обыкновенно у нас корректуру держат тщательно. Вперед буду держать сам корректуру всех ваших вещей. От издательницы ждем денег с часу на час. Как только получатся, не медля ни минуты вышлем вам. Вчера от нее получены обещанные ею 300 рублей на гаршинский сборник. Полагаю, что и в редакции получатся не сегодня-завтра. Сегодня мне некогда было туда зайти. Если у нас в будущем году не прибавится хоть пятьсот подписчиков, то нам придется значительно сжаться и сократить расходы. (Гонорара это, однако ж, не должно касаться.) Издательница и муж ее недавно писали ко мне, и я отвечал [6], что мы сделаем все зависящее от нас, чтоб не дать делу погибнуть. Ведь, ей-богу, стыдно было бы закрывать журнал при четырех тысячах подписчиков!

Относительно баранцевичевского сборника я сильно сомневаюсь, чтоб он вышел.

Нигде нет о нем объявлений. Мы о своем довольно печатали в «Новом времени» и напечатали отдельные объявления в очень внушительных размерах. Кроме того, сами запаслись подписными книжками и раздали кому только можем.

У меня уж рублей сорок набралось, и у других, как, например, у Ярошенко и Герда [7], втрое больше. Надеемся, что подписка даст нам тысячи две.

Фототипии у нас будут бесподобные. Не прислать ли вам подписную книжку?

Меня избрали почетным членом Общества искусства и литературы. Я послал благодарственное письмо [8].

Дочь моя говорит, что она у вас посидела недолго (несмотря на то, что ваше семейство произвело на нее самое хорошее впечатление), потому что жена молодого Суворина, бывшая у вас в тот же вечер, показалась ей очень несимпатичной... и как-то свысока на нее поглядывала. А, может быть, ей это просто так почудилось.

Но, когда вы здесь будете,— непременно привозите с собой Марью Павловну.

Вы в своем рассказе, голубчик Антон Павлович, пожалуйста, касайтесь щекотливых вещей, но осторожнее, чтоб он не расходился с тоном всего сборника и чтоб не было какой прицепки в цензуре, которая, пожалуй, вырежет ваш рассказ. Мы и за Щедринскую сказку боимся[9] (цензура карательная, а не предварительная, так как сборник печатается без последней). До свидания. Крепко жму руку вашу.

Мой сердечный привет всем вашим.

Письмо датируется 4 или 5 ноября 1888 г. по содержанию.

[1] Произведения А. К. Шеллера-Михайлова «Будничные сцены» (наброски) и Н. Каронина «Счастливое открытие», включенные в сборник «Памяти Гаршина».

[2] Имеются в виду рассказы Короленко—«Ночью» (для «Северного вестника») и «На Волге» (для сборника «Памяти Гаршина»).

[3] Встреча Чехова и Короленко в Москве не состоялась.

[4] Речь идет о неприятностях, связанных с отсутствием паспорта у Николая Павловича Чехова (XIV, 215 и 223—224).

[5] Чехов сообщал Плещееву, что в «Именинах» опечаток «видимо-невидимо» (XIV, 215).

[6] Переписка Плещеева с Сабашниковыми неизвестна.

[7] Александр Яковлевич *Герд* (1841—1888) — педагог и общественный деятель, друг Гаршина. Принимал деятельное участие в подготовке сборника «Памяти Гаршина» и вместе с Плещеевым, Я. В. Абрамовым, М. Е. Малышевым, П. О. Морозовым и Н. А. Ярошенко принял на себя ведение дел по предпринятому изданию (см. предисловие к сб. «Памяти Гаршина». СПб., 1889).

[8] «Общество искусства и литературы» было учреждено в Москве в 1888 г. К. С. Станиславским, А. Ф. Федотовым и Ф.П. Комиссаржевским и ставило своей целью «способствовать развитию сценических, музыкальных, литературных и художественных талантов». Обществом устраивались театральные, музыкальные и литературные вечера, выставки картин. Им было основано музыкально-драматическое училище.

[9] Сказка М. Е. Салтыкова (Щедрина) «Ворон-челобитчик», напечатанная в сборнике «Памяти Гаршина».

20

Петербург. 16 ноября ⟨1888 г.⟩

Следовало бы давно уж ответить, дорогой Антон Павлович, но, поверьте мне, такая масса у меня была разных дел, забот, чтения рукописей, что просто не мог выбрать свободной минуты.

Вдобавок ко всему — я все чаще и чаще чувствую себя нехорошо, и не далее как вчера биение сердца не дало спать мне полночи и потом все сегодняшнее утро мешало мне приняться за что-нибудь.

Все я получил, что вы мне послали: и «Медведя», который в тот же день прошел в Комитете (в отделении Григоровича, *большинством* голосов)[1], и рассказ для гаршинского сборника. Мне рассказ этот понравился, напротив, понравилась его серьезность, сдержанность, понравился и самый мотив. Но все же мы очень боимся, чтоб цензура не вырезала его из сборника. Она не любит, чтоб касались «этого предмета». Насчет целомудрия строга. Нехорошо будет, если вас да Щедрина вырежут, и выйдет сборник куцый.

Деньги вы получите переводом, по телеграфу, не сегодня-завтра. Вчера нас известили, что они отправлены — также переводом. Удивляюсь, что вам премию не выдают до сих пор.

Короленко прислал «эскиз», который уже напечатан [2], но это такая ничтожная вещь по содержанию и далеко не художественная по форме, что, кажется, точно он дал ее только затем, чтоб отделаться. Опять из детской жизни (вот уж третья детская повесть[3], и все просмотренные Короленкой) и опять *роды*. Короленко вы не прочтете, а прочтете того же Чехова, только не в оригинале, а в плохой копии. Он начал подражать вам и скверно [4]. Я полагаю, что это обилие род и детей должно вызвать глумление над нашим журналом, «издающимся женщинами».

Мережковского статья наделала тревог и хлопот редакции [5]. Протопопов стал на дыбы, написал Анне Михайловне хамское письмо и не желает больше работать в «Северном вестнике». Вот и подите! Так мне все эти дрязги, ссоры надоели, что, признаюсь вам, и самое дело начинает претить мне, тяготить меня. Если б можно было уехать куда-нибудь позабыть хоть на несколько месяцев обо всей этой журналистике, отдохнуть нравственно и физически. Тоска меня одолевает гнетущая, невыносимая. Помимо всех этих журнальных дрязг, свои дела тоже мучат. Долгов масса. Младший сын тоже так запутался, что может из полка всякий час вылететь... Хоть бы издохнуть, так уже ⟨в⟩ пору.

Линтварев бывает у меня, но редко. Мы как-то с ним в концерт вместе ходили. Он начал брать уроки музыки и уверяет, что работает сильно.

Моему милому Иванову — Владимиру Николаевичу Давыдову

ИВАНОВЪ

от уважающего и преданного

ДРАМА ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ.

автора

Антона Чехова.

89 1/IV.

Изъ „Сѣвернаго Вѣстника" III, 1889 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова, Новый пер., д. № 7
1889.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА ДРАМЕ «ИВАНОВ»

(Оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 3):

«Моему милому Иванову — Владимиру Николаевичу Давыдову от уважающего и преданного автора. 89 1/IV»

В. Н. Давыдов—первый исполнитель роли Иванова

Театральный музей им. А. А. Бахрушина, Москва

У него, кажется, много знакомых здесь между разными студентами-медиками, лесными и проч., а также между курсистками; у меня же ему не может быть особенно весело.

Прощайте, Антон Павлович. Поклонитесь вашим. Хорошо было бы, если бы вы сюда приехали в этом месяце.

Ваш А. Плещеев

Есть люди, которым статья Мережковского нравится (например, художнику Ярошенко и другим), а есть и такие, которые негодуют, как смел этот юнец «вторгнуться в область Протопопова». Это, преимущественно, люди кружка[6]. Из Мережковского могло бы потом выработаться что-нибудь, но он, кажется, гораздо больше придает значения своим стихам, нежели прозе. Боюсь тоже, чтоб Анна Михайловна не захвалила его. Она уже, кажется, вообразила себе, что это что-то необычайное. Он уезжает на Кавказ жениться.

[1] «Медведь» был одобрен Театрально-литературным комитетом 12 ноября (ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 1, л. 23; см. также XIV, 221—222).

[2] Рассказ «Ночью», напечатанный в «Северном вестнике», 1888, № 12.

[3] В последних номерах «Северного вестника» 1888 г. напечатаны повести из детской жизни А.Анненской «Маленькая преступница» (в № 10) и М. Баранова «Маленькие оборванцы (из жизни заброшенных детей)» (в № 11).

[4] Роды описаны в рассказе Чехова «Именины».

[5] Статья Д. С. Мережковского о Чехове «Старый вопрос по поводу нового таланта», напечатанная в «Северном вестнике», 1888, № 11, стр. 77—99. Появление статьи вызвало возмущение постоянного сотрудника «Северного вестника», заведующего библиографическим отделом,— М. А. Протопопова, который после этого прекратил сотрудничество в журнале.

[6] Плещеев подразумевает сотрудников «Северного вестника», тяготевших к Н. К. Михайловскому.

21

⟨Петербург.⟩ 31 декабря ⟨1888 г.⟩

С Новым годом и вас, дорогой Антон Павлович. Дай бог вам и вашему семейству всего наилучшего. Пожалуйста, поздравьте их всех от меня. Многого вы мне нажелали[1]; хоть бы половина сбылась, и то бы хорошо. Только сомнительно. Не очень-то наши желания исполняются. Дочь мне писала, что была у вас, обедала и что все вы были с ней очень любезны. Не знаю положительно, почему вы думаете, что она осталась чем-то недовольна. Ничуть не бывало. Но она захворала и не могла вернуться сюда к Новому году. Приедет, полагаю, 2-го или 3-го.

Приехала сюда обер-офицерская вдова[2] и говорила Жоржиньке, что вы переселяетесь сюда, с семейством, так как вам Суворин предлагает место при «Новом времени» с жалованием пятьсот рублей в месяц или шесть тысяч в год[3]. Конечно, это условия блистательные, но не желал бы я (да и очень многие, уважающие вас и ваш талант) этого для вас. Иное дело помещать в «Новом времени» беллетристические рассказы и повести, иное дело записаться в армию нововременцев, состоящую в большинстве из нахалов и дряни. В «Новом времени» один только человек—Суворин, с которым можно быть близким[4]. Может быть еще Маслов. Да и не это еще одно, а за пятьсот рублей в месяц должны же вы будете писать передовые статьи, заметки и пр. и пр. Вы незаметно втянетесь в газетную работу, истощающую человека, высасывающую из него силы, измочаливающую его нервы... Это непременно пагубно отразится на вашем таланте. Поверьте мне... И все, кто только ни услышит это, говорят то же самое. Кроме того, теперь вас не считают солидарным со всем, что печатается в «Новом времени», а тогда вы будете нести ответственность за всякую пакость какого-нибудь Жителя, Никольского или черт знает кого. Очень, очень будет прискорбно, если это осуществится.

В первый день праздника приезжал ко мне режиссер и объявил, что берет «Иванова» на свой бенефис[5], просил, нельзя ли ее не печатать в *январской* книжке «Северного вестника», так как это вредит интересу в глазах публики, а, следовательно, и сбору. Я его успокоил на этот счет, сказав, что январская книжка уже лежит у меня на столе (она была готова уже 23-го), да притом у нас еще с вами и разговору не было насчет ее помещения. Я, конечно, буду рад ее напечатать, но в мартовскую книжку не знаю, можно ли будет ее включить, потому что в этой книжке должны будут идти окончания двух больших повестей — шеллеровской и боборыкинской [6]. Завтра поговорю об этом обстоятельно с Анной Михайловной. Спасибо вам большое за обещание рассказа на апрельскую книгу [7]. Только смотрите, сдержите его.

В «Новом времени», где расхвалена паскудненькая книжонка: «Красный цветок»[8], в полном смысле ничтожная,— ни слова не хотят говорить о нашем сборнике. Мало того, вчера на видном месте указали описку, сделанную в одном из примечаний к статье Абрамова: где вместо «Ревизора» поставлено «Горе от ума» [9]. Какой ни на есть Абрамов, но все же он смешать этих двух вещей не может. Не заподозрят, надеюсь, в этом и меня. Мне самому часто приходилось в разговоре вместо одного называть другое не по невежеству,— а просто оговариваться. И все это делается из-за того, что инициатива сборника приписывается «Северному вестнику».

Как это мелко, грязно, ничтожно... и как вместе с тем бездушно относительно благотворительной цели сборника. Тормозить издание из-за личных дрязг. Посылая Суворину экземпляр, за который он заплатил двадцать пять рублей, я писал ему, что за двадцать пять рублей мы ему благодарны, но хорошо бы дать о сборнике отзыв; тем более, что о «Красном цветке» был дан. Но до сих пор все-таки нет ничего. Суворина я не считал способным на это, а думал даже, что сам он скажет сочувственное слово. Он бы сделал это умно и талантливо, если б только захотел написать. Но если он поручит Буренину, то, разумеется, сборник будет опакощен [10]. «Красный цветок» потому и расхвален, что там есть его стихотворение [11]. Хоть бы вы написали Суворину...[12]

Экземпляр Гаршина в переплете я вам оставлю с удовольствием. Разошлось его еще не особенно много. Типографские расходы мы покрыли. Но еще остается покрыть до 1000 рублей (бумага, переплеты и пр.). Правда, что мы еще ничего не получали из книжных магазинов, взявших его на комиссию. Всего пока выручено 2850 рублей. Это по подписке. Но издание обошлось 3700 рублей. Я сам раздарил четыре экземпляра, истратив на это двенадцать рублей, и знаю, что другие тоже дарят, как и мы с вами. Только я дарю не в благотворительные учреждения, а разным приятелям, у которых мало денег, чтоб приобрести сборник,— или которые мне сами дарили что-нибудь. Прислать вам экземпляр по почте или ждать вашего приезда?

Подписка в «Северном вестнике» идет. Цифра совершенно почти равная с прошлогодней. Но городских подписчиков значительно прибыло. Был здесь Короленко, обещал не покидать «Северный вестник» и даже просматривать иногда рукописи безвозмездно, чтобы люди, присылающие ему их сами, а не через редакцию, не пускали слухи, что он из «Северного вестника» ушел. Это, конечно, с его стороны очень деликатно, но все-таки, мне кажется, его симпатии ближе принадлежат «Русской мысли», в которой он все или оправдывает или извиняет. Был ли он у вас в Москве?[13]

У меня была перед праздниками очень тяжелая, очень неприятная история с младшим сыном — Кокой. Рассказывать вам подробности долго. Набезобразничал страшно в компании офицеров, в Аркадии. В пьяном виде

учинил скандал, за который мог вылететь из полка. Я ездил и к Грессеру, и к полковому командиру [14]. Дело кончилось все-таки для него плохо. Кроме того, что он все праздники сидит под арестом в полку вместе с другим его товарищем по безобразию, но его из адъютантов вернули в строй. Скромный и смирный в нормальном виде, он в пьяном не помнит себя. Учиненное им безобразие не лишено некоторых комических черт. При свидании расскажу вам. Но это возвращение в строй очень будет для него чувствительно. Опять придется ходить в караул, дежурить по гошпиталям и пр., да и стыдно перед окружающими, хотя товарищи отнеслись к нему очень сочувственно, потому что его в полку любят и офицеры, и солдаты. Таким образом, я нынче встречаю Новый год с одной только половиной семьи — с старшим сыном, с Любой и Катериной Михайловной. Лена в Москве, Кока под арестом. Обещал придти ко мне Жоржинька с Петровским [15]. Авось не надуют. Выпьем стаканчик кларета за ваше здоровье.

Будьте здоровы. Жму вашу руку. Напишите, когда удосужитесь.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] См. письмо Чехова к Плещееву от 30 декабря 1888 г. (XIV, 266—267).

[2] Шутливое прозвище И. Л. Леонтьева (Щеглова).

[3] Суворин предложил Чехову стать штатным сотрудником «Нового времени». Как известно, Чехов предложение Суворина не принял и переезд его в Петербург не состоялся (XIV, 279—280). Об этом эпизоде — см. выше, во вступительной статье.

[4] Плещеев был знаком с Сувориным с 1860-х годов и в то время помог ему материально (см. Александр Плещеев. Что вспомнилось, Актеры и писатели, т. III. СПб., 1914, стр. 6). С тех пор между ними установились дружеские отношения, хотя Плещеев не разделял политических взглядов и стремлений Суворина: «Нас разъединили литературные течения, и мы в некоторых вещах принципиально расходимся». (Письмо Плещеева к Суворину от 17 января 1886 г.— «Письма русских писателей к А. С. Суворину». Л., 1927, стр. 124). Плещеев отмечал также лживость Суворина, который «слову своему не хозяин» («Слово», стр. 260).

[5] Режиссер Александринского театра Федоров (настоящая фамилия Юрковский) (1842—1915) взял для постановки в свой бенефис пьесу Чехова «Иванов». В связи с этим Чехов подверг пьесу, написанную в 1887 г., доработке, причем особенно изменил роль Саши (см. письма Чехова к Плещееву от 30 декабря 1888 г. и 15 января 1889 г.— XIV, 267, 295—296). Пьеса была опубликована в мартовской книжке «Северного вестника» 1889 г.

[6] Роман А. Шеллера (Михайлова) «Победители», напечатанный в «Северном вестнике», 1889, № 1—4, и повесть П. Боборыкина — «Изменник», напечатанная в № 2—6.

[7] Обещание дать рассказ к апрельской книжке было высказано Чеховым, очевидно, в личной беседе, так как в его письмах конца 1888 г. упоминаний об этом нет. В апрельской книжке «Северного вестника», 1889, никаких произведений Чехова напечатано не было.

[8] В «Новом времени», 1888, № 4602, от 19 декабря была напечатана сочувственная заметка о сборнике «Красный цветок» Особенно неприятным для Плещеева был имевшийся в этой заметке намек на издателей сборника «Памяти В. М. Гаршина», названных «строго замкнутым кружком литераторов».

[9] В «Новом времени» была отмечена описка, допущенная Я. В. Абрамовым в его статье о Гаршине в сборнике «Памяти Гаршина». К цитате из «Ревизора» была дана ссылка на «Горе от ума».

[10] Предсказание Плещеева оправдалось. В статье о сборнике Буренин дал ему резко отрицательную оценку, охарактеризовав напечатанные в нем материалы как «обильный рудник характеристического вздора, пущенного в печать различными мнимыми приятелями и друзьями под видом почтения памяти покойного» («Критические очерки». — «Новое время», 1889, № 4632, от 20 января).

[11] В сборнике «Красный цветок» был напечатан «Отрывок из поэмы „Тиверий“» В. Буренина.

[12] В письме к Суворину от 3 января 1889 г. Чехов спрашивал: «Отчего у вас ни слова не сказали о „Памяти Гаршина“? Это несправедливо» (XIV, 282).

[13] В Москву в декабре 1888 г. Короленко не приезжал, и встреча его с Чеховым не состоялась (XIV, 281).

[14] Николай Алексеевич *Плещеев*, младший сын поэта, за учиненный в пьяной офицерской компании скандал сидел под арестом на гауптвахте. *Грессер* — петербургский градоначальник.

[15] *Петровский* — московский студент, гостивший на Луке у Линтваревых.

22

⟨Петербург.⟩ 3 января ⟨1889 г.⟩

Милейший Антон Павлович.

Место вашему «Иванову» в мартовской книжке найдется. Высылайте его. За обещание же дать рассказ к апрельской книжке большое спасибо [1]. Будем надеяться.

Сегодня была в редакции добрейшая обер-офицерская вдова [2]. Ей кто-то поручил получить гаршинский сборник по подписному билету, а у ней где-то вытащили кошелек и этот билет. Она приходила советоваться, что делать. Билет был выдан Абрамовым. Туда ее и направили.

Вчера был в «Литературном обществе». Полонский читал новую поэму. Эта не так скучна, как предыдущая [3]. Есть очень красивые места, фабула же, хотя и занятная, но какая-то странная. Там описывается, как колдун заставил пожилую богобоязненную девицу в бочку лезть голой, для того, чтобы сделать ее молодой, по ее желанию. Все его одобряли за стремление к реализму; и в печати, вероятно, превознесут,— Буренину, присутствовавшему тут же, это, конечно, подаст повод лягнуть кого-нибудь *из юных поэтов. Григоровича видел. Он недоволен вашей сказкой*, напечатанной в «Новом времени» [4]. От других тоже слышал отзыв, что она непонятна... как будто это прославление денег... что они всё в жизни.

Всё или не всё,— а жаль, что мы с вами нынче 200 тысяч не выиграли. Вы, впрочем, может быть и выиграли. Я не знаю.

А вот сказку вашу в «Петербургскую газету» действительно нельзя одобрить [5]. Новый год встречал у меня только Жоржинька. На другой день ходили с ним «Ревизора» смотреть. Давыдов был великолепен.

Ждем вас. Приезжайте ставить комедию свою. Ее в субботу будут читать в комитете [6].

Обер-офицерша сказала, что вы 17-го именинник, тем лучше. Выпьем кларету.

Поклон вашим. До свиданья.

А. Плещеев

P. S. А о гаршинском сборнике «Новое время» изрекло, что прекрасные рисунки вполне искупают «бессодержательность текста». Как по-вашему — это справедливо?

[1] См. прим. 7 к письму 21.

[2] См. прим. 2 к письму 21.

[3] На заседании Русского литературного общества Полонский читал свой рассказ в стихах «Анна Галдина (из преданий одного уездного городка)». (Я. П. Полонский. Полное собр. стихотворений в пяти томах, т. V. СПб., 1896, стр. 328—404). Предыдущая поэма — вероятно, «Повесть о Правде истинной и Кривде лукавой» (там же, стр. 282—327).

[4] «Сказка» Чехова опубликована в «Новом времени», 1889, № 4613, от 1 января. Позднее Чехов изменил ее заглавие на «Пари».

[5] Рассказ «Сапожник и нечистая сила», напечатанный в «Петербургской газете», 1888, № 355, от 25 декабря.

[6] Плещеев содействовал одобрению «Иванова» Театрально-литературным комитетом (XIV, 295—296). Пьеса была одобрена 8 января 1889 г. (ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 1, л. 29).

23

⟨Петербург. 20—29 января 1889 г.⟩

Милейший Антон Павлович!

Я ужасно провинился перед вами. Сегодня сказал Полонскому, что мы с вами провели вчера вечер вместе. Я совсем забыл, что он вас вчера звал. Он хотел быть у вас. Вы ему скажите, что вы забыли, что он вас

приглашал. Он меня спрашивал, не говорили ли вы мне о том, что он звал вас; я отвечал, что ничего не говорили. *Вероятно, говорю, он забыл.* Пожалуйста, не выдайте меня. Жду вас к себе непременно сегодня вечером.

Ваш душевно А. Плещеев

Письмо датируется двадцатыми числами января 1889 г. по сопоставлению с ответным письмом Чехова (см. XIV, 298). Это подтверждается также и тем, что в первых числах февраля Чехов уже находился в Москве (см. письмо его к Баранцевичу от 3 февраля 1889 г. — XIV, 299).

24

⟨Петербург. Конец января 1889 г.⟩*

Антон Павлович!

У меня сидит Леонтьев. Мы в приказчичий клуб не пойдем, потому что там нет сегодня ничего интересного. А если вы туда пойдете с «эротической» целью, то мы с Леонтьевым окажемся тут лишними; вдобавок нам обоим нездоровится. А вот если бы вы и Жоржинька пришли ко мне (до клуба) напиться чайку, очень бы меня обязали. Я сегодня один, ибо мои сегодня едут на Цукки, так как сын им достал билеты. Посидев у меня, вы можете с Жоржем ехать в клуб. У меня готовы для вас входные билеты, полученные от Базаровой — даже четыре билета. Ответьте — придете ли и, если придете, то приходите немедленно по получении этой записки.

Ваш А. Плещеев

Рукою И. Л. Щеглова (Леонтьева): С подлинным верно.

Жан Щеглов

Письмо датируется по сопоставлению с ответным письмом Чехова (XIV, 298).

25

⟨Петербург.⟩ 7 февр⟨аля 1889 г.⟩

Дорогой Антон Павлович.

Только сейчас принесли мне вторую половину «Иванова». Первую отдал вчера в типографию. Корректуру вышлю вам немедленно, как наберут. Анна Михайловна поручила мне спросить вас об условиях, так как вы писали мне, что возьмете за «Иванова» подешевле [1], и я тогда это ей заявлял. Теперь, как вы знаете, материальное положение журнала заставляет нас несколько сжаться и не выходить из определенного на книжку бюджета. Это, впрочем, не относится к гонорару ваших других произведений, за которые вы будете получать на прежнем основании, и вашего рассказа мы, согласно вашему обещанию [2], будем все-таки ждать.

Статья об «Иванове» Суворина мне понравилась; она очень хороша по своему тону и множеству верных замечаний, хотя в то же время кое с чем можно поспорить [3].

Как бы то ни было, это лучшая рецензия на «Иванова». В тот же вечер, как вы уехали, я присылал к вам с своей карточкой одну молодую актриску [4] (и мою куму,— я у ней крестил), которой хотели передать роль Саши, после Мичуриной, игравшей на втором представлении.

Она очень желала с вами посоветоваться о роли. Я думал, что Суворины вас удержат до следующего дня. Но, к сожалению, она уже вас не застала.

«Иванов» идет на этой и на следующей неделе по два раза. А «Медведь», которого я не видел и который прошел, говорят, с фурором, идет только

* Рукою Чехова проставлено: 89, II.

на последний день масляницы. Я пойду непременно. В понедельник весь спектакль состоял, таким образом, из Чехова.

Модест, вероятно, сообщил вам в подробности о втором спектакле [5]. Мне же говорили актеры, что вас шибко вызывали.

Что Жоржинька? Уехал или в Москве застрял?

Поклон низкий всем вашим.

Ваш душевно
А. Плещеев

Не видаетесь ли с Островским? Он уж с месяц, кажется, не писал мне. Не болен ли, или не в претензии ли на меня за что-нибудь? Буду писать ему на днях [6].

[1] Чехов 30 декабря 1888 г. писал Плещееву о напечатании «Иванова» в «Северном вестнике»: «Я с вас очень дешево возьму, так дешево, что вы удивитесь» (XIV, 267; см. также 307—308).

[2] Обещание Чехова прислать рассказ было передано Плещееву через Егора Михайловича Линтварева («Слово», стр. 261—262; см. также XIV, 296).

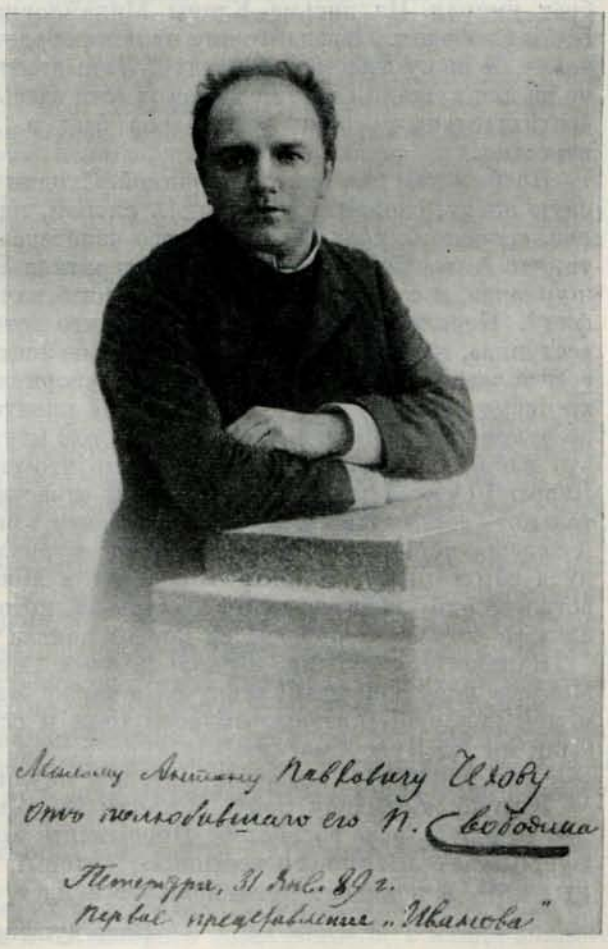
[3] Рецензия Суворина на пьесу «Иванов» была напечатана в «Новом времени», 1889, № 4649, от 6 февраля.

Отзыв Плещеева о суворинской статье совпал и с чеховской ее оценкой (XIV, 304).

[4] О ком идет речь, установить не удалось.

[5] Упоминаемое письмо М. И. Чайковского к Чехову неизвестно.

[6] Письмо Плещеева к П. Н. Островскому неизвестно.



П. М. СВОБОДИН

Фотография с дарственной надписью Чехову: «Милому Антону Павловичу Чехову от полюбившего его П. Свободина. Петербург, 31 янв. 89 г. Первое представление „Иванова"»

Свободин исполнял в спектакле роль Шабельского

Дом-музей Чехова, Ялта

26

21 июня ⟨1889 г.⟩
Шевино ⟨под Петербургом⟩

Дорогой Антон Павлович.

Вчера прочел в газетах о постигшем вас и все ваше семейство горе [1].

Никак я не ожидал такой печальной и, в особенности, такой скорой развязки, хотя Елена Михайловна на днях еще писала мне, что здоровье бедного Николая Павловича становится все хуже и хуже [2]. Но ведь чахотка такая болезнь, которая года тянется. Очень грустно, что лето для вас отравлено этим горестным событием. Прошу вас передать Евгении Яковлевне и всем вашим мое душевное соболезнование.

Полагаю, что вы теперь долго не усидите в Сумах и, повинуясь «весьма мучительному свойству, охоте к перемене мест», опять пуститесь странствовать по белу́ свету [3]. Суворин, как я слышал, нанял было тоже где-то поблизости от вас, но Анна Ивановна [4] отговорила его и увлекла за границу. Вероятно, он и вас туда будет звать, хотя, сколько я мог заметить, вас всегда больше тянет не за границу, а на какие-нибудь русские окраины или на восток. Напишите, куда решитесь ехать. Я уж более месяца не имею от вас известий. Пишете ли вы что и что именно, если пишете? Окончили ли пьесу? [5]

Всего верней, что нет. Не до писанья вам было, когда у вас на руках брат умирал. Из письма Елены Михайловны узнал, что у вас гостит П. М. Свободин. Передайте ему от меня сердечный поклон, если он еще не уехал. Я живу себе мирно и тихо. Лето стоит бесподобное (для дачников, но не для крестьян и помещиков), места здесь, как я уже вам писал, тоже восхитительные, и я всего раз был в Петербурге с тех пор, как переехал.

Пробыл там два дня с половиной. Сходил в баню, сходил во французскую оперу, сходил в редакцию... словом, как говорит гоголевский Ихарев, «исполнил долг образованного человека». В редакции нового только то, что Анна Михайловна опять возвратила Протопопова «для оживления журнала», и с будущей книжки он опять начинает ругаться в библиографии [6]. Короленко писал ей недавно, что готовит кое-что для «Северного вестника», но что именно, я в точности не знаю. Что это как «Новое время» всегда становится скучно с отъездом Суворина! Ничего-то в нем нет сколько-нибудь интересного — хоть шаром покати. Я здесь много читаю — не рукописей, которых, к счастью, летом поуменьшилось, но книг; и кое-что работаю. Хотелось бы мне очень что-нибудь соорудить для сцены. Лавры Щеглова меня соблазняют, а отчасти и невежинские (подумайте только — восемь тысяч! эдакую уйму денег взять за «Вторую молодость!» [7]). А теперь, кстати, еще и театральный журнал основывается, значит, есть куда сбыть пьесу, и театров частных в Москве множество [8]. Я недавно встретил одну писательницу, Назарьеву, которая свою пьесу Горевой продала за четыреста рублей, на чистые деньги [9].

Напишите, голубчик, несколько слов. Соскучился я без ваших писем. Мои все поручили вам кланяться и также Марье Павловне. Передайте ей и мой поклон. Линтваревым всем тоже и особливо милому Жоржу. Не были ли на Луке Смагины?

Если они там — сообщите мне, я к ним писать буду.

Крепко жму вашу руку. С каким бы я наслаждением прочел теперь какой-нибудь ваш рассказец. Присылайте хоть к августу. Не покидайте горемычного «Северного вестника», который все газеты, не знаю за что, ругают [10]. А подписка понемножку все идет, да идет...

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Николай Павлович Чехов скончался 17 июня 1889 г.

[2] Елена Михайловна *Линтварева* — дочь А. В. Линтваревой. Это письмо ее к Плещееву неизвестно.

[3] После смерти брата Чехов уехал в начале июля в Одессу, оттуда в Ялту, где он пробыл до конца августа.

[4] *Анна Ивановна* — жена Суворина.

[5] Пьеса «Леший» была закончена Чеховым только к концу октября 1889 г. (XIV, 407, 412).

[6] М. А. Протопопов ушел из «Северного вестника» в ноябре 1888 г. (см. прим. к письму 20). Возобновил сотрудничество в журнале в мае 1889 г., выступив в шестой книжке с некрологом М. Е. Салтыкова. «В будущей книжке у нас появится опять Протопопов, с некрологом Салтыкова, и я думаю будет продолжать и потом писать; я лично небольшой охотник до его статей, чересчур уже задорных, а порой узковато прямолинейных. Но он публикой очень читается, и в таланте, в бойкости ему не откажешь» (письмо Плещеева к Короленко от 10 мая ⟨1889 г.⟩, ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67).

[7] «*Вторая молодость*» — пьеса П. М. Невежина, шедшая в казенных театрах Москвы и Петербурга, а также в провинции, имела значительный успех.

[8] «Артист» — театрально-музыкальный художественный журнал, начал выходить в Петербурге с сентября 1889 г. Издатель Ф. А. Куманин, редактор А. Гиппиус.

В Москве, кроме частного театра Корша, в сезон 1889 г. функционировали частные театры А. М. Абрамовой и Е. Н. Горевой.

[9] Очевидно, Плещеев имеет в виду пьесу «Чужая», проданную К. В. Назарьевой для частного театра Е. Н. Горевой.

[10] «Новое время», 1889, № 4618, от 6 января. «Критические очерки» Буренина. В них он обрушивался на «Северный вестник» за публикацию на его страницах «20 неизданных стихотворений М. Ю. Лермонтова», называя их не более как «подготовительным уроком поэтического творчества». В другой статье («Новое время», 1889, № 4646, от 3 февраля) Буренин критикует беллетристику «Северного вестника» и, в том числе, повесть Короленко «С двух сторон». «Ругательные» отзывы о «Северном вестнике» в «Русской мысли», 1889, № 5, отд. «Библиография», стр. 211—219.

Плещеев писал по этому поводу Короленко: «...ругательства сыплются на журнал со всех сторон, начиная от „Нового времени“ и кончая „Русской мыслью“...» (письмо Плещеева от 10 мая 1889 г.—ЛБ, ф. 135, раздел II, 31/67). В более позднем письме ему же: «„Русская мысль“ в каждом номере с похвальнейшей аккуратностью ругает „Северный вестник“, в особенности за беллетристику, и находит все маленькие рассказы, печатаемые в нем,— крайне плохими. Конечно, у всякого свой взгляд, но неужели рассказы, помещаемые в „Русской мысли“ вроде „Красавицы Дуньки“ или романа Гр. Данилевского ⟨...⟩ можно назвать художественными произведениями? В „Вестнике Европы“ тоже не ахти какая беллетристика, и я еще ни от одного человека не слыхал похвалы роману Ольги Шапир. Где же взять, наконец, беллетристов, когда нет талантливых? Не родить же их редакциям» (письмо от 24 августа 1889 г.— там же).

27

⟨Петербург.⟩ 12 сентября ⟨1889 г.⟩

Спасибо вам, милый Антон Павлович, что хоть изредка сообщаете о себе. Простите, что несколько замедлил ответом. Только 5-го числа перебрался с дачи, и теперь еще в доме далеко не все приняло свой обычный вид. Анна Михайловна по получении вашего письма телеграфировала вам, и моя подпись фигурировала также на этой телеграмме вместо с редакторской [1]. Хотя я очень понимаю, что вам хотелось бы подольше посидеть над отделкой вашей повести [2], но не могу не просить вас — убедительнейше — пришлите ее хоть к 18-му. Мы без вас пропадем. Ведь подписка приближается, а у нас пока ничего сколько-нибудь художественного, тонкого «для знатоков» нет в беллетристике. Роман «Душевные бури» [3]— это для массы, для невзыскательных по части поэзии. Короленко хотя сам же писал Анне Михайловне, что пишет рассказ, но ничего не прислал и не отвечает на письмо, которое я написал ему. Вероятно, рассердился за статью Мережковского, которого и «Русская мысль» аккуратно в каждой книжке ругает за эту статью [4].

Но ведь эти «Два настроения» Короленки [5] действительно дерьмо, самое настоящее.

Да и рассказ его в «Русских ведомостях» [6], который я начал было читать с таким удовольствием и от которого ждал чего-то, в конце концов.

тоже не выгорел. В нем есть картинки две, много три, не лишенные поэзии, но все в целом очень швах! Знаете ли, мне кажется, что он дальше не пойдет. Сколько уж времени он все на одном месте топчется. Вы совершенно справедливо замечаете, что свежести у него уже нет[7]. Ради бога, голубчик, присылайте рассказ. Я давал читать Анне Михайловне то письмо, где вы мне писали, что у вас уже написано на 200 рублей, т. е. лист печатный, и это слово подчеркнул [8], дабы она приняла к сведению, что вам надо платить за лист именно эту цифру, и прибавил на словах,что вам нет никакого резона получать в «Северном вестнике» меньше, чем вы получаете в «Новом времени». А Суворин застрял во Франции. Да и как не застрять? Я с лихорадочным интересом слежу за тем, что там делается, и каждый день жду телеграмм о выборах [9]. Вы этого не поймете. А для нашего брата — человека второй половины 40-х гг.— Франция очень близка сердцу. Тогда во внутреннюю политику не дозволялось никому носа совать,— и мы воспитывались и развивались на французской культуре, на идеях 48 года [10].

Этого не истребишь... Во многом, конечно, пришлось разочароваться потом, но многому мы остались и верны...

Боборыкина дело, как мне сдается, не выгорит, если судить по газетным отзывам... Если исполнение плохое, то какой ни будь репертуар, толку не выйдет [11].

А он с большой горячностью отдался этому делу. Но, всего вероятней, что он сбежит. Ведь этот закулисный мир — помойная яма. Газеты прославляют театр Абрамовой [12]. Это немудрено. Она кулебякой угощала всех рецензентов и драматургов. Буренин ей тоже продал свою византийскую белиберду [13]. У него не купить она, конечно, не посмела.

Не видали ли вы Островского? Этот тоже на меня должно быть за что-нибудь прогневался... Он вообще строг.— Бог с ними со всеми!

Крепко жму вашу руку. Пишите, пожалуйста. Ужасно мне скучно без ваших писем.

Поклон сердечный всем вашим. Жорж мне не писал, и Павел не заходил еще, хотя он здесь.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] Эта телеграмма неизвестна.

[2] Повесть «Скучная история», обещанная Чеховым «Северному вестнику». В письме от 3 сентября 1889 г. Чехов писал Плещееву, что рассказ уже готов, но он предполагает несколько задержать его отсылку в редакцию: «Я хочу кое-что пошлифовать и полакировать, а главное, подумать над ним» (XIV, 391).

[3] «Душевные бури» — роман Н. А. Таль, печатался в «Северном вестнике», 1889, № 10—12.

[4] Статья Д. С. Мережковского «Рассказы Вл. Короленко» — напечатана в «Северном вестнике» 1889, № 5. Отзыв о ней см. «Русская мысль», 1889, № 8, отд. «Библиография», стр. 372.

[5] «С двух сторон (Рассказ о двух настроениях)» Короленко напечатан в ноябрьской книжке «Русской мысли» 1888 г. В своей статье Мережковский отозвался отрицательно об этом рассказе.

[6] «Птицы небесные», напечатанные в «Русских ведомостях», 1889, № 224, 229, 233, 236, от 15, 20, 24, 27 августа.

[7] Чехов писал Плещееву 26 июня 1889 г.: «Короленко немножко консервативен; он придерживается отживших форм (в исполнении) и мыслит как 45-летний журналист; в нем не хватает молодости и свежести, но все эти недостатки не так важны и кажутся мне наносными извне» (XIV, 380). На это письмо Чехова и откликается здесь Плещеев. Однако Чехов не согласился с приговором Плещеева и 14 сентября писал ему о преждевременности подобных заключений о будущем писателя: «Мне хочется верить, что Короленко выйдет победителем и найдет точку опоры. На его стороне крепкое здоровье, трезвость, устойчивость взглядов и ясный, хороший ум, хотя и не чуждый предубеждений, но зато свободный от предрассудков» (XIV, 400).

[8] Письмо Чехова к Плещееву от 3 августа 1889 г. (XIV, 386—387).

[9] Всеобщим выборам в Палату депутатов (состоялись 22 сентября 1889 г.) предшествовала ожесточенная политическая борьба между республиканцами и правыми

Князю Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора, который преуспел
И мудро сочетать сумел
Ум пламенный с душою мирной
И лиру с трубкою клистирной...

7-8.

СКУЧНАЯ ИСТОРІЯ.

(Изъ записокъ стараго человѣка).

I.

Есть въ Россіи заслуженный профессоръ Николай Степановичъ такой-то, тайный совѣтникъ и кавалеръ; у него такъ много русскихъ и иностранныхъ орденовъ, что когда ему приходится надѣвать ихъ, то студенты величаютъ его иконостасомъ. Знакомство у него самое аристократическое; по крайней мѣрѣ за послѣднія 25—30 лѣтъ въ Россіи нѣтъ и не было такого знаменитаго ученаго, съ которымъ онъ не былъ-бы коротко знакомъ. Теперь дружить ему не съ кѣмъ, но, если говорить о прошломъ, то длинный списокъ его славныхъ друзей заканчивается такими именами, какъ Пироговъ, Кавелинъ и поэтъ Некрасовъ, дарившіе его самой искренней и теплой дружбой. Онъ состоитъ членомъ всѣхъ русскихъ и трехъ заграничныхъ университетовъ. И прочее, и прочее. Все это и многое, что еще можно было-бы сказать, составляетъ то, что называется моимъ именемъ.

Это мое имя популярно. Въ Россіи оно извѣстно каждому грамотному человѣку, а заграницею оно упоминается съ каѳедръ съ прибавкою извѣстный и почтенный. Принадлежитъ оно къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ именъ, бранить которыя, или упоминать ихъ всуе, въ публикѣ и въ печати считается признакомъ дурного тона. Такъ это и должно быть. Вѣдь съ моимъ именемъ тѣсно связано понятіе о человѣкѣ знаменитомъ, богато одаренномъ и несомнѣнно полезномъ. Я трудолюбивъ и выносливъ, какъ верблюдъ, а это важно, и талантливъ, а это еще

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ЧЕХОВА НА «СКУЧНОЙ ИСТОРИИ»

(Оттиск из журнала «Северный вестник», 1889, № 11):

«Князю Александру Ивановичу Сумбатову в знак дружеского расположения от автора,

Который преуспел
И мудро сочетать сумел
Ум пламенный с душою мирной
И лиру с трубкою клистирной...»

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

партиями, которые объединились вокруг генерала Буланже, политического деятеля бонапартистского толка, стремившегося к диктатуре или к восстановлению монархии. На выборах республиканцы одержали победу, и после этого популярность генерала Буланже, демагогически завоеванная им ранее, быстро пала (см. Ал. Зеваэс, История Третьей республики (1870 — 1926). М.— Л., 1930, стр. 156—199).

[10] Как и другие участники кружка петрашевцев, Плещеев в молодости испытал сильное увлечение революционной Францией 1848 г. И после ссылки он сохранил живой интерес к политической борьбе во Франции и к разнообразным системам утопического социализма, являвшимся идеологическим выражением этой борьбы. В сочинениях Леру, Фурье, Кабе Плещеев ценил прежде всего их критику капиталистической системы. См. его письмо к Добролюбову от 25 февраля 1860 г. («Русская мысль», 1913, № 1, стр. 145) и письмо к Е. И. Барановскому от 22 декабря 1859 г. (Сб.«Шестидесятые годы». М.— Л., 1940, стр. 454.)

[11] П. Д. Боборыкин заведовал в течение нескольких месяцев сезона 1889 г. репертуарной частью театра Е. Н. Горевой в Москве. Чехов писал о нем Плещееву 3 сентября 1889 г.: «Мне симпатичен Боборыкин, и будет жаль, если он очутится в положении курицы, попавшей во щи. Труппа у него жиденькая, набранная, если можно так выразиться, из элементов случайных. Мечтает он о классическом репертуаре — это хорошо, но что труппа его из классических вещей будет делать черт знает что — это очень скверно» (XIV, 391—392).

[12] Мария Морицовна *Абрамова* (1865—1892) — драматическая актриса, жена Д. Н. Мамина-Сибиряка. Содержала в течение одного сезона свой театр в Москве.

[13] Драма В. Буренина «Пленник Византии».

28

⟨Петербург.⟩ 16 сентября ⟨1889 г.⟩

Ужасно я хохотал над вашим вопросом, дорогой Антон Павлович,— не задавило ли где-нибудь нашего друга Жана[1] кулисами?

До сих пор я его еще не видел и не знаю, во что он теперь погружен. Пишет ли новую повесть, ставит ли в каком-нибудь клубе комедию, раздумывая, кому отдать главную роль: г-же Пыжиковой или г-же Двинской-Стульской 2-й. Или же просто предается кейфу на Петербургской стороне, наслаждаясь отсутствием «роковой» бабушки, которую, наконец, скачал с шеи. А хотелось бы его повидать. Несмотря на его вечное нытье, я все-таки питаю к нему до некоторой степени нежность.

А я в нынешнем году буду лишен возможности посещать театры даром[2]. Комитет хотят сократить, и меня оставят, конечно, за штатом, ибо ко мне начальство не совсем-то благоволит, и я еще в прошлом году ожидал, что меня уволят по третьему пункту, как Боборыкина[3]. На днях Потехин мне сам сказал, что по приезде министра двора последует преобразование (а, может, и окончательное уничтожение) комитета. Я только потому и дорожил этим местом, что мог ходить во все театры бесплатно. Это ведь очень большая статья расхода. Конечно, и триста рублей, которые давали мне заседания, были нелишние, при крайней скудости моих средств. Но это еще, авось, как-нибудь наверстаю. А вот театра-то жаль. Вообще по возвращении в Петербург мне уже пришлось испытать не одну неприятность. Всякий день почти приносит мне какую-нибудь гадость, повергающую меня в весьма невеселое настроение.

Отчего вы восчувствовали вдруг к Боборыкину антипатию?[4] Может быть, он в некоторых отношениях и чудак, но человек он недурной; я люблю его за его «жизненность», за его деятельность и энергию. Никогда он не унывает, не падает духом. И все же это человек образованный и много видевший. Верьте мне, что он лучше очень многих, ругающих его и смотрящих на него свысока. Горевский театр — сам по себе, а Боборыкин сам по себе.

Я совсем не знал о вашем обмене телеграммами и письмами с Анной Михайловной[5], которую несколько дней не видал. Если дело устроилось согласно вашему желанию, то тем лучше.

Нынче нашел у себя карточку Григоровича. А Суворина все еще нет. Он все еще пишет маленькие письма из Биаррица. А я жду его нетерпеливо. Он мне очень нужен.

Про Островского никак нельзя сказать, что его взгляды на нравственность, политику и т. д. сумбурны,— и еще менее, что он мало образован... Напротив, образован он очень. Читал он массу, и взгляды его совершенно определенны, но в последнее время он стал чересчур уж консервативен,— и о некоторых вещах я не могу разговаривать с ним[6]. Он говорит чуть не с пеной у рта. Но, помимо этого, у него есть черты крайне симпатичные и человек он все-таки душевный, к которому можно пойти в трудную минуту жизни с уверенностью, что он отзовется участливо на ваше горе...

Получил я 1-ю книжку журнала «Артист». Составлена интересно[7]. Меня зовут писать туда о петербургских театрах[8]. Я бы не прочь, но если придется покупать билеты в театр, то плата пять копеек за строчку слишком ничтожна. Игра свеч не стоит.

Прощайте, голубчик. Всего вам хорошего. Поклонитесь вашим. Нетерпеливо жду вашей повести. Очень вы меня заинтересовали ею[9]. Крепко жму вашу руку.

А. Плещеев

Ваше «Предложение» имело, говорят, огромный успех[10]. В пятницу у нас идет в первый раз пьеса Боборыкина «С бою»[11].

[1] *Жан* — И. Л. Леонтьев (Щеглов). Чехов осведомился о нем в письме от 14 сентября 1889 г. (XIV, 401).

[2] Плещеев как член Театрально-литературного комитета имел право бесплатного посещения театров.

[3] Увольнение «по третьему пункту» применялось при удалении с государственной службы «неблагонадежных» лиц.

[4] О своем новом отношении к Боборыкину Чехов писал Плещееву 14 сентября 1889 г. (XIV, 401).

[5] Телеграммы Чехова к А. М. Евреиновой неизвестны. В письме к Евреиновой от 7 сентября 1889 г. Чехов сообщал, что работа над «Скучной историей» идет медленно, и поэтому отправка ее в «Северный вестник» задерживается. Ответ Евреиновой воспроизведен Чеховым в письме к Плещееву от 14 сентября 1889 г. (XIV, 400).

[6] В письме к Плещееву от 14 сентября 1889 г. Чехов отмечал, что П. Н. Островский «умный и добрый человек; беседовать с ним приятно, но спорить так же трудно, как со спиритом. Его взгляды на нравственность, на политику и проч.— это какая-то перепутанная проволока; ничего не разберешь. Такую путаницу приходится чаще всего наблюдать у людей много думающих, но мало образованных» (XIV, 401).

[7] В первой книжке Театрально-музыкального художественного журнала «Артист» были помещены: статья С. А. Юрьева и В. А. Гольцева «О целях и задачах нашего журнала», статьи и стихотворения, посвященные памяти С. А. Юрьева, «Дон Карлос» Шиллера, «Сон в летнюю ночь» Шекспира — статья И. И. Иванова, вальс «Шутка» П. И. Чайковского, «Парижские письма» П. Д. Боборыкина, «Цепи»—драма А. И. Сумбатова и др. произведения.

[8] Плещеев своих статей в «Артисте» не печатал.

[9] Повесть «Скучная история», о которой Чехов сообщал поэту в письме от 14 сентября 1889 г. (XIV, 400).

[10] «Предложение» было напечатано в «Новом времени», 1889, № 4732. от 3 мая и шло в Петербурге в Царскосельском театре 9 августа 1889 г. с большим успехом (см. письмо Свободина к Чехову от 10 августа 1889 г.— «Записки», вып. 16, стр. 195—196).

[11] Премьера пьесы Боборыкина «С бою» на сцене Александринского театра состоялась в пятницу 22 сентября 1889 г. Пьеса посвящена изображению жизни и быта московской старообрядческой купеческой семьи. Несмотря на участие в ней Савиной и Варламова, пьеса успеха не имела. Критика отмечала, что Боборыкин, задавшись целью написать «комедию нравов, вывел целый ряд несуществующих субъектов, описывая не действительность, а самую грубую карикатуру» («Сын отечества», 1889, № 256, от 24 сентября).

29

〈Петербург. 3—4 октября 1889 г.〉*

Добрейший Антон Павлович. Я ничего не говорил с Анной Михайловной относительно высылки вам денег сейчас же[1]. Я знаю, что она теперь находится в довольно стеснительных обстоятельствах, и сам получил

* Рукою Чехова проставлена дата получения: 89. X, 5.

в понедельник вместо следующих мне ста пятидесяти за этот месяц всего только пятьдесят, вследствие чего нахожусь в самом скверном положении, потому что с переезда в город перебиваюсь со дня на день. Давно так не бедствовал.

Получив ваше письмо, сопровождавшее рукопись [2], Анна Михайловна, кажется, поняла так, что она должна начать вам высылку денег с 1 ноября, т. е. со дня напечатания рукописи. Но если вы к ней напишете, то она, может быть, изыщет средства вам выслать. Я же вообще не люблю и не мастер вести с ней переговоры о денежных делах. Редко эти переговоры приводили к желаемому результату. Извините меня, пожалуйста. Крепко жму вашу руку.

Ваш душевно А. Плещеев

[1] В письме к Плещееву от 30 сентября 1889 г. Чехов просил передать в контору журнала, чтобы ему выслали первую часть гонорара за «Скучную историю» к 1 октября (XIV, 407).

[2] Письмо Чехова к Евреиновой от 24 сентября 1889 г., посланное ей одновременно с рукописью «Скучной истории» (XIV, 403—404).

30

<Петербург.> 18 октября <1889 г.>

Что поделываете, в каком настроении обретаетесь, милый Антон Павлович? На днях видел Свободина и спрашивал о вашей пьесе. Кажется, он уж не намерен ставить в свой бенефис вашей пьесы [1], так как Всеволожский и Григорович нашли ее несценичной и выразили такое мнение, что великие князья, которые будут, без сомнения, на его бенефисе, могут найти ее скучной [2]. Я ожидал от него более самостоятельности. Он мог ответить, что хотя бы пьеса и оказалась недостаточно интересной на сцене, но раз автор отдал ему ее, он считает себя обязанным ее поставить. Никогда на этих актеров нельзя рассчитывать. Сколько раз мне приходилось быть свидетелем подобного образа действий с их стороны.

Поставят ли, не поставят ли вашу пьесу, но я вам предложил бы ее напечатать в «Северном вестнике», в январской книжке [3]. Если вы ничего против этого не имеете, то пришлите мне ее или поручите взять где-нибудь. Двоедушный Григорович, впрочем, с похвалой отозвался Суворину о втором акте вашей пьесы. Я, признаюсь, никакой цены не придаю его отзывам. На днях он читал нам (у Вейнберга) с М. Чайковским свою новую повесть [4]. Первая половина ее туда-сюда, а вторая никуда не годится. Все это так избито, истрепано, шаблонно, устарело и анекдотично. Еще о повести он иногда может высказать верное суждение, но о драматическом я от него никогда не слыхал дельного слова. Теперь, когда наш комитет похерили, его будет заменять триумвират из Всеволожского, Потехина и Григоровича (пока самого Потехина не похерят, что, говорят, тоже скоро последует). Суворин рассказывал, что Буренин читал им на днях свою новую пьесу [5] и Всеволожский все время *раскладывал пасьянс*. Это довольно характерно...

Из «Северного вестника» ушел г. Южаков [6], если хотите знать подробности этого ухода, не лишенные интереса и хорошо рисующие современного русского литератора, то спросите у Петра Николаевича, которому я писал об этом обстоятельно; повторять это долго и скучно. Скажу только, что относительно Анны Михайловны он поступил как прохвост. И весь их кружок с Михайловским во главе выказался здесь вполне с своей инквизиторской нетерпимостью. Теперь они кричат на всех перекрестках, что в «Северном вестнике» не осталось ни одного литератора и что «Север-

ный вестник» до января не дотянет. Вероятно, мы лишимся также и сотрудничества Короленко, который падает в прах перед Михайловским и Глебом Успенским и для которого Лесевичи и Южаковы также неприкосновенны [7]. Помимо моей симпатии к «Северному вестнику», я бы желал, чтоб он подольше существовал уже для того одного, чтоб показать, что журнал может идти без этой *клики* — никого и ничего не признающей, кроме своего кружка.

Прощайте пока, дорогой Антон Павлович. Вчера я долго сидел у Суворина. Много говорили о вас и вашей новой повести [8], о Луке, о Линтваревых, о театральных делах и прочем. Когда вы приедете? Пожалуй, теперь отложите надолго свой приезд? [9] Мой искренний поклон вашему семейству. Крепко вас обнимаю и лобызаю. Ответьте поскорей, если найдете свободную минутку.

Ваш А. Плещеев

P. S. Забыл сделать вам вопрос: некоторые из читавших вашу «Скучную историю», как, например, Мария Дмитриевна [10] и Суворины, утверждают, что Катя *любит* самого старика, ведущего записки? Я положительно этого не заметил в повести.

[1] Свободин хотел поставить пьесу Чехова «Леший» в свой бенефис на сцене Александринского театра в Петербурге, и в начале октября 1889 г. он приезжал в Москву за рукописью (см. письмо Чехова к Суворину от 13 октября 1889 г.— XIV, 412). Сам Свободин объяснял Чехову причину отказа от «Лешего» желанием перенести бенефис с октября — ноября на более дальний срок в связи с большим количеством бенефисов других артистов в это время (см. «Записки», вып. 16, стр. 208). В письме к В. М. Лаврову Свободин объясняет свое решение тем, что «импровизированный» театральный комитет не одобрил пьесу (см. «Летопись», стр. 242). Это же письмо показывает, что упреки Плещеева в адрес Свободина были неосновательны (см. XIV, 419).

[2] Свободин читал «Лешего» 9 октября 1889 г. «неофициальному театральному комитету», в составе Д. В. Григоровича, директора театров И. А. Всеволожского, А. А. Потехина и Н. Ф. Сазонова (ранее существовавший Театрально-литературный комитет в сентябре 1889 г. был упразднен. См. об этом «Биржевые ведомости», 1889, № 291, от 24 октября).

[3] На это предложение опубликовать пьесу в «Северном вестнике» Чехов вскоре ответил отказом (XIV, 442). Только в феврале следующего года он решил отдать пьесу Плещееву (XV, 15).

[4] По-видимому, повесть Григоровича «Рождественская ночь», опубликованную в «Русском вестнике», 1890, № 1.

[5] Очевидно, пьесу Буренина «Комедия о княжне Забаве Путятишне и боярыне Василисе Микулишне» (см. «Русский вестник», 1889, № 12; отд. изд.: М., 1890).

[6] Чехов относился к С. Н. Южакову как публицисту отрицательно и называл его статьи «сонно одуряющим средством, действительнее мухомора» (XIV, 420).

[7] В литературе, посвященной Короленко, его уход из «Северного вестника» отнесен к декабрю 1888 г. (см. В. Г. Короленко. Избранные письма в трех томах, т. III. М., 1936, стр. 13). Как следует из письма Плещеева к Чехову от 31 декабря 1888 г. и настоящего письма, Короленко продолжал принимать участие в «Северном вестнике» и в 1889 г., хотя оно было менее интенсивным. Участие Короленко в редактировании беллетристики «Северного вестника» прекратилось, очевидно, только в конце 1889 г. Произведения же свои после рассказа «Ночью», напечатанного в декабрьской книжке «Северного вестника» 1888 г., Короленко в журнале не печатал.

В. В. *Лесевич* — сотрудник «Северного вестника», либеральный народник. Вышел из «Северного вестника» вслед за Михайловским и Южаковым.

[8] *Повесть* — «Скучная история».

[9] Чехов приехал в Петербург только в начале января 1890 г. (XV, 7—8).

[10] *Мария Дмитриевна* — Федорова.

31

⟨Петербург.⟩10 ноября ⟨1889 г.⟩

Милейший Антон Павлович.

У меня заведен такой обычай в «Северном вестнике», что если стихи хороши, то я их немедленно сдаю в типографию и автора о том извещаю. А если плохи, то я оные уничтожаю (ибо *никогда* стихов не возвращают)

и автору ничего знать не даю. Последнее случилось и с поэзией талантливого Н. О. [1] По всей вероятности, они оказались негодными, иначе они бы у меня сохранились. Уцелели у меня каким-то образом «навозные» стихи г. Гурлянда. Я вам их и возвращаю [2]. Жду от вас обещанного письма.

Сегодня о вас напечатан фельетон Буренина [3]. Хотя вы за многое похвалены... но все же фельетон не без ехидства написан. Повесть ваша публике положительно нравится (интеллигентной по крайней мере). Я еще ни от одного человека не слышал порицания. Толкуют о ней много... Понимают, конечно, различно, но все одобряют.

Брата вашего [4] я не видел, равно как и Анна Михайловна.

Комедию свою [5] присылайте непременно. В публике возбужден интерес к ней.

До свиданья,
ваш А. Плещеев

На письме карандашная помета: 89.

[1] Чехов просил Плещеева содействовать публикации в «Северном вестнике» стихотворений врача Н. Н. Оболонского, подписанных инициалами Н. О. (XIV, 419). Эти стихотворения в «Северном вестнике» напечатаны не были, и Чехов передал их в журнал «Живописное обозрение» (XIV, 445—446).

[2] Об И. Я. *Гурлянде* — см. выше в настоящем томе в разделе «Дарственные надписи Чехова на книгах и фотографиях».

[3] Статья Буренина «Критические очерки».— «Новое время», 1889, № 4922, от 10 ноября.

[4] Михаил Павлович Чехов приехал в Петербург в ноябре 1889 г.

[5] Пьесу «Леший».

32

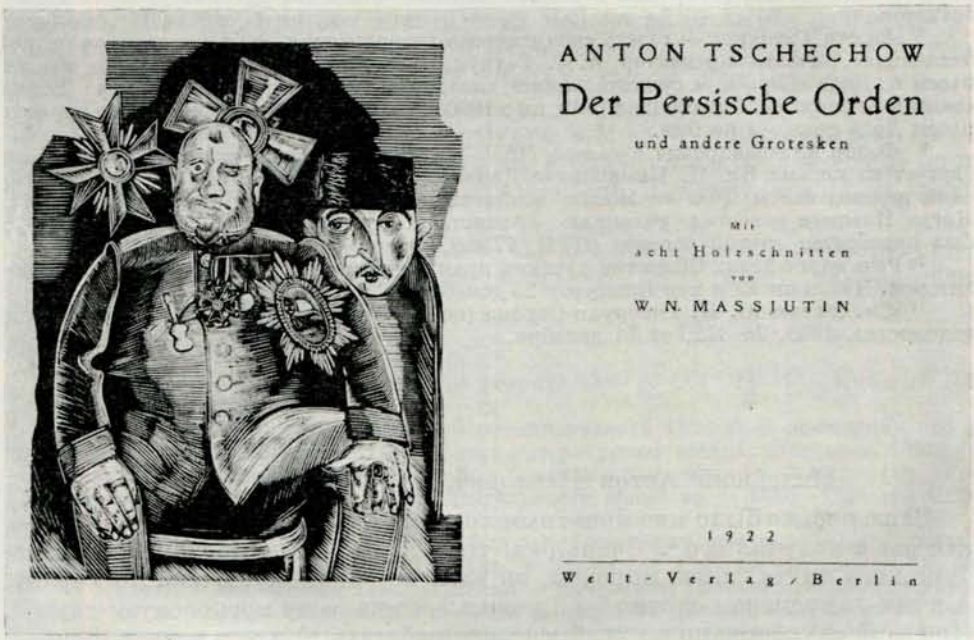
⟨Петербург.⟩ 27 декабря ⟨1889 г.⟩

Сейчас получил ваше письмо [1], милый Антон Павлович, и спешу поблагодарить вас за поздравление. В свой черед поздравляю вас с приближающимся Новым годом и душевно желаю вам и всему вашему семейству, чтоб этот год принес с собой как можно больше всяких хороших вещей, а именно, здоровья, славы, денег... и т. д. Все я вас поджидал к 18 декабря, как вы писали [2], а теперь ждать перестал. Ужасно рад, что идет ваша пьеса. Не сомневаюсь в успехе ее [3]. Если она нравится актерам, значит, они приложат старания, чтоб сыграть ее как следует и натянуть нос этому Свободину, который поспешил отречься от нее при первых неодобрительных словах начальства и Григоровича ⟨...⟩ Вы бы сделали большое одолжение редакции «Северного вестника», если б дали свою комедию к февральской книжке [4].

Хоть бы эту-то книжку подцветить именами. Мережковский сегодня поехал в Москву, хотел быть у вас и непременно пойти на представление «Лешего» — и дать мне о нем подробнейший отчет. Если этот отчет меня удовлетворит, то помещу его в «Неделе» [5], где о вашем «Иванове» была написана очень симпатичная статья, ибо критик «Недели» барон Дистерло к вам очень благоволит [6].

Что касается до моего перевода, то так он мне опостылел, так надоела возня с ним, что будет ли или не будет он поставлен у Абрамовой, мне положительно все равно [7]. Но мне несколько обидно, действительно, что даже пошлейший и глупейший перевод, шедший у Корша — и о котором мне с разных сторон говорили, что он никуда не годится, — печатается в газете Гатцука [8], а мой нигде не мог найти места. Куманин [9] поступил со мной по-хамски. Он даже не потрудился мне объяснить, почему мой перевод не пошел, и извиниться передо мной. И это после двух телеграмм с уплаченным ответом. Очевидно, этот хам не имеет элементарных понятий о веж-

ливости. Смею думать, что перевод мой во всяком случае не менее литературен, нежели Маттерновский. Наплевать на них на всех. Но мне урок. Не связываться в другой раз с разной сволочью. Мне досадно, что я причинил столько хлопот Немировичу и злоупотребил его обязательностью. На счет комитетских дел он мне тоже много писал и подобно вам жаловался на бестолочь нашего общего собрания [10]. Я был на нем недолго и приехал поздно, так что не слышал, как комитет поставил вопросы, подлежавшие нашему обсуждению. Протокол посадили писать болвана. При свидании объяснимся.



СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕХОВА, ВЫШЕДШИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ «DER PERSISCHE ORDEN» («ПЕРСИДСКИЙ ОРДЕН»)

Титульный лист и фронтиспис с гравюрой В. Н. Масютина. Берлин, 1922

Вы не можете себе представить, что за анафемская погода стоит у нас и каким удручающим образом она действует на душу. Дня совсем нет. Тьма стоит кромешная. Я в последнее время чувствую себя совсем дурно. Одышка усилилась. Кроме того, глохну на левое ухо и стал лечиться. Это тоже действует на нервы.

Денежные дела были всю эту зиму невозможно скверные, но, к счастью, в последнее время судьба выручила, и теперь «маленечко полегчало». Приезжайте к нам и разгоните нашу хандру. Вы человек здоровый и бодрый.

Говорят, вас «Московские ведомости» обругали?[11] Я не читал и читать этого не желаю. Вероятно, и вы на это плюнете.

Крепко жму вашу руку. Искренний привет от всех нас вашему семейству.

Ваш душевно
А. Плещеев

[1] Письмо от 25 декабря 1889 г. (XIV, 455—457).

[2] В письме от 12 декабря 1889 г. Чехов писал: «Если не вырвусь из Москвы раньше 18 декабря, то приеду после Нового года» (XIV, 452).

[3] Премьера «Лешего» состоялась 27 декабря 1889 г. в Москве в частном театре Абрамовой (XIV, 456).

[4] «Леший» был послан Чеховым для «Северного вестника» 17 марта 1890 г. (XV, 37).

[5] Статья Мережковского о «Лешем» напечатана не была.

[6] В своем отзыве об «Иванове» Р. Д. Дистерло отмечал, что пьеса написана с «умом и талантом» и посвящена «разрешению сложной психологической задачи, разъяснению известного типа». Достоинством «Иванова» критик считал также и то, что, кроме главного героя, «все персонажи очерчены живо и правдиво» («Неделя», 1889, № 11, стр. 357—362; «Критические заметки» за подписью Р. Д.).

[7] Перевод пьесы А. Додэ «Борьба за существование», сделанный Плещеевым («Слово», стр. 278 и см. также XIV, 443, 451—452, 455—456). Пьеса репетировалась в театре Абрамовой. Однако поставлена не была, очевидно, в связи с тем, что 13 февраля того же года театр перешел в полное ведение Общества русских драматических артистов.

[8] «Газета Гатцука» — газета «политическо-литературная, художественная и ремесленная», издатель-редактор А. А. Гатцук. Плещеев имеет в виду перевод той же пьесы А. Додэ «Борьба за существование», сделанный для театра Ф. Корша Борисовым и Аграновым. Однако ни в 1889, ни в 1890 г. на страницах газеты Гатцука перевод пьесы Додэ помещен не был.

[9] Федор Александрович *Куманин* (1855—1896) — редактор газеты «Артист». Как следует из письма Вл. И. Немировича-Данченко от 20 декабря 1889 г., на плещеевский перевод пьесы Додэ «в Москве возлагали большие надежды, но он запоздал». Когда Плещеев известил редакцию «Артиста» о своем переводе, Куманиным уже был приобретен другой перевод (ЦТМ, 77382).

[10] Речь идет о делах Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. Чехов писал о нем Плещееву 25 декабря 1889 г. (XIV, 456).

[11] См. статью Ю. Н. Говорухи-Отрока (псевдоним Ю. Николаев).— «Московские ведомости», 1889, № 345, от 14 декабря.

33

13 февраля ⟨1890 г.⟩ Петербург.

Милейший Антон Павлович.

Ваше письмо было мне приятным подарком на именины, в день которых как раз я получил его[1]. Очень рад, что вы, наконец, вырвались из петербургского омута, хотя, впрочем, он вам, по-видимому, очень по сердцу. А я так по временам охотно бы променял его на вашу московскую «скуку». При этой скуке можно по крайней мере работать. А здесь нельзя положительно; и если б вы здесь постоянно жили, то, конечно, ничего бы не писали, а только бы обедали, ужинали, да дам пленяли... и еще разве изредка ездили бы «воду толочь» на Гороховую, в «Литературное общество»[2]. Вами некоторые ваши друзья остались недовольны в Петербурге (не из нововременского, конечно, кружка) и, надо сказать правду, не без основания. Я и сам мог бы отчасти быть причисленным к ним. Никому из них почти не удалось как следует побеседовать с вами. Вы ко всем заходили на краткий миг, всё торопились уйти, словно приходили по обязанности и, наконец, простились, сказав одним — что сегодня, другим — что завтра уезжаете; а потом две недели с лишком еще оставались в Петербурге[3]. Ведь это собственно, значит в переводе на человеческий язык: оставьте вы меня в покое. (Я не называю «побеседовать» — обедать или ужинать в многочисленной компании.)

Ко мне заезжал еще в то воскресенье (4-го) Галкин-Враский[4], хотя бывает у меня очень редко; не застал меня и оставил карточку. Верно, я ему на что-нибудь был нужен. А я до сих пор не собрался отдать ему визита, чем рискую навлечь на себя его гнев, до которого, впрочем, мне мало дела. Я ему скажу, что Тюремный отчет вы увезли из редакции, а то — он ждет, верно, рецензии[5].

Присылки «Лешего» будем ожидать[6] и будем вам за него много благодарны. Давно бы вам это сделать. Хоть я пьесы не читал, но вполне убежден, что литературные достоинства в ней непременно есть, и, стало быть, о возвращении вам ее «для сожжения» не может быть и речи. Я ее и читать

не стану, а прямо пошлю в типографию. Надо, чтоб она попала в апрельскую книжку. В мартовской можно бы даже заявить, что она появится в следующей книге.

Читал я «Крейцерову сонату» [7] и не скажу, чтоб она сделала на меня сильное впечатление. Толстой ее, говорят (т. е. говорит Чертков, близкий ему человек), переделал совсем; живого места не оставил, и очень сердится, что она разошлась, а, может быть, появится в переводе — в черновом виде. В этом виде он находит ее нехудожественной. В публике мнения очень разделены. Я даже больше встречал людей, которым она не нравится, чем наоборот. В первой половине, в особенности, ужасно много парадоксального, одностороннего, исключительного, даже, может быть, и фальшивого. Конечно, при его почитателях нельзя об этом рта раззевать.

Видели ли вы Островского? Он меня спрашивал, когда вы вернетесь, имея к вам какое-то дело [8]. Я ему отвечал, что не знаю.

Жорж Линтварев мне рассказывал, что брат ваш Михаил писал его семейству, что вы уехали из Петербурга в Москву с Щегловым не по железной дороге, а на лошадях и что вы в Сахалин отправляетесь от министерства внутренних дел для осмотра чего-то. Для чего это он их мистифицирует?

Мои все вам кланяются усердно. Прошу вас передать мой привет вашему семейству. Присылайте же «Лешего». Жму вашу руку. Может я еще попаду в Москву постом.

Ваш А. Плещеев

[1] Письмо Чехова к Плещееву от 10 февраля 1890 г. (XV, 14—15). Именины Плещеева — 12 февраля.

[2] «Русское литературное общество» организовано в 1886 г. В помещении его на Гороховой улице устраивались публичные литературные вечера, заседания с выступлениями поэтов и писателей. Плещеев был почетным членом этого общества (см. «Русское литературное общество. Очерк деятельности общества за 1886—1894 гг.» СПб., 1894, стр. 6).

[3] В этот приезд в Петербург Чехов был занят изучением материалов по Сахалину, на что он и сослался в ответном письме к Плещееву, отводя его упрек (XV, 16).

[4] Михаил Николаевич *Галкин-Враский* — начальник Главного тюремного управления. Чехов обращался к нему с письмом и беседовал лично о получении письменного разрешения на осмотр сахалинских тюрем и промыслов. Просьба Чехова не только не была удовлетворена, но Галкиным было дано «секретное предписание не допускать Чехова до встреч с некоторыми категориями политических ссыльных и каторжников» (XV, 464).

[5] В письме к Плещееву от 15 февраля 1890 г. Чехов просил адресата сказать Галкину-Враскому, чтобы «он не очень заботился о рецензии для своих отчетов. Об его отчетах я буду пространно говорить в своей книге и увековечу имя его; отчеты не важны: материал прекрасный и богатый, но чиновники-авторы не сумели воспользоваться им» (XV, 16).

[6] Чехов сообщал 10 февраля 1890 г.: «„Леший“ будет еще раз прочитан, исправлен и послан в „Северный вестник“ <...> Пришлю я пьесу около 20 февраля» (XV, 15).

[7] «Крейцерова соната» Толстого была запрещена цензурой осенью 1889 г. Издательство «Посредник» оттиснуло 300 литографированных экземпляров, ходивших по рукам. Свое мнение о «Крейцеровой сонате» Чехов высказал Плещееву в ответном письме (XV, 15—16).

[8] П. Н. Островский обратился через Чехова к Суворину с предложением издать рассказы его сестры Надежды Николаевны Островской — детской писательницы (XV, 20).

34

17 марта <1890 г.> Петербург.

Давно не писал вам, добрейший Антон Павлович, и должен прежде всего сообщить вам неутешительную (для меня по крайней мере) новость: «Северный вестник» решилась Анна Михайловна закрыть, и апрельская книжка, полагать надо, не выйдет [1]. Выпускать ее не на что. Для финала я с этой дамой расстался — и будет ли, не будет ли под ее редакцией выходить журнал, я в нем не сотрудник. Она так дерзко, таким нахальным

тоном позволила себе со мной говорить, что мне стоило больших усилий не обругать ее. Я сдержался, однако же, хотя и сказал ей две-три довольно-таки крупные резкости.

Во вторник я решился, наконец, выяснить дело и спросил ее, надеется ли она обернуться и продолжать журнал (она искала 15 тысяч, но, разумеется, никто ей не давал). Она отвечала, что денег она не нашла и намерена журнал закрыть. Я стал выражать свое сожаление и сказал, что уж лучше бы она уступила его даром, но с тем, чтоб ей впоследствии выплатили известную сумму, если журнал пойдет (охотники на это были), нежели губить дело совсем. Взъелась она на меня за это страшно. Я, говорит, основала журнал, я его и закрою! Другого имени над ним не будет стоять. Вы хотите, говорит, Анну Михайловну потопить — но вам не удастся! — Ну и чем же вы удовлетворите подписчиков,— спрашиваю я.— «Другим журналом».— Но ведь и на это деньги нужны?— «Я найду денег».— Вы видите,— говорю,— как легко находить. Ведь вот не нашли же теперь.

Тут уж она из себя вышла и возразила, что она несет на себе ответственность, что она полная хозяйка, а сотрудники не имеют права вмешиваться в ее дела, что они должны помнить, что они сотрудники и т. д. В заключение сказала, что никто из сотрудников не сочувствует ей, что все хлопочут только о своем кармане, что она в литературу изверилась, и что только один сотрудник Флексер (Волынский) [2] принимает в ней участие, потому что ищет ей денег и приводил к ней уже несколько человек, которые, однако же, денег ей не дали. Я говорю ей, что таких людей, от которых, как от козла,— ни шерсти, ни молока,— я ей по двадцати в день буду водить, коли она хочет. Словом, вы поймете, что после такого разговора работать с этой бабой нельзя. Она говорит, что никогда в жизни она не передаст журнала компании Михайловского (на что я ей заметил, что как же она говорила, что дело ставит выше личных интересов). А между тем я узнал сегодня из самых верных источников, что она две недели тому назад или месяц присылала к Михайловскому этого же самого Флексера просить, чтоб тот взял журнал в полное заведование и только оставил бы ей «Областной отдел» [3]. А подпись ее под журналом останется. Но он ответил ей, что он не может иметь с ней дела, потому что *не верит ей*; что она теперь прижата к стене и потому приглашает его, а чуть оперится опять и станет делать ему неприятности. Это она, конечно, никому из нас не рассказывала. Ну, не лгунья ли она? Яковенко имел с ней такой же разговор, как и я, и был также обруган Марьей Дмитриевной, ворвавшейся в комнату, аки гиена (Демаков говорит, «как гигиена») и также ушел из журнала ⟨...⟩.

Вот вам, если не подробная, то все-таки в главных чертах реляция о последних событиях в недрах «Северного вестника». Можете себе представить, в каком завидном я нахожусь теперь положении, лишившись главного своего ресурса. Как и чем буду существовать, пока не знаю.

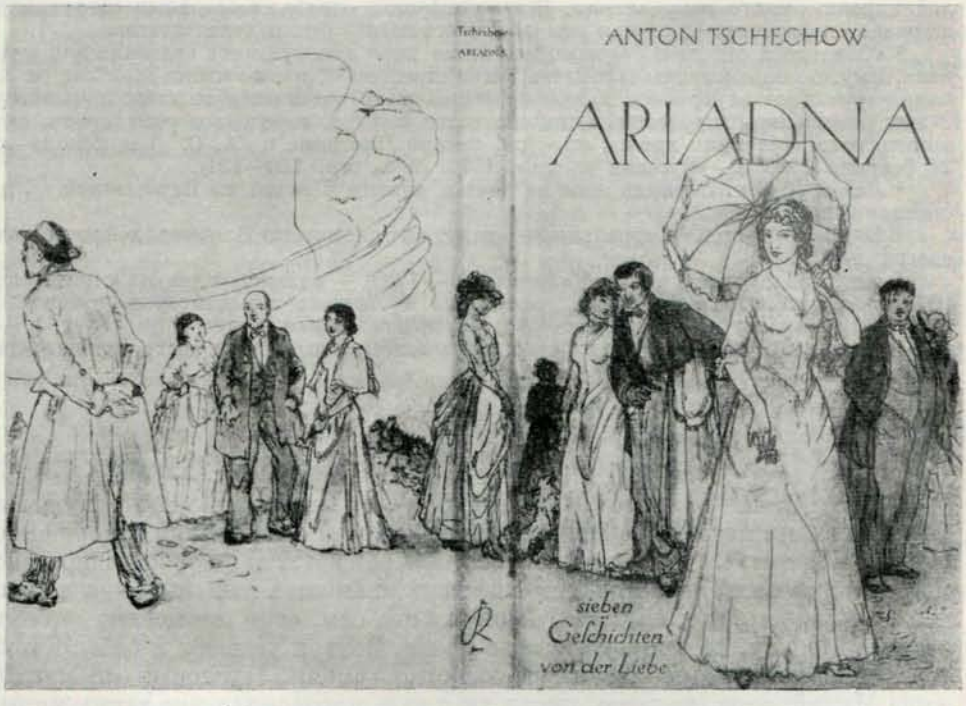
На Пасхе думаю побывать в Москве. Надеюсь еще застать вас там. Очень грустно, если не удастся повидать вас до отъезда.

Теперь журнала у Евреиновой не берут и даром; и, говорят, что в сентябре, если она продаст, то купят у нее. Но едва ли это состоится, хотя бы и нашли денег. Трудно им будет подыскать редактора. Никого не утвердят, особливо, как узнают, что это покупает Михайловский с компанией. Что касается до меня лично, то и работа под «начальством» Михайловского не особенно мне улыбается. Я его норов знаю. Конечно, тут не будет лганья и лицемерства, но будет многое другое — тяжелое и неприятное. Да еще бог весть, не будет ли также бабьих интриг и сплетен. На него очень часто влияют юбки.— Ах! Чего бы я не дал за то, чтоб иметь возможность уйти подальше от журналистики.

У Суворина встретился с вашим братом Михаилом и узнал, что ваши опять едут на Луку. А я поселяюсь опять в тех же местах, что и в прошлом году [4], только в другой усадьбе.

Напишите словечко,— говорят, что вы совсем погрузились в сахалинскую литературу.

В театре перемены. Ушел Потехин, ушел Федоров. Приглашен режиссером Медведев и уж подписал контракт. На русские спектакли в Михайловском театре открыт абонемент. Но этот театр предполагает давать



СБОРНИК РАССКАЗОВ ЧЕХОВА, ВЫШЕДШИЙ НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ ПОД НАЗВАНИЕМ: «ARIADNA. SIEBEN GESCHICHTEN VON DER LIEBE» («АРИАДНА. СЕМЬ РАССКАЗОВ О ЛЮБВИ»)

Суперобложка. Рисунок Михаэля Лиссмана

Лейпциг, 1954 г.

«чистенькие» пьесы для «бомонда» (Крылов, Тихонов, Гнедич), а Островского отдать на жертву Александринке для потехи плебсу. Комитет, кажется, останется при прежней организации, но «освежат» только личный состав. Я, как виновный в забраковании крыловской пьесы и непочтительном отношении к Погожеву, в состав этот не войду [5].

Что творится в нашем комитете? Немирович хотел приехать сюда для вразумления здешних членов насчет Кондратьева,— не передумал ли. Я просил недавно аванса, мне не дали; хотя 100 рублей, которые я брал, уже все давно покрыты, и я получил еще несколько рублей. Ужасные скоты. Возбудили бы вы в комитете вопрос об авансах. Нельзя ли это урегулировать там, чтоб члены не зависели от каприза и произвола Майкова? [6]

Жму вашу руку. Искренний привет вашим и от меня и от моего семейства. Леночка все ждала, что вы к ней зайдете. Будьте здоровы и не забывайте

преданного вам А. Плещеева

[1] Издательница «Северного вестника» А. В. Сабашникова неоднократно уменьшала сумму, предоставлявшуюся на издание журнала. С ноября 1889 г. Сабашникова совсем прекратила финансирование журнала, и с этого времени до марта 1890 г. А. М. Евреинова издавала его на свои средства.

Апрельская книжка «Северного вестника» 1890 г. была выпущена еще Евреиновой, с 5-го номера журнал издавал Б. Б. Глинский, который с 10-го номера стал издателем-редактором журнала. В середине 1891 г. издание журнала перешло к Л. Я. Гуревич.

[2] Аким Львович *Волынский* (псевдоним А. Л. Флексера — 1863—1926) — литературный критик и искусствовед идеалистического направления. После ухода из редакции «Северного вестника» Михайловского, Гл. Успенского, Южакова и других деятелей народнического направления, Волынский стал одним из основных сотрудников журнала, превратившегося при нем в воинствующий орган декадентства.

[3] «Областной отдел» «Северного вестника» имел существенное значение для журнала. Ему, по определению Плещеева, было отведено «широкое место», так как он заменял «рутинное внутреннее обозрение, очень мало читаемое в толстых журналах». В нем помещались корреспонденции «по части земства, городского управления, экономического состояния края и пр.» (см. письмо Плещеева к А. С. Гацисскому от 21 февраля 1885 г.—«Русская мысль», 1912, № 4, стр. 120—121).

[4] Летом 1889 г. Плещеев жил на даче в имении Шевино́ по Варшавской ж. д., станция Преображенская.

[5] В новый состав Театрально-литературного комитета Плещеев действительно введен не был.

[6] Аполлон Александрович *Майков* (1826—1900) — славист, один из учредителей «Общества русских драматических писателей и оперных композиторов», бывший в течение многих лет его казначеем, а затем председателем.

Чехов, как и Плещеев, относился к его деятельности на этом посту отрицательно (XIV, 343).

35

⟨Петербург.⟩ 28 марта ⟨1890 г.⟩*

Милый Антон Павлович. Сегодня получил ваше письмецо и душевно рад, что вы на меня не сердитесь за мой (впрочем искренний совершенно) отзыв о «Лешем»[1]. Я могу ошибаться и выражаю только свое личное мнение, которое совпало с мнением еще двух знакомых мне лиц — и не совпало с мнением двух других[2]. Привезу его сам, если же почему-либо не поеду в Москву, то пришлю вам по почте. Завтра уезжает к себе Жорж. В Москве думает пробыть самое короткое время. Чудесный он малый. Анна Михайловна, не знаю, писал ли я вам, наговорила мне таких милых вещей, что если б даже «Северный вестник» возобновился, то я работать у ней не буду. Сегодня я сообщил ей это официально, так как она после всего, что произошло между ей и мной, направила ко мне какого-то господина с рукописью. Вчера баронесса Икскуль[3] сообщила мне, что она говорила с Михайловским о возобновлении журнала (деньги она бы нашла), но он отвечал, что подцензурного журнала он не возьмет. Она выписала к себе сегодня двоюродного брата Евреиновой, товарища министра путей сообщения[4], чтоб уговорить его похлопотать об освобождении «Северного вестника» из-под цензуры. Не знаю, какой будет результат. Сомневаюсь в его успешности.

Мне не дали аванса в обществе, и от Майкова я никакого письма не получал. Вероятно, Кондратьев[5], к которому я обращался, не нашел нужным ему сказать об этом. Я просил даже не 100 рублей. Мне следовало получить 60 рублей авторских, и я просил, чтоб *добавили 40 рублей авансом*. Но Кондратьев предпочел выслать еще 25 рублей, полученных после моей переписки с ним об авансе, а об авансе умолчал.

Но теперь, когда я по случаю закрытия «Северного вестника» остался совершенно на мели, так что, может быть, мне и в Москву не с чем будет поехать, я бы душевно был благодарен, если б мне дали аванс в 100 руб-

* На письме помета Чехова синим карандашом: 90.

лей, и обращаюсь к вам как к члену комитета [6] с просьбой об этом. Попросите от меня Немировича и Сумбатова. Выслать его теперь к празднику уж не успели бы. Но так, приехав в Москву, я не очутился бы без гроша. На отъезд же собственно я бы здесь добыл. Вы говорите, что никакой *казначей* не отказал бы мне в сторублевом авансе. Майков мне отказывал не раз, хотя все взятые мною авансы всегда покрывались очень скоро... В последнее время нервы мои так развинтились, и я вообще чувствовал себя так плохо, что поехать было бы мне положительно полезно. Я даже, скажу вам, несколько было испугался... я стал забывать слова, имена собственные, факты самые недавние...

Подобное было несколько лет тому на моих глазах с одним знакомым моим в Москве, с покойным Родиславским, которого вскоре потом хватил паралич. Вот, думаю себе, еще, пожалуй, с ума сойдешь...

Прощайте, может быть, до близкого свидания. Жму вашу руку и низко кланяюсь всему вашему семейству.

Ваш А. Плещеев

P. S. Литературно-театральный комитет, кажется, будет состоять из тех лиц, которые его создавали: т. е. из неизбежного Григоровича, Вейнберга и Модеста Чайковского...(?). Модест, положим, отличный малый, но почему же именно он, а не Гнедич, например, или не Аверкиев и т. д.? В Москве проектировали особый комитет, но это едва ли пройдет. Всеволожский против этого [7].

[1] Письмо от 27 марта 1890 г. (XV, 45—46). Отрицательный отзыв о «Лешем» был высказан Плещеевым в письме к Чехову от 24 марта 1890 г. («Слово», стр. 279—281. Письмо ошибочно датировано Плещеевым «24 апреля»).

[2] Плещеев познакомил с пьесой В. Фаусека (см. о нем прим. 11 к письму 11) — человека «с большим эстетическим чутьем»; он, как и Плещеев, дал комедии отрицательную оценку. Д. С. Мережковский и А. И. Урусов оценили «Лешего» восторженно («Слово», стр. 280; см. также XV, 38).

[3] Варвара Ивановна баронесса *Икскуль фон Гильдебанд* — издательница книжек для народа.

[4] Григорий Алексеевич *Евреинов*.

[5] И. М. *Кондратьев* был секретарем Общества драматических писетелей. Письмо Плещеева к нему неизвестно. Чехов обращался по поводу просьбы Плещеева в комитет Общества, который обязал председателя его, Майкова, ответить Плещееву. Однако последний, как видно из содержания настоящего письма, не добился ответа ни от Майкова, ни от Кондратьева (XV, 45—46).

[6] Чехов был избран членом комитета Общества драматических писателей в 1889 г.

[7] Лишь 11 сентября 1891 г. было вновь утверждено положение о преобразованном Театрально-литературном комитете при дирекции императорских театров. Комитет состоял из двух отделений — в Петербурге и Москве. В петербургское отделение вошли: Григорович (председатель),А. А. Потехин, П.И.Вейнберг, П.Н.Гнедич; в московское: Н. С. Тихонравов (председатель), Алексей Н. Веселовский, Н. И. Стороженко, Вл. И. Немирович-Данченко. Деятельность петербургского отделения возобновилась 19 октября, московского — 5 октября (см. Положение о Театрально-литературном комитете и протоколы заседаний.— ЦГАЛИ, ф. 659, оп. 6, ед. хр. 2,3).

36

⟨Петербург.⟩ 12 января ⟨1891 г.⟩

Все ждал, дорогой Антон Павлович, что вы приедете в Петербург [1] или хоть черкнете два слова о себе. Но на днях узнал от Суворина, что вы уже не хотите сюда приехать и что-то захандрили, хотите ехать в деревню. Теперь, в эти холода, в деревню, зачем? Если вы нездоровы, там только хуже распростудитесь. Приехали бы лучше сюда, мы бы здесь постарались разогнать по мере сил вашу хандру. Мережковский говорил мне, что был у вас, но от него я ничего не мог узнать о вас обстоятельно. Полагаю, что он все разговаривал с вами об эстетике или о боге,

исканием которого он теперь занимается (некоторые говорят, чересчур шумным). Другие говорили мне, знают о вас только от Свободина, состоящего с вами в переписке и который передавал им, что вас очень тревожит болезнь Ивана Павловича [2]. Правда ли это, и чем он болен? Пожалуйста, передайте ему и всем вашим мой искренний сердечный привет и поздравление с Новым годом, с которым и вас поздравлю. А очень, очень хотелось бы повидаться и побеседовать с вами о многом.

Вы, конечно, уже слышали о той перемене, которая должна произойти в скором времени в моей судьбе, если только не возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства и не затормозят этого дела [3]. Вот, если сделаюсь помещиком, то затащу вас к себе, в Пензенскую губернию [4]. Намереваюсь тогда «посадить на землю» моего младшего сына — Коку, который восчувствовал большое влечение (он и прежде несколько стремился к этому) к хозяйству... Нынешний год мне самому едва ли удастся быть там, потому что думаю съездить с семьей за границу, где пробыл недавно два с половиной месяца [5]. Хотя меня и преследовало ненастье, а потом холод, но все же я этой поездкой остался доволен. При свидании расскажу вам о ней. Но, впрочем, в ней для вас, может быть, будет мало интересного. А вот рассказов о вашем путешествии — все мы, знающие вас, жаждем как манны небесной. Спасибо вам за два коротеньких письмеца с дороги.

Так мне было досадно, что я не мог вам отвечать; ужасно мне хотелось писать вам, но не знал куда. Пожалуйста, напишите мне, голубчик. Я соскучился совсем по вашим письмам. Я собираюсь и сам в Москву, но думаю, что ранее февраля не попаду. Не теряю надежды видеть вас здесь ранее. Может быть, к вам поедет Суворин, которому тоже, конечно, очень хочется вас видеть. Желаю вам здоровья, это прежде и главнее всего, и хорошего настроения. Пишете ли что-нибудь? Ваш рассказ в рождественском номере «Нового времени» здесь произвел на всех глубокое впечатление. Удивительная у вас вышла фигура этого «протестанта» [6].

Крепко жму вашу руку.

Ваш душевно А. Плещеев

Адрес мой тот же: Спасская № 1.

[1] Чехов был в это время уже в Петербурге, но Плещеев не знал об этом (XV, 144—145).

[2] Иван Павлович Чехов, приехавший в Москву на рождественские праздники, заболел тифом.

[3] Речь идет о крупном наследстве, полученном Плещеевым в 1890 г. после смерти его родственника Алексея Павловича Плещеева.

[4] К Плещееву должно было перейти имение, находившееся в Пензенской губернии, Мокшанского уезда, с. Чернозерье, но на имение предъявил права некий Хвощинский, которому оно и отошло.

[5] Плещеев провел во Франции и Италии время с середины сентября до начала декабря 1890 г.

[6] Рассказ Чехова «Гусев», напечатанный в газете «Новое время», 1890, № 5326, от 25 декабря.